

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1902.

№ 24.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово на день Святаго Апостола Андрея Первозваннаго. <i>Пресвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго</i>	721—728
Взглядъ Огюста Конта и позитивистовъ на оущность религіи (окончаніе). <i>Профессора Харьковскаго Унѣверситета, Протоіеря Т. Буткевича</i>	729—747
Очеркъ современнаго состоянія протестантскаго богословія (окончаніе). <i>Федора Аленимова</i>	748—770
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Русскій Фригъ XIX вѣка Вл. С. Соловьевъ (окончаніе). <i>Александра Никольскаго</i>	453—485
Критика Альфреда Фулье нравственнаго ученія Ницше. Переводъ съ французскаго (окончаніе). <i>В. Дровдова</i>	486—498

Къ вопросу: чѣмъ иногда является критика въ наше время. *Н. Страсова*. 1—10

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшая отиѣтка.—Опрежденіе Святейшаго Синода.—Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Журналы съѣзда духовенства, Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1902 г.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канониковъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія овидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ чеховѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗБОРКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСАВЪ ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавкіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1901 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его оочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожеіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“. присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леоніда Баграцова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1903 году.

Заявляя объ изданіи журнала „Вѣра и Разумъ“ въ 1902 году, редакція журнала извѣщала, что блаженная кончина основателя ея изданія, Архіепископа Амвросія, не будетъ имѣть вліянія на измѣненіе характера и направленія изданія. Въ Божѣ почившій Архіепископъ всегда сохранялъ убѣжденіе, что въ наше время современное образованное общество, кромѣ религіозно-нравственнаго назиданія, нуждается въ опроверженіи различныхъ заблужденій, въ оправданіи и выясненіи христіанскихъ началъ жизни и вообще въ указаніи на гармоническое единеніе вѣры и знанія, — богооткровенной истины и человѣческой науки. Этимъ завѣтамъ почившаго іерарха журналъ нашъ останется вѣрнымъ и въ 1903 году; это же журнальное направленіе обязательно для редакціи и на будущее время, и обязательно тѣмъ болѣе, что оно находитъ благосклонное одобреніе, архипастырское благословеніе и высокое покровительство въ лицѣ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, преемника почившаго іерарха по святительской кафедрѣ. Соответственно съ этимъ журналъ нашъ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзорнѣе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Табъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, отпосланныя до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г. 9 р. и 1902 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

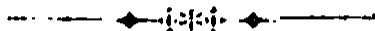
1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомяна. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

4. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерея Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

;

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1902 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

С Л О В О

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго,

на день Святаго Апостола Андрея Первозваннаго ¹⁾.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Сегодняшній день св. мать наша Церковь воспоминаетъ память св. апостола Андрея Первозваннаго. Св. ап. Андрей называется Первозваннымъ потому, что онъ *первый* вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Симономъ—Петромъ (Іоан. 1, 40—1), по зову Христа Спасителя: *идите за Мною* (Мѣ. 4, 19), тотчасъ послѣдовалъ за Нимъ, оставивъ свои рыболовныя сѣти и свое занятіе, дававшее ему средства существованія (Мѣ. 4, 18). Затѣмъ все время общественнаго служенія Христа Спасителя св. Андрей, вмѣстѣ съ другими апостолами, ходилъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, раздѣляя съ своимъ Божественнымъ Учителемъ какъ труды благовѣствованія царствія Божія, такъ и лишенія страннической жизни, матеріальныя нужды и злобу враговъ. Перенесши чрезвычайныя скорби взятія Господа и распятія Его на крестѣ, и вмѣстѣ съ этимъ крушеніе всѣхъ своихъ завѣтныхъ надеждъ, онъ имѣлъ радость видѣть воскресшаго и возносящагося на небеса Господа, а затѣмъ и получить въ день Пятидесятницы обѣтованнаго Св. Духа. Исполненный силою и наитіемъ Святаго Духа, св. ап. Андрей странствовалъ съ проповѣдью евангелія по многимъ мѣстамъ Азіи и Европы,—былъ въ Греціи, Македоніи, Малой Азіи, Иверіи и другихъ мѣстностяхъ Кавказа, былъ

¹⁾ Сказанное 30 ноября 1902 г. въ Рождество-Богородичной церкви з. г. Бѣлополья Сумскаго уѣзда.

въ Крыму и въ южной части нынѣшней Россіи, доходилъ, какъ говоритъ преданіе, до горъ Кіевскихъ, гдѣ, водрузивъ крестъ, предсказалъ этому мѣсту обиліе благодати Божіей, возникновеніе великаго града и многихъ храмовъ. Послѣ многихъ лѣтъ неустанной проповѣди евангелія по разнымъ странамъ, въ одномъ изъ городовъ Греціи, Патрасѣ, ап. Андрей былъ за свою проповѣдь распятъ на крестѣ. Но и, вися на крестѣ, св. апостоль въ крестныхъ мукахъ два дня поучалъ собиравшійся къ его кресту народъ, пока не предалъ духъ свой Богу 30 ноября 70 года.

Такъ св. Апостоль, оставивъ все, послѣдовалъ за Христомъ, всю жизнь свою посвятилъ служенію Ему и наконецъ за дѣло Его кончилъ жизнь свою на крестѣ, и тѣмъ заслужилъ участіе въ Божественной славѣ своего Господа (Іоан. 14, 3; 17, 22—4) и уготовалъ себѣ престоль *въ накібытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческой на престоль славы Своей* (Мѡ. 19, 28).

Что же, будемъ ли только удивляться самоотверженію и подвигамъ Апостола? Нѣтъ, мы должны и подражать ему, если хотимъ наслѣдовать жизнь вѣчную. Но ужели *всѣ Апостолы? всѣ учителя* (1 Кор. 12, 29)? Ужели всѣмъ намъ, чтобы получить жизнь вѣчную, необходимо, оставивъ свои обычныя занятія, идти съ проповѣдью евангелія? Нѣтъ, не всѣ призываются къ апостольскому служенію, не всѣмъ дано проповѣдывать тайны царствія Божія. Но тѣмъ не менѣе вѣчную жизнь нельзя иначе наслѣдовать, какъ, подобно Апостолу, послѣдовавъ за Христомъ, взявъ крестъ свой для распятія на немъ и оставивъ предварительно все, что мѣшаетъ этому послѣдованію за Господомъ. Христосъ Спаситель совершенно ясно *отвѣсѣхъ* требуетъ: *ко всѣмъ же сказалъ: если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною* (Лк. 9, 23), и всѣхъ, кто не исполняетъ этого требованія Его, считаетъ недостойными Себя, недостойными, слѣдовательно, и наслѣдія жизни вѣчной (Мѡ. 10, 37—9).

Поэтому намъ очень важно знать, какъ мы можемъ подражать св. Апостоламъ, не будучи призваны къ собственно апостольскому служенію? Какъ мы можемъ, находясь въ обычныхъ условіяхъ жизни, исполнить требованіе Христа Спасителя?

Св. Апостолъ Андрей, по зову Спасителя, оставилъ свои рыболовныя сѣти, а мы должны, по повелѣнію того же Спасителя, оставить, *отвергнуть себя*. Но, спросите, что значитъ отвергнуть себя? Это значитъ отвергнуть свои *похоти*, эти сѣти запынающаго насъ грѣховнаго міра (Евр. 12, 1). *Все, что въ міръ*, говоритъ Слово Божіе: *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1 Иоан. 2, 16). Этихъ то похотей мы и должны удаляться (1 Петр. 2, 11; 4, 2; 2 Петр. 1, 4; Тит. 2, 12; Кол. 3, 5), и въ этомъ именно удаленіи заключается указанное требованіе Христа Спасителя отвергнуться себя.

Въ чемъ же теперь состоятъ эти похоти?—*Похоть плоти* состоитъ въ невоздержаніи всякаго рода: въ *объяденіи*, когда *чрево* человѣка дѣлается какъ бы *богомъ* его (Филип. 3, 19), въ *пьянствѣ* (Гал. 5, 21), *блудѣ*, *прелюбодѣянніи* (Гал. 5, 19), и подобныхъ дѣлахъ, о которыхъ, какъ говоритъ Апостолъ *стыдно и говорить* (Ефес. 5, 12). Вотъ эту похоть плоти и требуется прежде всего подавить въ себѣ или совершенно отвергнуть отъ себя. *Смотрите же за собою*, сказалъ Спаситель, *чтобы сердца ваши не отягались объяденіемъ и пьянствомъ и заботами житейскими (что намъ пьтъ? или что пить? или во что одѣться?) и чтобы день тотъ не постигъ васъ внезапно* (Лк. 21, 34; Мѡ. 6, 31). *Никакой блудникъ, а равно и пьяницы* говоритъ слово Божіе, *не имѣютъ наследія въ царствѣ Христа и Бога* (Еф. 5, 5; 1 Кор. 6, 9—10). А на равнѣ съ фактическимъ прелюбодѣйствомъ Христосъ Спаситель ставитъ также нечистыя мысли, и пожеланія (Мѡ. 5, 27—8). Посему послѣдователь Христовъ долженъ быть свободнымъ не только отъ всего этого (1 Кор. 10, 6—9), но быть воздержнымъ даже и въ томъ, что позволительно (10, 23), такъ что, ѣсть ли онъ, пьтъ ли, или иное что дѣлаетъ, онъ долженъ все дѣлать не иначе, какъ во славу Божію (10, 31).—*Похоть, очей* состоитъ въ *любостыяжаніи*, *корыстолюбіи*, или *сребролюбіи*. Всѣ эти виды похоти очей являются въ человѣкѣ, когда онъ главную цѣль своей жизни полагаетъ въ наживѣ, въ обогащеніи, при неразборчивости иногда въ самыхъ средствахъ обогащенія. Таковую похоть слово Божіе приравниваетъ къ идолослуженію (Еф. 5, 5; Кол. 3, 5), а потому считаетъ ее *гну-*

сною (1 Петр. 5, 2), постыдною (Тит. 1, 11) и совершенно неприличною для послѣдователей Христовыхъ (Еф. 5, 3). Смотри, сказалъ Самъ Спаситель, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человека не зависитъ отъ изобилія имѣнія его (Лк. 12, 15). Трудно богатому войти въ царствіе Божіе, ибо удобнѣе верблуду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе (Лк. 18, 24—5). Какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою? (Мѡ. 16, 26). Эту похоть очей христіанину требуется умертвить въ себѣ такъ же, какъ и похоть плоти (Кол. 3, 5); она, наравнѣ съ блудомъ, не должна даже именоваться у послѣдователей Христовыхъ (Еф. 5, 3).—Третья похоть, которую христіанинъ долженъ отвергнуть, есть гордость житейская, состоящая въ надменіи плотскимъ умомъ своимъ (Кол. 2, 18), который съ трудомъ, едва постигаетъ и то, что на землѣ (Прем. 9, 16), но дерзаетъ изслѣдовать тайны небесныя, не покоряясь Евангелію Божію (1 Петр. 2, 8; 4, 17) и богооткровенной истинѣ (Гал. 3, 1; Рим. 2, 8), но увлекаясь философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, а не по Христу (Кол. 2, 8). Отсюда превозношеніе своимъ существомъ, доходящее до отрицанія въ немъ какой либо наслѣдственной и собственной грѣховной порчи, а потому даже и до отверженія искупленія, совершеннаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Отсюда превозношеніе собственными силами, какъ вполнѣ достаточными, безъ содѣйствія Божественной помощи и благодати, для совершенія добра и для нравственнаго совершенства (Апок. 3, 17; 2 Петр. 2, 1; 1 Петр. 2, 4—8), доходящее до поставленія свой воли на мѣсто святой, благой и совершенной воли Божіей (Лк. 7, 30; 1 Петр. 4, 2—3; Рим. 10, 3; 8, 7). Отсюда также самолюбіе, превозношеніе предъ братьями своими и презрѣніе къ нимъ (Іоан. 7, 49; 9, 34), вражда, злоба, зависть, ненависть.—Эта похоть изъ всѣхъ самая гибельная. Предающіеся этой похоти подпадаютъ подъ осужденіе діавола (1 Тим. 3, 6).

Не оставляя своихъ обычныхъ дѣлъ и занятій, но отверг-

нущи тройственную похоть—плоти, очей и гордости житейской,—эту сѣть, которою міръ и діаволь опутываетъ насъ (2 Тим. 2, 26), мы вполне уподобимся св. апостолу Андрею, оставившему сѣти свои, привязывавшія его къ міру.

Далѣе намъ необходимо послѣдовать за Христомъ, какъ и апостоль послѣдовалъ за Нимъ. Но какъ мы можемъ теперь слѣдовать за Христомъ, когда Его нѣтъ съ нами?—Слѣдовать за Христомъ теперь мы можемъ единственно исполненіемъ Его святыхъ заповѣдей.

Поэтому слѣдуетъ за Христомъ тотъ, кто имѣетъ нищету духовную, то есть, *смирение* христіанское,—кто считаетъ себя землею и пепломъ, грѣшникомъ, недостойнымъ помилованія, не могущимъ безъ помощи Божіей *дѣлать ничего* истинно добраго (Іоан. 15, 5); кто смиренно покоряетъ умъ свой Откровенію, вѣрѣ и истинѣ евангельской (Рим. 16, 19; 2 Кор. 9, 13; 10, 4—5; 1 Петр. 1, 2, 22), а волю свою—благой, угодной, совершенной волѣ Божіей (Рим. 12, 2; 1 Петр. 4, 2; Мѣ. 17, 21; 1 Іоан. 2, 17) и закону Господню (Пс. 1, 2; 39, 9; Рим. 7, 22); кто ни предъ кѣмъ не превозносится, не тщеславится, но всѣхъ почитаетъ высшими себя (Фил. 2, 3), зная, что *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (1 Петр. 5, 5).—Слѣдуетъ за Христомъ тотъ, кто, глубоко чувствуя свою грѣховность, свое безсиліе къ добру, *плачетъ* и сокрушается о томъ, день и ночь взываетъ къ Господу объ исцѣленіи своего растлѣнія грѣховнаго (Пс. 41, 4; Лк. 18, 7; Іак. 4, 9), о Его милости и всемогущей помощи къ чистой, святой и богоугодной жизни (Пс. 37, 22—3; 70, 12; Іуд. 21; Лк. 18, 13), и принимаетъ эту помощь въ св. таинствахъ и установленіяхъ церковныхъ. (Евр. 4, 16).—Слѣдуетъ за Христомъ тотъ, кто *кротко*, безъ ропота, какъ больной горькое врачество, переноситъ всѣ скорби и невзгоды бременаго земнаго своего существованія среди грѣховнаго міра—болѣзни, бѣдность, несчастія, низкое положеніе; кто не воздастъ *зломъ за зло или ругательствомъ за ругательство* (1 Петр. 3, 9), но побѣждаетъ *зло добромъ* (Рим. 12, 17—21); всѣ обиды, оскорбленія и гоненія злыхъ людей предастъ *Судии Праведному* (1 Петр. 2, 23), зная, что *это угодно Богу* (1 Петр. 2, 19—

20), очищающему насъ страданіями, какъ золото и серебро очищаются въ горнилѣ (Пс. 11, 7; Мал. 3, 3; Ис. 48, 10) —Слѣдуетъ за Христомъ тотъ, кто *алчетъ и жаждетъ правды*, то есть, уповая на помощь Божию и принимая ее въ святыхъ таинствахъ, и самъ всѣми силами своего существа, какъ голодный и жаждущій къ пищѣ и питію, стремится къ оправданію предъ Богомъ, къ водворенію въ себѣ и по возможности въ окружающемъ мірѣ всего, что *только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала* (Филип. 4, 8); кто соблюденіе заповѣдей Господнихъ ставитъ выше всего на свѣтѣ (Пс. 118, 127, 131; Іоан. 12, 50; 1 Тесс. 4, 1—7).—Слѣдуетъ за Господомъ тотъ, кто *милостивъ* къ ближнимъ, то есть, кто, имѣя достатокъ матеріальный и видя брата своего въ нуждѣ или въ страданіи, не затворяетъ отъ него сердца своего (1 Іоан. 3, 17; Іак. 2, 15—6), но благовременною помощью и состраданіемъ готовъ откликнуться на всякую тѣлесную и духовную нужду его: на голодъ и наготу его, на его безпріютность, болѣзнь, безысходность общественнаго положенія (Мѡ. 25, 34—6); кто готовъ радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими (Рим. 12, 15); кто также, имѣя достатокъ духовный, спѣшитъ съ алчущими духомъ раздѣлять хлѣбъ истины, особенно истины евангельской (Мѡ. 4, 4; Мрк. 16, 15), нагихъ духомъ облечь въ одежду добродѣтели, духовно болящимъ доставить врачеваніе язвъ ихъ совѣсти, бродящихъ внѣ ограды церковной ввести подъ кровъ Церкви, впавшихъ въ плѣнъ и темницу къ врагу спасенія нашего, діаволу, вывести на свободу и славу дѣтей Божіихъ.—Слѣдуетъ за Христомъ тотъ, кто сердце свое, *чистое* отъ всѣхъ дурныхъ мыслей и желаній, очищаетъ отъ прираженій лукаваго непрестанною *молитвою и постомъ* (Мѡ. 17, 21; 1 Сол. 5, 17), непрестаннымъ памятованіемъ Господа Іисуса Христа (2 Тим. 2, 8), смерти, послѣдняго суда и воздаянія.—Слѣдуетъ за Христомъ тотъ, кто не только самъ не допускаетъ въ сердце свое вражды къ ближнему своему, но и старается водворять братскій *миръ* между враждующими, особенно же, подобно Сыну Божию, старается водворять миръ между грѣшниками и Богомъ, ста-

рается привести первыхъ отъ ихъ безумной вражды къ Богу и заповѣдямъ Его къ смиренной покорности евангелію, къ святости и непорочности (Іак. 4, 4; Рим. 5, 10—1; 8, 7; 2 Кор. 5, 20; Кол. 1, 22).

Вотъ спасительныя заповѣди Христовы (Мѡ. 5, 3—9), исполняя которыя, мы такъ же слѣдуемъ за Христомъ, какъ слѣдовалъ за Нимъ св. Апостоль Андрей. Свѣтъ этихъ заповѣдей есть та же проповѣдь апостольская (Мѡ. 5, 16) и такъ же ведетъ къ свѣту вѣчной жизни, къ любви Отца небеснаго, къ свѣтлымъ обителямъ въ царствѣ Его (Іоан. 14, 2—3, 21, 23).

За исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ намъ остается исполнить послѣднее требованіе Христа Спасителя—взять *крестъ свой* и распяться на немъ. Но какъ мы можемъ исполнить это требованіе, когда нынѣ никого не распинаютъ на крестахъ?—Правда, что нынѣ не существуетъ крестной казни, и самый крестъ сталъ изъ предмета ужаса и поношенія предметомъ украшенія и почитанія. Но истинно предрекло слово Божіе, что *желающіе жить благочестиво гонимы будутъ* (2 Тим. 3, 12). Всегда, а во времена развитія беззаконій въ особенности, исполнители заповѣдей Христовыхъ и блюстители *правды* Его подвергаются гоненіямъ, поношенію, насмѣшкамъ, злословію неразумныхъ или злыхъ людей (Мѡ. 5, 10—1). И не только ложный стыдъ предъ родомъ симъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ (Мрк. 8, 38), но иногда бѣдность, лишенія, болѣзнь и даже самая смерть стоятъ на пути христіанна въ его слѣдованіи за Христомъ, на пути исполненія имъ заповѣдей Христовыхъ. Вотъ это и есть *крестъ*, который христіанинъ обязательно долженъ взять, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ (Мѡ. 5, 29—30), а, въ случаѣ нужды, ради Евангелія, ради соблюденія заповѣдей Христовыхъ, распять себя на немъ, то есть, положить на немъ не только земное счастье свое, здоровье, но и самую жизнь (Мѡ. 10, 38—39; Мрк. 8, 34—36). Взавшіе такимъ образомъ этотъ спасительный крестъ и распинающіеся на немъ и нынѣ вполне уподобляются св. ап. Андрею, на крестѣ въ страшныхъ мученіяхъ не оставившему служить евангелію и заповѣдямъ Христовымъ. Имъ такъ же, какъ апостоламъ, уготованы и высшія духовныя радости въ вѣкѣ на-

стоящемъ и вѣчная жизнь въ вѣкѣ грядущемъ, въ царствѣ небесномъ (Мѡ. 19, 28—30; Мрк. 10, 29—30; Лк. 18, 29—30).

Такъ вотъ, возлюбленные братья и сестры, какъ нынѣ, не оставляя своихъ обычныхъ занятій, не выступая собственно на апостольское служеніе, если не получаемъ на него особаго призванія Божія, мы можемъ вполнѣ уподобляться св. апостоламъ, въ частности празднуемому нынѣ св. апостолу Андрею Первозванному, и такимъ образомъ уготовлять себѣ свою временную земною жизнію вѣчное отечество небесное и въ немъ престолъ Божественной славы и Божественныхъ радостей и совершенствъ (Апок. 3, 21)!

Отходя въ дома свои, помолимся усердно св. апостолу Андрею, чтобы онъ воодушевилъ насъ непреклонною рѣшимостью оставить мірскія похоти плоти, очесъ, и гордости житейской, съ искреннимъ усердіемъ послѣдовать за Христомъ въ исполненіи Его Божественныхъ заповѣдей, и безъ страха взять крестъ спасительныхъ страданій и лишеній, ожидающихъ всякаго желающаго жить по заповѣдямъ Христовымъ, и такимъ образомъ наслѣдовать уготованное намъ отъ созданія міра царство небесное (Мѡ. 25, 34), что и да будетъ со всѣми вами. Аминь.

Епископъ Стефанъ.

Взглядъ Огюста Конта и позитивистовъ на сущность религіи.

(Окончаніе *).

О. Контъ не подвинулся ни на шагъ въ сравненіи съ защитниками натуралистической гипотезы и въ пониманіи сущности религіи. По его опредѣленію, религія есть *объясненіе* явленій; философія также есть *объясненіе* явленій; положительное званіе также есть *объясненіе* явленій. Такимъ образомъ Контъ отождествляетъ религію съ знаніемъ вообще; по его ученію, религія есть только низшая ступень знанія и вытекаетъ изъ общаго съ нимъ источника. Но эта мысль Конту, собственно говоря, не принадлежитъ: ее высказывалъ уже Спиноза; на ней настаивалъ Гегель; ее же проагандируютъ и всѣ вообще матеріалисты, начиная съ Гоббеса. Ясно, что и въ этомъ отношеніи взглядъ Конта на религію не можетъ быть признанъ новымъ и оригинальнымъ. Но о томъ, что Контъ понимаетъ ошибочно самую сущность религіи, мы будемъ говорить подробнѣе ниже.

Впрочемъ, и самъ Контъ полагаетъ свою заслугу не въ опредѣленіи религіи и не въ разрѣшеніи вопроса объ ея происхожденіи. Онъ (будтобы) облагодѣтельствовалъ человѣчество *открытіемъ* неизвѣстнаго, но основнаго закона, по которому совершается естественное развитіе человѣческаго духа. „Изучая развитіе человѣческаго разума, какъ онъ обнаруживался съ перваго, простѣйшаго начала до настоящаго времени въ раз-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 28

ныхъ сферахъ своей дѣятельности, я открылъ, какъ мнѣ кажется, великій основной законъ, которому съ безусловною необходимостію онъ подчиняется и который, по моему мнѣнію, можетъ быть основательно доказанъ частію на рациональныхъ выводахъ, частію на историческихъ свидѣтельствахъ, заимствуемыхъ изъ серьезнаго изученія прошлаго времени. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что каждое изъ главныхъ нашихъ понятій, каждая отрасль нашихъ познаній послѣдовательно проходитъ чрѣзъ три различныхъ теоретическихъ состоянія: состояніе теологическое или фѣктивное, состояніе метафизическое или отвлеченное и состояніе научное или позитивное". И такъ, вотъ въ чемъ, по признанію Конта, состоитъ его заслуга для человѣчества! Онъ сдѣлалъ *открытие!* Онъ указалъ на основной законъ, по которому развивается человѣчскій разумъ и о которомъ до Конта человѣчество ничего не знало,—не предполагало даже и его существованія! Такимъ образомъ въ области развитія человѣческаго самосознанія Контъ является своего рода Колумбомъ! Но такъ ли это? Ставимъ этотъ вопросъ потому, что есть много серьезныхъ ученыхъ, не признающихъ за Контомъ той заслуги, которую онъ самъ себѣ приписываетъ. Изъ русскихъ ученыхъ мы должны здѣсь назвать, по крайней мѣрѣ, слѣдующихъ: В. Д. Кудрявцева, Вл. С. Соловьева, В. Лесевича, И. Полетику и Л. Оболенскаго. Ихъ сочиненія, относящіяся къ позитивизму Конта, упомянуты нами выше.

Что же оказывается?—Оказывается прежде всего, что Контъ не сдѣлалъ никакого новаго открытія въ области развитія человѣческаго самосознанія; онъ лишь *нѣсколько* видоизмѣнилъ то, что уже давнымъ давно было извѣстно исторіи развитія философскаго мышленія. Онъ смотритъ на религію, какъ мы видѣли, лишь какъ на знаніе (фѣктивное объясненіе явленій). Но такъ понимали религію очень и очень многіе еще въ дохристіанскую эпоху; имена ихъ мы назвали въ своемъ изложеніи натуралистической гипотезы о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Въ христіанскую эпоху на религію смотрѣли какъ на знаніе уже древніе *гностики*, а изъ западно-европейскихъ мыслителей—Гоббесъ, англійскіе деисты,

французскіе энциклопедисты, германскіе рационалисты, затѣмъ—Спиноза и въ особенности Гегель. По ученію послѣдняго, абсолютная идея въ своемъ развитіи въ духѣ человѣческомъ такъ же, какъ и по Контю, проходитъ три ступени: искусство, религію и метафизику: въ сравненіи съ метафизикою или знаніемъ въ формѣ понятія религія есть только низшая, подготовительная ступень, какъ знаніе въ формѣ представленія. По Гегелю, какъ и по Контю, религія, какъ низшая ступень или состояніе знанія должна исчезнуть съ появленіемъ высшаго знанія—философскаго. Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣтилъ уже В. Д. Кудрявцевъ, между Гегелемъ и Контомъ разница не существенная: она состоитъ лишь въ томъ, что формою знанія высшею религіи Гегель почитаетъ свою абсолютно-идеалистическую философію, а Контъ свою—позитивную. Итакъ, несомнѣнно, что Контъ не сдѣлалъ никакого великаго открытія въ области развитія человѣческаго самосознанія.

Теперь посмотримъ, что это за великій основной законъ, открытый Контомъ, которому, по его словамъ, съ безусловною необходимостію подчиняется человѣческій разумъ. Законъ этотъ, говоритъ Контъ, состоитъ въ томъ, что каждое изъ главныхъ нашихъ понятій, каждая отрасль нашихъ познаній послѣдовательно проходитъ чрезъ три различныхъ теоретическихъ состоянія: состояніе теологическое или фиктивное, состояніе метафизическое или отвлеченное и состояніе научное или положительное. Но—спрашивается—существуетъ ли въ дѣйствительности этотъ „великій основной законъ“? Контъ отвѣчаетъ, что существованіе открытаго имъ закона можетъ быть „доказано основательно частію на *раціональныхъ выводахъ*, частію на историческихъ выводахъ“. Но ни тѣмъ, ни другимъ путемъ доказать нельзя существованія этого закона.

Основное положеніе здравой человѣческой логики гласитъ, что въ своемъ развитіи разумъ челоѣка безусловно подчиняется строгой постепенности и послѣдовательности, переходя отъ простаго къ сложному, отъ нагляднаго къ отвлеченному, отъ легкаго къ трудному. По Контю, первое состояніе челоѣческаго разума или религія есть *объясненіе явленій*, т. е., теорія,

гипотеза, обобщеніе, абстракція; послѣднее состояніе—позитивное—есть только наблюденіе, опытное знаніе, изученіе явленій, отъ котораго человѣческой разумъ переходитъ уже къ обобщеніямъ. Такимъ образомъ, Контъ хочетъ увѣрить своихъ читателей, что разумъ человѣческой съ своемъ развитіи подчиняется совершенно иному порядку, даже противоположному тому, какого требуетъ основной логической законъ и будто-бы онъ шелъ въ своемъ развитіи не отъ простаго къ сложному, не отъ нагляднаго къ отвлеченному, а какъ—разъ наоборотъ.

Эту основную ошибку (πρότων ψεύδος) въ ученіи Огюста Конта ясно видѣли всѣ его критики; но особенно мѣтко указалъ на нее Вл. С. Соловьевъ. Вотъ что мы читаемъ у него по этому поводу. „Развитіе религіознаго міровоззрѣнія описывается Контъ такъ: сначала явленія объясняются уподобленіемъ ихъ человѣческимъ дѣйствіямъ, такъ какъ всѣмъ предметамъ внѣшняго міра приписывается жизнь и самостоятельная дѣятельность; это есть *фетишизмъ*. Затѣмъ въ образѣ *политеизма* является, по выраженію Конта, „болѣе прочная *гипотеза*“, которая объясняетъ каждое явленіе, какъ дѣйствіе особеннаго существа, и для каждаго новаго явленія придумывается новый сверхъестественный дѣятель. Наконецъ, когда начинаютъ замѣчать въ явленіяхъ ихъ закономерность, постоянство ихъ отношеній, тогда политеизмъ замѣняется *монотеизмомъ*, т. е., всѣ явленія приписываются дѣйствію одного трансцендентнаго существа. Такое объясненіе религіи,—говоритъ Соловьевъ,—отличается несомнѣнно простотою и ясностію и имѣетъ лишь тотъ недостатокъ, что весьма мало относится къ дѣйствительной религіи. И во-первыхъ, когда утверждается, что религія *произошла*, какъ нѣкоторая теорія или гипотеза для объясненія явленій, то въ этомъ заключается то нелѣпое предположеніе, что въ тѣ первобытныя времена, къ которымъ должно быть относимо происхожденіе религіозныхъ представленій, человѣкъ былъ такимъ же абстрактнымъ теоретикомъ, каковы современные ученые. Современный ученый дѣйствительно нуждается въ разныхъ теоріяхъ и гипотезахъ для объясненія естественныхъ явленій, потому что для него эти явленія представляются чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ. Но для древняго че-

ловѣка, какъ это несомнѣнно доказывается языкомъ и миѳологіей, естественныхъ явленій въ нашемъ смыслѣ совсѣмъ не существовало, слѣдовательно, и объяснять было нечего, для него все существующее непосредственно являлось, какъ выраженіе и дѣйствіе существа или существъ одушевленныхъ, онъ не только говорилъ, но и мыслилъ миѳологически (по справедливому замѣчанію Штейнхала). Поэтому то, что Контъ называетъ фетишизмомъ и политеизмомъ, т. е., миѳологія, есть извѣстный непосредственный способъ возрѣнія: считать же его, подобно Конту, за придуманную теорію такъ же нелѣпо, какъ видѣть придуманную теорію въ томъ одухотвореніи вещественныхъ предметовъ, которое замѣчается у большей части дѣтей и въ наше время. Давно уже наука отвергла тѣ объясненія, по которымъ общенія и существенныя явленія человѣческой жизни считались произведеніемъ сознательнаго соображенія или преднамѣреннаго умысла. Давно уже брошена теорія о происхожденіи общества и государства изъ договора, языка—изъ произвольнаго условія. Точно также немислимо при теперешнемъ состояніи науки и Контово объясненіе религіи, какъ придуманной гипотезы“.

Достоинство всякой гипотезы опредѣляется не одними только „раціональными выводами“ или теоретическими соображеніями. Вопросъ о научномъ значеніи той или другой гипотезы еще не разрѣшается окончательно, если она признается вѣрною только самой себѣ, не представляя какихъ либо непримиримыхъ противорѣчій. Въ этомъ случаѣ гипотеза можетъ быть названа только правдоподобною. Но научное достоинство гипотезы и ея истинность устанавливается только ея практическимъ примѣненіемъ къ объясненію тѣхъ явленій, которыя имѣются ею въ виду. Гипотеза можетъ быть признана достовѣрною и вполне научною, когда она, оставаясь вѣрною самой себѣ и требованіямъ здравой логики, вполне удовлетворительно объясняетъ эти явленія. Гипотеза Конта о сущности и происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ, не удовлетворяя, какъ показано, первому требованію, оказывается совершенно несостоятельною и при примѣненіи ея къ объясненію дѣйствительно существовавшихъ или существующихъ религіи. На

этотъ существенный недостатокъ въ ученіи О. Конта указывали всѣ его серьезные критики. Отмѣчаетъ его и *Соловьевъ*. „Если воззрѣніе Конта на религію ниже всякой критики уже въ примѣненіи къ элементарнымъ, миеологическимъ формамъ религіи, то по отношенію къ религіямъ болѣе совершеннымъ, говоритъ онъ, несостоятельность этого воззрѣнія становится вполне очевидной. Если законъ Конта долженъ имѣть такое универсальное значеніе, какое ему приписываютъ позитивисты, то онъ долженъ относиться въ своихъ терминахъ теологія и метафизика къ религіи *вообще* и къ умозрительной философіи *вообще*, т. е., ко *всѣмъ* возможнымъ религіямъ и ко *всѣмъ* возможнымъ умозрѣніямъ. Но даже отступаясь отъ этого требованія, какъ слишкомъ строгаго, мы имѣемъ несомнѣнно право требовать, чтобы по крайней мѣрѣ всѣ дѣйствительно существовавшія религіозныя и метафизическія воззрѣнія соотвѣтствовали опредѣленнымъ у Конта фазисамъ—теологическому и метафизическому; ибо иначе, какое же можетъ имѣть значеніе научный законъ, которому не соотвѣтствуютъ дѣйствительныя явленія, входящія въ его область? И между тѣмъ, оставляя пока въ сторонѣ метафизику, оказывается, что не только нѣкоторыя религіи *совсѣмъ* не подходятъ подъ Контово „теологическое состояніе“, но еще, что эти нѣкоторыя суть именно самыя важныя и совершенныя религіи. Какое отношеніе въ самомъ дѣлѣ къ Контову понятію религіи можетъ имѣть на примѣръ браманизмъ, который признаетъ весь міръ явленій за обманчивый призракъ, за продуктъ невѣдѣнія,—браманизмъ, полагающій высшую цѣль въ избавленіи человѣка отъ этого призрака явленій въ соединеніи съ абсолютнымъ существомъ Брами. Или, какимъ образомъ можетъ заниматься „объясненіемъ явленій“ (ибо въ этомъ Контъ полагаетъ сущность религіи)—какимъ образомъ, говорю я, можетъ относиться къ объясненію явленій такая религія, какъ буддизмъ, основной догматъ котораго есть совершенное ничтожество, „пустота“ всего существующаго и высшая цѣль—Нирвана, полное погашеніе всякой жизни. А Христіанство? Въ чемъ ни полагать его сущность—въ догматическомъ ли ученіи или же въ нравственномъ—одинаково не подходитъ оно подъ Контово понятіе о

религіи. Въ какомъ отношеніи въ самомъ дѣлѣ могутъ находиться къ „объясненію наблюдаемыхъ явленій—*explication des phénomènes observables*“ главные христіанскіе догматы: Троицы, воплощенія Бога, воскресенія мертвыхъ съ одной стороны, и христіанская мораль—съ другой? Какъ ни различаются между собою названныя три религіи, но всеѣ они имѣютъ то общее, что въ принципѣ своемъ отрицательно относятся къ наличной дѣйствительности и существенною своею задачей ставятъ *освобожденіе* человѣка отъ зла и страданія, необходимыхъ въ существующемъ мірѣ,—всеѣ онѣ суть религіи спасенія. Такимъ образомъ, ни теоретическій принципъ, ни практическая задача этихъ распространеннѣйшихъ религій ни въ какомъ отношеніи не паходятся къ тому, что позитивизмъ полагаетъ сущностью религіи. Все это нисколько не затрудняетъ Ог. Конта, потому что онъ просто игнорируетъ содержаніе дѣйствительныхъ религій. Въ своемъ пространномъ изложеніи умственного развитія онъ ни слова не говоритъ о важнѣйшихъ ученіяхъ Востока, разсужденія же его о христіанствѣ представляютъ рядъ удивительныхъ куріозовъ, изъ которыхъ для примѣра укажу только два: Ог. Контъ утверждаетъ, что Христосъ былъ *только* политическій авантюристъ; далѣе, на томъ основаніи, что протестанство относится отрицательно къ внѣшностямъ культа, Ог. Контъ увѣряетъ, что оно есть только воспроизведеніе... магометаства“.

Невѣрно опредѣливъ сущность религіи, какъ „объясненія явленій“, Контъ естественно не могъ правильно представить себѣ и историческаго хода естественнаго развитія религіознаго самосознанія человѣчества. Какъ извѣстный видъ знанія или объясненія явленій, религія измѣнялась съ развитіемъ положительнаго знанія и принимала высшія формы. Къ удивленію, эту ошибку Конта постоянно повторяютъ всеѣ его послѣдователи позитивисты. „При положительномъ взглядѣ на религію, какъ на извѣстное объясненіе явленій, говоритъ *Соловьевъ*, необходимо утверждать, что язычество потому было вытѣснено христіанствомъ, что это послѣднее лучше объясняетъ естественныя явленія. И дѣйствительно, позитивистъ Милль очень не далекъ отъ такого утвержденія. По его мнѣнію, мо-

позитивизмъ болѣе согласенъ съ позитивнымъ видомъ мышленія, и переходъ отъ политеизма къ монотеизму, то есть, говоря точнѣе, къ христіанству, былъ главнымъ образомъ обусловленъ развитіемъ положительнаго знанія, такъ какъ ко времени появленія христіанства „вѣрованіе въ неизмѣнные законы природы, составляющіе основу положительнаго вида мышленія, медленно пробивало себѣ путь по мѣрѣ того, какъ наблюденіе и опыты шагъ за шагомъ открывали въ классахъ явленій тѣ законы, которымъ они дѣйствительно подчинены... Какими средствами, спрашиваетъ себя Милль, передовые умы Рима были подготовлены къ монотеизму? Развитіемъ практическаго чувства неизмѣнности законовъ природы“... Указавъ на это разсужденіе Милля, Соловьевъ замѣчаетъ совершенно справедливо: „Чтобы быть послѣдовательнымъ, Милль долженъ бы былъ утверждать, что и полудикія племена Аравіи и Мавританіи, принявшія Магометовъ монотеизмъ, были къ этому подготовлены развитіемъ у нихъ положительнаго знанія. Останавливаться дольше на подобныхъ нелѣпостяхъ, кажется, нѣтъ надобности. Слишкомъ очевидно, что позитивисты въ своемъ объясненіи теологическаго состоянія даже и не касаются содержанія настоящей религіи“.

Внимательный изслѣдователь легко замѣтитъ ложь въ самомъ принципѣ позитивной филозофіи и ея основныхъ положеніяхъ. Не трудно доказать, что открытіе Контюмъ основнаго закона развитія человѣческаго разума есть только пустая фикція его воображенія, что такъ называемыя „состоянія“ разума—религія, метафизика и эмпирическое знаніе—не находятся между собою въ *неизбѣжномъ* антагонизмѣ и не суть необходимо-послѣдовательныя ступени развитія человѣческаго разума.

На самомъ дѣлѣ, религія, филозофія и эмпирическое познаніе суть совершенно самостоятельныя области человѣческаго знанія, отличающіяся одна отъ другой и предметомъ, и способомъ, и даже методами познанія. Предметъ религіознаго познанія (насколько религія есть особаго рода знаніе) это—Богъ, какъ Существо Всесовершеннѣйшее, и Его отношеніе къ міру и человѣку; средства религіознаго познанія—вѣра и откровеніе. Предметъ филозофскаго познанія это—область

трансцендентальнаго бытія и абстрактныхъ понятій; средство философскаго познанія—раціональное мышленіе, сила абстрактныхъ обобщеній. Предметъ положительнаго или эмпирическаго познанія это—міръ явленій, бытіе конкретное, относительное и условное. Но если религія, метафизика и положительное знаніе не суть ступени, моменты, фазисы или состоянія одного и того же знанія, какъ утверждаетъ Огюсть Контъ, а суть совершенно отдѣльныя и самостоятельныя области человѣческаго познанія, отличающіяся одна отъ другой и своимъ предметомъ, и своими способами, и своими методами, то совершенно непонятно, почему онѣ необходимо должны исключать одна другую, почему онѣ необходимо должны находиться въ непримиримомъ антагонизмѣ между собою. Правда, бываетъ и даже очень часто, что одна изъ указанныхъ областей человѣческаго знанія занимаетъ въ душѣ человѣка господствующее положеніе вслѣдствіе какихъ либо исключительныхъ обстоятельствъ. Легко можно встрѣтить въ жизни какого либо опытнаго и знающаго спеціалиста врача, который, прекрасно зная свою науку, можетъ быть человѣкомъ нерелигіознымъ и крайне ограниченнымъ въ сужденіяхъ о высшихъ вопросахъ бытія можно указать на того или другого техника или естествоиспытателя, который чуждъ всякаго философскаго образованія и даже относится враждебно къ философскому знанію; есть много людей религіозныхъ и благочестивыхъ, которые однако же не имѣютъ никакого представленія ни объ азотѣ, ни объ углеродѣ, не знаютъ ни бюнома Ньютона, ни правилъ геометрическихъ прогрессій и ничего не слышали о дарвинизмѣ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ одностороннимъ развитіемъ человѣческаго духа. Идеаломъ напротивъ призывается гармоническое и совмѣстное развитіе указанныхъ областей знанія. И исторія знаетъ немало лицъ, которыя въ большей или меньшей степени приближались къ этому идеалу, являясь людьми всесторонне образованными. „Въ исторіи науки, говоритъ В. Д. Кудрявцевъ, мы найдемъ множество естествоиспытателей, у которыхъ, подобно Ньютону и Кеплеру, религіозное направленіе не вступало въ антагонизмъ съ познаніемъ природы и не уничтожалось послѣднимъ. Мы найдемъ многихъ

философовъ, начиная отъ Аристотеля, у которыхъ глубокой метафизическій умъ мирно уживался съ положительнымъ изученіемъ природы. Мы найдемъ другихъ мыслителей, у которыхъ философское глубокомысліе соединялось съ религиознымъ направленіемъ. Найдемъ даже ученыхъ, философскія воззрѣнія коихъ согласовались съ основнымъ принципомъ позитивизма о невозможности познанія сущности вещей и о недоступности вамъ ничего, кромѣ феноменовъ, и которые въ то же время были и философами—метафизиками и людьми съ религиознымъ направлепіемъ (напр. Кантъ, Паскаль). Всѣ эти и подобныя явленія явно противорѣчатъ мнѣнію Конта объ антагонизмѣ и взаимно-исключаемости трехъ методовъ“.

Контъ былъ слишкомъ гордъ и самомнителенъ, чтобы отвѣчать на возраженія своихъ противниковъ; да едва ли онъ и зналъ о самомъ существованіи ихъ. „Надо знать, говоритъ Милль, что въ теченіе позднѣйшаго періода своей жизни и даже еще прежде окончанія своего великаго (!) трактата Контъ принялъ себѣ за правило, отъ котораго отступалъ весьма рѣдко: удерживаться не только отъ газетъ и періодическихъ изданій—даже научныхъ, но и вообще отъ чтенія чего бы то ни было, за исключеніемъ немногихъ любимыхъ поэтовъ на древнихъ и новѣйшихъ языкахъ. Такую воздержность Контъ наблюдалъ для того, чтобы, какъ онъ выражался, посредствомъ „hygiène sévère“ сохранить умъ въ здоровомъ состояніи“. Впрочемъ, поведение Конта Милль охотнѣе объясняетъ его чрезмѣрною самоувѣренностію, „чтобы не сказать надменностію“. „У Конта, говоритъ Милль, это свойство имѣетъ колоссальныя размѣры... По мѣрѣ того, какъ мысли Конта принимали все болѣе *странный* характеръ, его самоувѣренность становилась наглѣе и наглѣе“. Снисходительнѣе относились къ противникамъ позитивизма ученики и послѣдователи Конта; они обращали вниманіе и на ихъ возраженія. Такъ Милль хочетъ опровергнуть и указанное нами возраженіе. Вотъ что мы читаемъ у него: „Иные считаютъ ученіе о трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ умозрѣнія и вѣрованія несомѣстнымъ съ тѣмъ фактомъ, что всѣ онѣ существовали одновременно: какъ будто бы бы естественная преемственность охотничьяго,

номаднаго и земледѣльческаго состоянія можетъ быть отрицаема тѣмъ обстоятельствомъ, что еще и теперь есть народы—охотники и номады. Что три состоянія были одновременны, что всѣ они старше достовѣрной исторіи и существуютъ другъ подле друга еще въ наше время—это есть прямое положеніе Конта, равно какъ и то, что появленіе (?) двухъ послѣднихъ видовъ мышленія было настоящей причиной разстройства и постепеннаго паденія перваго изъ нихъ. Теологическій приѣмъ объясненія явленій былъ *никогда* (!) всеобщъ—исключая, конечно, самыхъ обыкновенныхъ фактовъ, даже и тогда (?) представлявшихся подлежащими вліянію человѣческой воли и потому уже принадлежавшихъ положительному строю мышленія. Первоначальныя и самыя недалекія обобщенія обыденнаго наблюденія, предшествовавшія первымъ задаткамъ научнаго направленія, обусловили происхожденіе метафизическаго вида мышленія. Всякое дальнѣйшее поступательное движеніе въ наблюденіи природы, постепенно обнаруживавшемъ ея неизмѣнные законы, опредѣляло дальнѣйшее развитіе метафизическаго направленія въ ущербъ теологическому: такъ какъ метафизическое возрѣніе было единственнымъ посредникомъ, временно примирявшимъ между собою заключенія положительнаго склада мышленія съ первыми послылками теологическаго. Въ позднѣйшій періодъ, когда дѣйствительный характеръ положительныхъ законовъ природы сталъ въ извѣстной степени понятенъ и когда теологическій взглядъ въ научныхъ умахъ достигъ апогея своего развитія—т. е., когда онъ призналъ единаго Бога, управляющаго общими законами,—положительное направленіе, не нуждаясь болѣе въ *фактивномъ* средствѣ *вымышленныхъ* сущностей, взяло на себя *легкую* задачу—разрушить орудіе, помощью котораго само оно развилось. Но хотя вѣрованіе въ объективную реальность отвлеченій пало, оно оставило послѣ себя тѣ *дурныя* наклонности человѣческаго ума, которыя далеко еще не уничтожились“. Вотъ все, что сказано *Миллемъ* въ опроверженіе возраженій противъ основъ позитивной философіи, указываемыхъ его противниками.

Что сказать объ этомъ „опроверженіи“? Оно не только ничего не опровергаетъ, но само запуталось въ такіа самопро-

творѣчія, изъ которыхъ вынудать его невозможно. Сначала *Милль* утверждаетъ категорически, что всѣ три состоянія были *одновременны*, что они старше достовѣрной исторіи и т. д.; въ этомъ случаѣ онъ идетъ дальше своихъ противниковъ; но тутъ же, сейчасъ (чрезъ одну стрску) отказывается отъ своихъ словъ и говоритъ противное, утверждая, что два послѣдніе вида мышленія *появились* впоследствии (слѣд., не были одновременными съ первымъ) и причинили разстройство и паденіе перваго изъ нихъ и т. д. На чемъ же послѣ этого нужно остановиться—на первомъ или на противоположномъ ему—послѣднемъ утвержденіи *Милля*?

При такомъ покладистомъ мышленіи позитивистовъ, легко уживающимся съ непримиримыми самопротиворѣчїями, съ ними бороться трудно. *Миллю* казалось, что онъ вышелъ побѣдителемъ, указавъ на то, что „еще и теперь ееть народы—охотники и номады“, и что *совмѣстное* существованіе трехъ *последовательныхъ* ступеней умозрѣнія есть прямое (!) положеніе *Конта*. Но здѣсь есть какое то недоразумѣніе: или *Милль* не понимаетъ *Конта*, или мы не понимаемъ *Милля*. Дѣло въ томъ, что противники позитивизма, возражая *Конт*у, указываютъ не на то, что въ *человѣчестѣ* среди отдѣльныхъ лицъ, племенъ и народовъ одновременно и не въ ущербъ другъ другу существуютъ всѣ три области знанія: религіозная, философская и позитивная, но на то, что онѣ существуютъ одновременно у отдѣльныхъ лицъ. И противники позитивизма имѣютъ полное право дѣлать такое возраженіе, потому что *Контъ* называетъ свой мнимый законъ развитія разума основнымъ и универсальнымъ, имѣющимъ обязательную силу не для челоѣчества только, но и для отдѣльныхъ лицъ. По словамъ *Конта*, каждый челоѣкъ послѣдовательно и необходимо *сываеця*—теологомъ въ своемъ дѣтствѣ, метафизикомъ въ своей юности и физикомъ (т. е. позитивистомъ) въ зрѣломъ возрастѣ.

Мы удивляемся только тому, что противники *Конта* далеко ходятъ за примѣрами для доказательства оснскрательности своихъ возраженій противъ ученія позитивной философіи. Самый лучший и доказательный примѣръ у нихъ передъ глазами. Это—виновникъ позитивизма, *Контъ*. Мы не сомнѣваемся, что *Контъ*

прекрасно зналъ математическія науки и въ этомъ смыслѣ обладалъ положительными познаніями. Но не трудно доказать, что въ одно и то же время онъ былъ и рѣдкимъ метафизикомъ. Это неопровержимо доказываютъ всѣ его сочиненія и въ особенности „*Курсъ позитивной философіи*“. Такъ задачу положительнаго знанія онъ полагаетъ въ эмпирическомъ изученіи бытія *относительнаго*, а средствомъ его признаетъ только опытъ и наблюденіе,—и тутъ же говоритъ о законахъ этого относительнаго бытія или явленій, какъ о бытіи *вѣчнымъ, неизмѣннымъ, необходимымъ* и т. д. Это ли не метафизика? Какой опытъ, какое наблюденіе дало ему право говорить о *вѣчности, неизмѣняемости и необходимости* чего-либо? Кроме того, вся система позитивной философіи Конта должна быть признана метафизическою не только потому, что она есть *теорія, обобщеніе* или *абстракція*, какъ и всякая система вообще, но и потому, что, создавая ее, Контъ совершенно не обращалъ вниманія ни на реальную дѣйствительность, ни на свидѣтельство опыта и наблюденія, а какъ рѣдкій изъ метафизиковъ свободно виталъ въ заоблачномъ мірѣ отвлеченныхъ идей и фантастическихъ предположеній, играя одними логическими понятіями и абстракціями. Поэтому и самая слабая сторона позитивной философіи состоитъ именно въ томъ, что ея ученіе, какъ созданное не на основаніи свидѣтельствъ опыта и наблюденія, никогда ими и не можетъ быть оправдываемо; напротивъ оно часто становится съ дѣйствительностію въ непримиримое противорѣчіе. Примѣръ. Говоря о послѣдовательности состояній въ развитіи разума человѣческаго—религіознаго, метафизическаго и научно-позитивнаго, Огюстъ Контъ, какъ мы видѣли, категорически заявляетъ: каждый человѣкъ необходимо и послѣдовательно бываетъ теологомъ въ своемъ дѣтствѣ, метафизикомъ—въ своей юности и физикомъ—въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но что говоритъ намъ дѣйствительная жизнь? Въ ней мы встрѣчаемъ только противное утвержденію Конта. Наиболѣе набожными и притомъ разумно-набожными люди бывають въ старости и въ возрастѣ зрѣломъ. Легкомысліе, съ которымъ часто относится молодежь къ религіи и ея ученію, съ лѣтами и опытомъ проходитъ и часто атенетъ въ юности

становится глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ, достигнувъ лѣтъ зрѣлыхъ. Это—фактъ общеизвѣстный, почему мы и снисходительно относимся къ юношамъ, даже бравирующимъ своимъ невѣріемъ и пренебрежительно относящимся къ исполненію своихъ религіозныхъ обязанностей; опытъ научилъ насъ говорить: „поживетъ—перемѣнится“; „постарѣетъ—поумнѣетъ“. Пусть каждый, кто былъ молодъ, заглянетъ въ свою душу; пусть вспомнитъ онъ лѣта своей юности, и большинство нынѣ вѣрующихъ людей скажетъ, что мы говоримъ правду. „Вѣрую, Господи; помоги моему невѣрію“!—такъ могутъ взывать только лучшіе и благовоспитанные изъ юношей.

¹ Не зная лишь опыта, можно утверждать, что дѣти религіознѣе людей, достигшихъ зрѣлаго возраста. Дѣтей скорѣе всего слѣдуетъ назвать *позитивистами*: онѣ не способны еще къ отвлеченію и обобщеніямъ; онѣ то именно и изучаютъ явленія окружающаго міра чрезъ наблюденіе и опытъ.

По Контю, метафизика предшествуетъ позитивной наукѣ; противъ этого говоритъ и теоретическое соображеніе и опытъ. Метафизика есть выводъ изъ эмпирическаго познанія; философія обобщаетъ и систематизируетъ тѣ отдѣльныя и отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы получаемъ изъ опыта и наблюденія. Спрашивается: какъ же можетъ явиться метафизика безъ предшествовавшаго положительнаго изученія феноменальнаго міра? Что же будетъ составлять ея содержаніе? Если мы обратимся къ дѣйствительности, то въ пей найдемъ только подтвержденіе высказанному теоретически соображенію: натурфилософію породило естествознаніе. Дарвинъ сначала былъ естествоиспытателемъ и—естествоиспытателемъ рѣдкимъ по своимъ положительнымъ познаніямъ, прежде чѣмъ взялся за перо и сталъ излагать въ своихъ сочиненіяхъ свои метафизическія воззрѣнія, которыя онъ объявилъ результатомъ, т. е., выводомъ, обобщеніемъ своихъ многолѣтнихъ эмпирическихъ занятій, и прежде чѣмъ онъ создалъ свою гипотезу для объясненія тѣхъ явленій, которыя онъ много лѣтъ изучалъ—чрезъ наблюденіе, опытъ и экспериментанцію. Геккель сталъ метафизикомъ—монистомъ лишь на старости лѣтъ послѣ долговременнаго изученія опытныхъ или, какъ говоритъ Контъ, по-

ложительныхъ наукъ. То же самое мы должны сказать и обо всѣхъ матеріалистахъ: Мошотъ, Фогтъ, Бюхнеръ и имъ подобныхъ. Ясно, что открытый Контъ „основной законъ развитія человеческого разума“ не находитъ для себя подтвержденія въ дѣйствительности и—потому именно, что онъ взятъ не изъ опыта; его происхожденіе—чисто метафизическое. Къ сожалѣнію, метафизика Конта была не высокой пробы...

По этой же самой причинѣ оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности и опредѣленіе религіи, предложенное Контъ. Оно также взято не изъ реальной дѣйствительности, а изъ области метафизической. Контъ произвольно называлъ религіею все то, что есть худшаго, ложнаго, фиктивного въ области человеческого знанія, стремящагося къ объясненію природы. Всѣ суевѣрія, къ какой бы области они ни относились, Контъ огульно причислилъ къ религіи. „Во многихъ вѣрованіяхъ, говоритъ Контъ, люди слѣдуютъ теологическому воззрѣнію,—что явленія суть результаты не неизмѣнныхъ законовъ, по какой-то *измѣнчивой воли*. Когда люди вѣрятъ, что если вы желаете чего-нибудь глядя на иѣгую лошадь, то желаніе сбудется; когда они вѣрятъ, что если тринадцать лицъ сядутъ за обѣдъ, то одно изъ нихъ умретъ до истеченія года; когда они вѣрятъ, что кого укуситъ собака—тотъ будетъ страдать водобоязною, если впоследствии собака впадетъ въ эту болѣзнь; когда они вѣрятъ, что извѣстное созвѣздіе будетъ управлять ихъ судьбами: они—въ теологическомъ періодѣ“. Къ религіи же отнесъ Контъ и то, что затмѣніе солнца грубые дикари объясняютъ предположеніемъ, будтобы какой то драконъ проглатываетъ солнце и т. д. Не будемъ доказывать, что всѣ эти пустыя бредни невѣжественныхъ дикарей не имѣютъ никакого отношенія къ дѣйствительной религіи; не будемъ настаивать на томъ, что вмѣсто выраженія: „когда люди *вѣрятъ*“ въ приведенной тирадѣ Контъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы употреблять и другія выраженія, какъ, напр.: „когда люди *думаютъ*“, „когда люди *предполагаютъ*“, „когда люди *заключаютъ*“, „убѣждены“, „высказываютъ мнѣніе“ и т. п., т. е., не будемъ утверждать, что еще съ большимъ правомъ всѣ вышеприведенныя суевѣрія и бредни Контъ могъ отнести къ несовершенному знанію мета-

физическому и даже—что еще справедливѣе—къ своему излюбленному естествознанію. Пусть будетъ такъ, какъ ошибочно сказано Контomъ. Но что же дальше? Дальше, конечно, намъ не оставалось бы ничего, какъ вполне согласиться и съ окончательнымъ приговоромъ Конта, что *такая* религія есть только *фиктивное* объясненіе явленій,—объясненіе не истинное, ложное, позорящее человѣческой разумъ, и что люди ученые и образованные, могущіе представить дѣйствительное и научное объясненіе явленій, должны всячески заботиться объ ея уничтоженіи, такъ какъ она кромѣ вреда и позора ничего не приноситъ человѣчеству. Такой суровый приговоръ надъ религіею вообще—не только языческою, но и христіанскою—произнесъ Контъ въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи“ въ 1830 году. Въ 1851 году онъ издаетъ въ свѣтъ другое сочиненіе—„Систему позитивной политики“, а черезъ годъ—„Позитивный катехизисъ“—и, къ удивленію своихъ читателей, къ скорби своихъ прямолинейныхъ послѣдователей, говоритъ о религіи уже совсѣмъ иное. Теперь онъ уже не настаиваетъ на ея уничтоженіи, а требуетъ для нея поддержки, признавая за нею ничѣмъ незамѣнимое и благотворное значеніе для человѣчества. Теперь Контъ утверждаетъ уже, что „религія есть consensus, т. е., союзъ, свойственный человѣческому бытію, личному и коллективному, и столь же нормальный, какъ и здоровье для тѣла“, что „она сосредоточиваетъ въ себѣ *всѣ* стремленія нашей природы: дѣятельность, любовь и мысль“ и что „она, наконецъ, даже руководитъ политикой, искусствомъ и философіей“. Откуда такая перемѣна у Конта въ сужденіи объ одномъ и томъ же предметѣ? Какъ объяснить такое самопротиворѣчіе во взглядахъ? Объясненіе этой перемѣны въ ученіи Конта о религіи дать легко. Первое опредѣленіе, по которому Контъ признавалъ за религіею только *теоретическое* значеніе, ошибочно считая ее лишь *объясненіемъ* явленій, имѣло чисто *метафизическое* происхожденіе; Контъ судилъ о религіи только какъ теоретикъ и метафизикъ; дѣлая свое опредѣленіе религіи, онъ предварительно не изучилъ дѣйствительно существовавшихъ и существующихъ религій. Онъ *измыслилъ* свою собственную религію и эту фантастиче-

скую религію, существовавшую только въ одномъ его воображеніи, выдалъ за дѣйствительную, реальную религію. Къ иному выводу пришелъ Контъ, когда онъ обратился къ дѣйствительной жизни и по свидѣтельствамъ жизненнаго опыта сталъ провѣрять свою чисто метафизическую теорію, свое міровоззрѣніе. Опытъ и наблюденіе или—что то же—изученіе дѣйствительныхъ религій научило его, что религія относится не къ познавательной только способности человѣка, а „сосредоточиваетъ всѣ стремленія нашей природы“ т. е., всѣ стороны жизни человѣка—„дѣятельность, любовь и мысль“ и что она, наконецъ, не есть только теоретическое міровоззрѣніе, а есть сила живая, имѣющая неопредѣлимое практическое значеніе, „руководящая политикой, искусствомъ и философіей“ и образующая союзъ, свойственный человѣческому бытію, личному и коллективному, и столь же нормальный, какъ и здоровье для тѣла“, слѣдовательно, она не есть случайное явленіе, которое можетъ быть и не быть, а необходимое условіе правильного развитія жизни человѣка, не замѣнимое ни эмпирической наукою, ни метафизикою.

Нельзя не отмѣтить у Конта страннаго самопротиворѣчія и относительно его ученія о метафизическомъ состояніи вообще. Какъ мы видѣли, Контъ утверждаетъ, что это состояніе имѣетъ значеніе лишь переходное, рано ли или поздно оно должно быть замѣнено положительною наукою, позитивизмомъ. Съ другой стороны, по его увѣренію, философія прирождена человѣческой природѣ; она—не прихоть не забава, но—необходимость, ибо жизнь наша есть тайна, окруженная тайнами. „Я думаю, излишне доказывать, читателямъ этого сочиненія, говоритъ Контъ, что идеи управляютъ міромъ, поддерживаютъ въ немъ порядокъ и повергаютъ его въ анархію; или, другими словами, что весь соціальныи механизмъ основанъ въ концѣ концовъ на мнѣніяхъ“. Но если философія прирождена человѣческой природѣ и если міръ управляется идеями, составляющими содержаніе философіи вмѣстѣ съ мнѣніями, на которыхъ основывается весь соціальныи механизмъ,—то какъ же можно утверждать, что философія должна уступить свое мѣсто положительному знанію?

Одинъ опытъ и наблюденіе способны доставить намъ знаніе только о феноменахъ, а не объ идеяхъ. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ метафизикомъ. Не говоримъ о томъ, что даже въ главномъ сочиненіи Конта—„Курсъ позитивной философіи“—ясно и нерѣдко высказывается мысль о различіи между положительнымъ знаніемъ и позитивною философіею, причемъ на первое указывается какъ на основаніе для послѣдней, какъ на предшествующую ей ступень въ развитіи человѣческаго разума.

Накопецъ, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утверждать, что, будучи позитивистомъ—эмпирикомъ и философствующимъ метафизикомъ, Контъ не чуждъ былъ совершенно и вѣры въ бытіе живого и личнаго Бога, какъ Творца и Верховнаго Правителя міра, хотя и признавалъ религію только фиктивнымъ объясненіемъ явленій. Мы видѣли, что онъ неоднократно объявлялъ ложнымъ обвиненіе его въ атеизмъ. Это поведеніе Конта очень не нравится его послѣдователямъ—позитивистамъ; но самаго факта они отвергать не могутъ. Вотъ что мы читаемъ, напр., у Милля: „Приличнѣе всего, говоритъ онъ, начать (изложеніе Контовой теоріи) устраненіемъ религіознаго предубѣжденія противъ нея. Она осуждаетъ всѣ теологическія объясненія и замѣняетъ или считаетъ ихъ замѣнимыми въ будущемъ теоріею, которая имѣетъ въ виду только разрядъ вполне достовѣрныхъ явленій. Отсюда заключаютъ, что когда это будетъ окончательно достигнуто, родъ человѣчскій перестанетъ видѣть въ устройствѣ природы дѣйствіе разумной воли, перестанетъ вѣрить въ Творца и Верховнаго Правителя міра. Это предположеніе естественнѣе, нежели призывалъ Контъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ отвергалъ даже съ нѣкоторою ѣдкостью догматическій атеизмъ. Онъ говоритъ (въ *послѣднемъ* своемъ сочиненіи и ничто не противорѣчитъ этому въ прежнихъ его произведеніяхъ), что гипотеза преднамѣренности въ твореніи гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ гипотеза слѣпота механизма. Но догадка, обоснованная на аналогіи, не казалась ему достаточною опорою, на которой бы могла покоиться теорія въ періодъ зрѣлости человѣческаго разума. Онъ считалъ недоступнымъ для насъ всякое реальное знаніе относительно началъ міра, а изслѣдованіе объ этомъ—

превосходящемъ всѣ предѣлы нашихъ умственныхъ способностей. Впрочемъ, тотъ, кто принимаетъ *Конттову теорію прогрессивныхъ ступеней мнѣнія*, не обязанъ слѣдовать за нимъ до этого пункта... Положительная *философія* утверждаетъ, что внутри существующаго строя вселенной или, лучше сказать, той ея части, которая извѣстна намъ, непосредственно опредѣляющая причина каждаго явленія—всегда естественна, а не сверхъестественна. Съ этимъ однако-же вполне примиримо вѣрованіе, что вселенная создана и сознательно управляется Разумомъ, лишь только мы допустимъ, что разумный Правитель вселенной придерживается опредѣленныхъ законовъ, которые только видоизмѣняются или парализируются другими законами той же самой природы, а не нарушаются ни по капризу, ни по предусмотрѣнію". Изъ всего сказаннаго здѣсь *Миллемъ*, однимъ изъ выдающихся позитивистовъ, мы, очевидно, должны сдѣлать два заключенія: 1) что Огюстъ Контъ, не смотря на весь свой позитивизмъ, вѣровалъ, дѣйствительно, въ бытіе Бога, какъ Творца и Верховнаго Правителя міра и 2) что, вѣруя въ бытіе Божіе, онъ *eo ipso* не принималъ своей собственной *теоріи прогрессивныхъ ступеней мнѣнія*, т. е., своего прѣсловутаго ученія о трехъ состояніяхъ развитія человѣческаго разума. Такъ ложь обличаетъ самое себя!

Какъ мы видѣли выше, позитивистъ *Милль* утверждаетъ, что способность къ философствованію и религіозная потребность суть *дурныя привычки*, которыя долженъ оставить человѣкъ, достигшій позитивной зрѣлости своего разума. Поэтому нужно думать, что виновникъ позитивной философіи до самой смерти своей не достигъ полной позитивной зрѣлости ума, такъ какъ именно въ *последнемъ* сочиненіи своемъ онъ представляется и вѣрующимъ въ бытіе Божіе и философствующимъ, или же, что указанная *Дж. Ст. Миллемъ* „дурныя привычки“ слишкомъ глубоко коренятся въ духовной природѣ человѣка, такъ что отстать отъ нихъ оказалось невозможнымъ даже и для Огюста Конта.

Профессоръ Харьковскаго Университета Прот. Г. Буткевичъ.

Очеркъ современнаго состоянія протестантскаго богословія.

(Окончаніе *).

II.

Положительное направленіе въ новѣйшемъ протестантскомъ богословіи.

Отрицательные выводы либеральнаго богословія по отношенію къ объективно-божественной сторонѣ религіи, естественно вызвали стремленіе отстоять эту послѣднюю, существенную сторону христіанства и въ противоположность субъективизму либераловъ выяснить и доказать значеніе внѣшне-объективнаго фактора въ религіи. На этой почвѣ и возникло положительное направленіе протестантизма. По существу своему это направленіе консервативное, приближающееся въ большей своей части къ строго-ортодоксальному направленію ¹⁾. „Положительными богословами, или позитивистами въ богословіи, говоритъ проф. Клюбель, мы называемъ тѣхъ теологовъ, которые въ отношеніи матеріальной стороны своихъ богословскихъ воззрѣній сохраняютъ для себя авторитетъ библейскій и церковный. Они твердо держатся того, что церковь объявляетъ въ качествѣ главнаго воззрѣнія (Zentralanschauung) и въ крайнемъ случаѣ привносятъ только такія модификаціи, которыя

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 15.

¹⁾ Объ строгой ортодоксіи въ прот. богословіи см. выше, ч. 1. Общій очеркъ развитія богословской мысли протестантизма въ мннушемъ вѣкѣ.

не противорѣчатъ основнымъ положеніямъ библіи и церкви. Они вѣрятъ и учатъ тому и такъ, чему и какъ вѣровали и учили Христось и Его апостолы, что и какъ опредѣлила церковь въ своихъ вѣроисповѣдныхъ символическихъ книгахъ¹⁾. Но все это безъ ограниченія можно сказать лишь о той части положительныхъ богослововъ, которые въ своей оппозиціи либеральному направленію стоятъ всецѣло на точкѣ зрѣнія прежняго ортодоксализма. Они дѣйствительно имѣютъ для себя опредѣленный объективно-божественный авторитетъ въ словѣ Откровенія и положительномъ ученіи протестантской церкви. Таковы: Вихельгаузъ, Филиппи, Кааписъ, Лютардъ, Томасіусъ, Кюбель, Квенштедтъ и др. Кромѣ нихъ съ именемъ положительныхъ богослововъ въ новѣйшемъ протестантизмѣ выступаетъ цѣлый рядъ лицъ, занимающихъ среднее положеніе между либеральнымъ субъективизмомъ и строго-ортодоксальнымъ объективизмомъ. Первое, т. е. либеральное направленіе стремится, какъ мы видѣли, построить религію на началахъ чисто субъективныхъ, на данныхъ внутренняго опыта и отрицаетъ объективное значеніе религіозной истины; второе, ортодоксальное направленіе, въ своемъ стремленіи обосновать религіозное сознаніе на объективныхъ началахъ внѣшняго Откровенія, скептически относятся къ участию въ этомъ субъективнаго фактора, человѣческаго разума или чувства. Рядъ современныхъ богослововъ „позитивистовъ“ и занимаетъ среднее положеніе между указанными крайними теченіями протестантской богословской мысли, допуская кромѣ объективно-откровеннаго авторитета ортодоксальнаго, и дѣятельность субъективнаго фактора, внутренняго опыта либералевъ. Представителями этого, такъ сказать, посредствующаго направленія служатъ: Ротэ, Дорнеръ, Франкъ, Калеръ и др. Точка зрѣнія этихъ богослововъ въ общемъ положительная; но иногда они такъ близко подходятъ къ субъективизму либеральнаго направленія, что положить рѣзкое различіе между ними стиновится затруднительнымъ. Изложеніе важнѣйшихъ пунктовъ положительной догматики покажетъ намъ, какъ при

¹⁾ Kübel, Über den Unterschied zwischen der Liberal. und der Positiv-Richtung. in modern. protestant. Theologie, S. 17.

всемъ желаніи оставаться на почвѣ ортодоксальнаго богословія, богословы позитивисты этой группы въ нѣкоторыхъ пунктахъ вѣроученія значительно уклоняются въ сторону господствующаго въ современномъ протестантизмѣ либеральнаго направленія. Начнемъ съ воззрѣнія на Откровеніе и вѣру, поскольку вѣра въ протестантской догматикѣ занимаетъ, какъ извѣстно, первое мѣсто.

Происхожденіе религ. сознанія съ точки зрѣнія богослововъ полож. направленія. Значеніе Откровенія въ этомъ процессѣ. Вопреки либеральному направленію, которое смотритъ на Откровеніе, какъ на чисто внутренней психологической актъ сознанія, положительное богословіе отстаиваетъ внѣшне-объективный характеръ Откровенія. Богословы разсматриваемаго направленія начинаютъ съ того, что различаютъ два вида Откровенія: I) общее (generalis), или естественное, т. е. Откровеніе Бога въ природѣ, въ предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра, и особенное (specialis), или сверхъестественное „actus divinus externus, quo Deus sese humano generi per verbum suum patefacit ad salutarem ejusdem informationem“ ¹⁾. Въ прямую оппозицію субъективизму либераловъ положительные богословы настойчиво подчеркиваютъ объективное значеніе „особеннаго“, или сверхъестественнаго Откровенія. Оно, говорятъ они, есть именно actus externus, внѣшній актъ, manifestatio, т. е. извѣстное историческое событіе (Geschichtsvorgang) или историческій фактъ (Geschichtshatsache), въ которомъ Самъ Богъ совершенно объективно и „независимо отъ человѣческаго сознанія“ выступаетъ изъ Своего скрытаго (verborgen) состоянія и возвѣщаетъ Себя человѣку ²⁾. Такимъ историческимъ характеромъ дѣйствительнаго „Богоявленія“ сверхъестественное Откровеніе и отличается отъ общаго, естественнаго. Если послѣднее намъ возвѣщаетъ „нѣчто о Богѣ“, то первое открываетъ намъ Самаго Бога, поскольку это возможно въ условіяхъ земнаго человѣческаго существованія... Открывшійся такимъ образомъ Богъ растворяетъ двери сердца человѣка, производитъ на него Свое воздѣйствіе (которое можетъ быть

¹⁾ Quenstedt, См. Kübel, ibid. S. 27—28.

²⁾ Kübel, ibid. S. 29.

заглушено потомъ личными грѣхами принявшаго такое воздѣйствіе) и насаждаетъ въ немъ то, что мы называемъ религіей и вѣрой ¹⁾. Эти два понятія: религія и вѣра, у либеральныхъ богослововъ совершенно, какъ мы видѣли, тождественныя (см. ихъ ученіе о сущности религіознаго сознанія и его происхожденіи), для позитивистовъ понятія различныя... и различіе между ними состоитъ въ томъ, что „религія есть воздѣйствіе Бога переживаемое въ сердцѣ, въ чувствѣ, это то слышаніе Бога, о которомъ говоритъ апостоль (Евр. 2, 1); а вѣра есть призваніе и утвержденіе (Anerkennung und Bejahung) этого воздѣйствія волею и разумомъ человѣка“ ²⁾... Обыкновенное опредѣленіе религіи, какъ общенія человѣка съ Богомъ, раскрывающагося въ живомъ взаимоотношеніи перваго съ Последнимъ, можетъ быть признано правильнымъ лишь въ томъ случаѣ, если этимъ хотятъ сказать, что Самъ Богъ устраиваетъ такое общеніе, Онъ производитъ воздѣйствіе, Онъ даетъ жизнь, Ему принадлежитъ инициатива этого союза (Er anfängt...), такъ что человѣкъ имѣетъ религію отъ Бога и черезъ Него... ³⁾ Религія для человѣка есть нѣчто пассивно воспринятое, со стороны привнесенное; активное усвоеніе этого воспріятія есть вѣра. „Вѣра есть продуктъ сердца, но въ ней соединяются вмѣстѣ и совѣсть, органъ божественнаго свидѣтельства, и разумъ, органъ человѣческой мыслительной и волевой дѣятельности... Вѣра есть эхо, которымъ человѣкъ отвѣчаетъ призывающему его Богу“... ⁴⁾ Откровенное слово Божіе возбуждаетъ въ душѣ человѣка такъ называемое *primi motus inevitabiles*, т. е. чувство страха за свои грѣхи и жажду освобожденія отъ нихъ, спасенія. Если человѣкъ, слѣдуя божественному воздѣйствію, дастъ возможность этому „*Vocatio*“, объявшему его сердцу и пробудившему его совѣсть, перейти въ активное „*efficax*“ т. е. освятить имъ кругъ своего сознанія и сдѣлать его объектомъ волевой дѣятельности, то тогда съ его стороны (т. е. со стороны человѣка) возникаетъ вѣра, общеніе съ Богомъ, а со стороны Бога слѣдуетъ оправданіе человѣка, его духовное возрожденіе ⁵⁾. Такъ объясняютъ

1) См. Kübel, *ibid.* S. 29.

2) Kübel, *ibid.* S. 29.

3) Kübel, *ibid.* S. 29.

4) Dorner, См. Kübel, *ibid.* S. 31;

5) Kübel, *ibid.* S. 32.

богословы положительнаго направленія процессъ зарожденія религіознаго сознанія въ человѣкѣ, начало его религіозной жизни. Легко замѣтить, какъ выразительно подчеркивается въ этомъ процессѣ роль объективно божественнаго фактора. Его исходнымъ началомъ служитъ Откровеніе Божіе и при томъ не въ общемъ только смыслѣ „созерцанія Бога въ природѣ“, а какъ реальный фактъ непосредственнаго воздѣйствія Божества на духъ человѣка черезъ посредство слова Божія. Вышнее сверхъестественное Откровеніе, данное въ словѣ Писанія, признается здѣсь необходимымъ условіемъ религіи. „Только черезъ посредство слова Писанія Богъ приводитъ насъ къ вѣрѣ въ Него“¹⁾. Черезъ это же Откровенное слово устанавливается и то живое непосредственное взаимоотношеніе Бога съ человѣкомъ, которое характеризуетъ религіозный союзъ. Это отношеніе не есть простое, субъективное отношеніе вѣрующаго чувства (Шлейермахеръ), интеллектуальнаго акта сознанія (либер. богословы спекулятивнаго направленія) или воли (Ричль и его школа), но „Субстанціональное, духовно-физическое (!) соединеніе человѣческаго духа и Духа Божественнаго, существенное проникновеніе перваго Вторымъ!..“²⁾ „Substantia Dei cum substantia fidelium arctissima est realis conjunctio“³⁾. Со стороны человѣка единственнымъ условіемъ къ установленію такого тѣснаго Богообщенія служитъ вѣра, понимаемая, какъ мы видѣли, въ смыслѣ усвоенія разумомъ и волею слова Откровенія. Но и она въ своемъ происхожденіи есть скорѣе даръ Самого Бога „*bonum Dei*“ (точка зрѣнія старой протестантской догматики), чѣмъ дѣло человѣка; поскольку она возникаетъ изъ божественнаго „*Vocatio*“, изъ самовозвѣщенія Бога въ Откровеніи. Богъ Самъ черезъ Свое слово и присущую ему силу духа продуцируетъ въ человѣкѣ вѣру“⁴⁾; слѣдовательно, источникъ вѣры къ Самомъ Богѣ, а не въ чувствѣ человѣка, не въ конструкціяхъ его ума и не въ стремленіяхъ его воли, какъ утверждаютъ либеральные богословы вышеотмѣченныхъ фракцій.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о происхожденіи религіознаго

¹⁾ Kübel, *ibid.* S. 32.

²⁾ Kübel, *ibid.* S. 34.

³⁾ Quenstedt, *См.* Kübel, *ibid.* S. 32.

⁴⁾ Kübel, *ibid.* S. 31—32.

сознанія въ человѣкѣ, о началѣ его религіозной жизни богословы положительнаго направленія остаются всецѣло на точкѣ зрѣнія стараго протестантскаго супрнатурализма, еще въ половинѣ XVIII в. провозгласившаго (въ борьбѣ съ богословскимъ раціонализмомъ) сверхъестественное происхожденіе религіи¹⁾.

Христологическія представленія богослововъ положит. направленія. Личность Христа. Той же точки зрѣнія держатся они и въ основномъ пунктѣ христіанскаго собственно вѣроученія, въ области христологии, гдѣ они, вопреки посясто-ропности²⁾ либераловъ, выдвигаютъ на первый планъ „поту-сторонность“ (Ienseitigkeit), т. е. трансцендентальное значеніе Личности Христа. Всѣ „позитивисты“ протест. богословія признаютъ справедливость извѣстнаго положенія Лютера, что только Богъ по природѣ могъ даровать спасеніе человѣку. Для всѣхъ положительныхъ богослововъ современнаго протестан-тизма Христосъ есть вочеловѣчившійся Богъ, имѣющій не одно только божественное достоинство (Werthen), какъ у богослововъ либеральнаго направленія³⁾, но и божественную природу (Wesen)⁴⁾. Божество Христа, въ такъ называемомъ метафизическомъ смыслѣ, т. е. какъ божество вѣчно сущаго Сына Божія, признаютъ не только строго ортодоксальныя бо-гословы, какъ Филиппи, Люгардъ, Томасіусъ и др., но даже и тѣ, которые въ другихъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія дѣлаютъ (какъ мы увидимъ ниже) уступки современному субъ-ективизму либеральнаго богословія. Такъ Калеръ въ высотѣ новозавѣтнаго образа Христа видитъ доказательство Его бо-жественности. Онъ признаетъ неискусомужное рожденіе Иису-са отъ Дѣвы и считаетъ Его Носителемъ Творческаго Логоса⁵⁾. Франкъ говоритъ, что во Христѣ обиталъ божественный Ло-госъ, отъ вѣчности сущій и во времени отъ Дѣвы принявшій плоть человѣческую⁶⁾. Воплотившійся Сынъ Божій постра-далъ за человѣчество, умеръ на крестѣ, но воскресъ и воз-

1) См. выше, общій очеркъ развитія богосл. мысли протест. въ минувш. вѣкѣ.

2) См. выше, христология либераловъ.

3) См. выше разсужденія, наприм. Ричля о Личности Христа.

4) Kübel, *ibid.* S. 128.

5) Kähler, См. Kübele, *ibid.* S. 123.

6) Franck, См. Kübel, *ibid.* S. 124.

неся на небо, какъ прославленный Богочеловѣкъ. Вѣрующіе въ Него молятся Ему какъ Богу, или какъ Посреднику и Ходатаю нашему передъ Богомъ ¹⁾).

Такое единодушіе богослововъ положительнаго направленія исчезаетъ и начинается разногласіе между ними, когда отъ ученія о Личности Христа они переходятъ къ обсужденію вопроса о совершенномъ Имъ дѣлѣ спасенія человѣчества, т. е. отъ христологическихъ воззрѣній вступаютъ въ область сотериологіи.

Сотериологія положительнаго богословія. Въ этомъ, какъ и въ другихъ смежныхъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія, приходится констатировать уже отмѣченное нами выше различіе между богословами... строго-положительными, стоящими на почвѣ стараго ортодоксализма и потому представляющими рѣшительную оппозицію современному богословскому либерализму, съ одной стороны, и приближающимися къ этому послѣднему, или тѣми, которыхъ мы называли посредствующими богословами, съ другой.

Взглядъ на источникъ и сущность человѣческаго спасенія богослововъ строго ортодоксальнаго направленія. Первые, оставаясь вѣрными церковной догматикѣ протестантства и вопреки субъективизму либеральнаго направленія, которое, какъ мы видѣли, все спасеніе человѣка сводитъ къ внутреннимъ актамъ религіозно-нравственнаго сознанія внѣ всякой трансцендентальной его субструкціи, выдвигаютъ на видъ объективно-божественную сторону какъ въ вопросѣ объ источникѣ спасенія, такъ и въ разсужденіи о сущности его. Спасеніе человѣка, говорятъ сторонники ортодоксальнаго направленія, имѣетъ свой объективный источникъ въ искупительномъ дѣлѣ Христа, какъ внѣшне-историческомъ событіи. „Иисусъ Христосъ, соединившій въ Своей Личности божество и человѣчество, крестною смертію Своею, т. е. объективнымъ фактомъ (Thatsache) ея уничтожилъ грѣхъ человѣка... Сила смерти побѣждена черезъ то, что Онъ Самъ воскресъ изъ мертвыхъ; небо открыто для насъ черезъ то, что Онъ Самъ вознесся на небо. Черезъ дѣло Христа, какъ таковое, совершена побѣда надъ враждебною

¹⁾ Kūbel, *ibidem.* S. 128.

человѣку силою. Черезъ дѣло Христа, какъ таковое, сила Божія реально выступила на всемірно-историческую сцену и реально же уничтожилась сила мрака и погибелп... Черезъ дѣло Христа, какъ таковое, Господь свѣта и царство Его побѣдили властелина мрака и область тьмы (Іоан. 12, 31; Лук. 10, 18 ¹).

Указывая, такимъ образомъ, объективный источникъ спасенія въ искупительной смерти Христа, богословы строго-положительнаго (ортодоксальнаго) направленія въ своихъ воззрѣніяхъ на сущность спасительнаго процесса проводятъ (согласно съ ученіемъ символическихъ книгъ протестантства) религіозно-юридическую точку зрѣнія. „Христость, говорятъ они, совершилъ наше спасеніе тѣмъ, что Онъ—*ignam Dei placavit, satisfecit iustitiae iudicis*... Онъ понесъ на Себѣ кару закона и суда для удовлетворенія гнѣва Божія, лежавшаго на всемъ падшемъ человѣчествѣ и для привлеченія на него милости Божіей“ ²). „Кто не признаетъ, говоритъ другой представитель строго положительнаго богословія, что гнѣвъ Божій искупленъ кровію Сына Божія и Имъ принесено удовлетвореніе Правдѣ Божіей, тотъ не признаетъ христіанства вообще“ ³). „Страданіями и смертію Иисуса, Представителя всего человѣчества, второго Адама, снята съ людей тяжесть гнѣва Божія и нарушенныя черезъ грѣхъ милостивыя отношенія Бога къ человѣчеству, вновь восстановлены“ ⁴). „Эти отношенія мира и любви теперъ въ силу примиренія кровію Христа распространяются на все человѣчество, независимо отъ субъективнаго отношенія каждаго изъ людей. Благочестіе, любовь къ ближнему и пр. не имѣютъ сами по себѣ никакого искупительнаго значенія (противоположное, какъ мы видѣли, проповѣдуетъ Ричль съ своими послѣдователями), какъ не имѣютъ его тотъ принципъ, духъ, или идея, о которыхъ говорятъ либералы (спекулятивнаго направленія—какъ мы видѣли). Грѣхъ человѣчества, его долгъ передъ Правдою Божіей уничтоженъ Бого-человѣкомъ, этимъ центральнымъ Индивидуумомъ всемірной

¹) Kübel, *ibidem*. S. 145.

²) Deliszsch, *Apologetick*, S. 154.

³) Philippi, *Gegenüber Hofmann*, S. 56.

⁴) Thomasius, *Christi Person und Werck*, Aufl. II, S. 55.

исторіи, Который возложилъ добровольно на Главу Свою всю тяжесть гнѣва Божія и въ Своей смерти принесъ первосвященническую умилостивительную жертву“¹⁾).

Такъ выразительно подчеркивается ортодоксальными богословами объективное значеніе человѣческаго спасенія, пріобрѣтеннаго искупительнымъ дѣломъ Христа.

Другая группа сторонниковъ положительнаго богословія, не отвергая совершенно внѣшне-объективнаго характера искупленія, тѣмъ не менѣе значительно уклоняется въ сторону либеральнаго субъективизма, выдвигая въ своемъ ученіи о спасеніи человѣка на первый планъ дѣятельность внутренне-психологическаго фактора, религіозно-нравственнаго сознанія. Такъ, по мнѣнію Келера, „хотя примиреніе есть историческое событіе, исторически совершенное дѣйствіе Бога, но свое значеніе для человѣка оно получаетъ только въ томъ случаѣ, если послѣдній воспринимаетъ это дѣло въ свое сознаніе. Только во внутреннемъ чувствѣ своемъ, въ своемъ субъективномъ переживаніи (Erlebniss) христіанинъ можетъ найти ручательство (Verbürgung) въ дѣйствительномъ значеніи совершеннаго для него Христомъ примиренія“²⁾. Съ этой точки зрѣнія источникъ человѣческаго спасенія заключается не столько въ объективномъ событіи искупленія, сколько въ субъективномъ усвоеніи этого событія религіознымъ сознаніемъ человѣка. Это послѣднее есть *sine qua non* спасительнаго дѣйствія дѣла Христова. Не голгоѣская жертва сама по себѣ, но она какъ предметъ сознанія, какъ достойное человѣческаго духа, проникающагося этимъ историческимъ событіемъ, освѣ-

¹⁾ Kübel, *ibidem*, S. 164—165, 168. *Примѣч.* „Отъ объективнаго спасенія человѣка въ смыслѣ примиренія его съ Богомъ богословы разсматриваемаго направленія отличаютъ оправданіе въ смыслѣ субъективнаго усвоенія вѣрующими плодовъ спасительнаго дѣла Христова“. „Оправданіе принадлежитъ настоящему—оно основывается съ нашей стороны на томъ, что мы принимаемъ *вѣрою* слово о примиреніи, или въ томъ, что мы позволяемъ себя (по апостолу: 2 Кор. 5, 18) примирить (субъективно), когда мы уже примирены (объективно)“. См. Kübel, *ibid*, S. 169—170. Слѣдствіемъ такого оправданія человѣка, дѣйствіемъ оправдывающей его вѣры и является то соединеніе вѣрующаго со Христомъ, „вселеніе Христа *in nobis*“, о которомъ трактуютъ символическія книги протестантства.—См. Kübel, *ibid*, S. 170.

²⁾ Kahler, *Wissenschaft. d. christl. Lehre*, S. 21; см. Kübel, *ib.* S. 133, 325.

щающаго и согрѣвающаго имъ свои религіозныя силы, оживляющаго въ созерцаніи его свои нравственныя способности, и именно въ силу такого своего дѣйствія, имѣеть спасительное для человѣка значеніе ¹⁾)

Стоитъ припомнить вышеприведенныя разсужденія объ источникѣ человѣческаго спасенія богослововъ спекулятивнаго направленія, утверждавшихъ чисто субъективное значеніе этого процесса и отрицавшихъ его внѣшне-объективнѣй, божественный характеръ ²⁾), чтобы видѣть, какъ замѣтно приближается къ нимъ отмѣченное воззрѣніе Келера. Ближе къ нему и еще дальше отъ положительной ортодоксіи стоитъ другой представитель посредствующаго богословія, Франкъ. Этотъ послѣдній, признавая объективную дѣйствительность и важность (Gültigkeit) совершеннаго Искупителемъ дѣла спасенія человѣчества, горячо протестуетъ противъ обычнаго въ церковномъ богословіи раздѣленія двухъ основныхъ факторовъ этого дѣла, т. е., примиренія, какъ внѣшне-историческаго событія, и оправданія, какъ субъективнаго усвоенія плодовъ этого событія ³⁾). „Оба эти понятія, говоритъ Франкъ, слѣдуетъ представлять нераздѣльно (?), ихъ нужно соединять въ одно, поскольку и само искупительное дѣло, совершенное Христомъ, состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ дѣятельномъ осуществленіи принесенной Имъ на землю идеи божественности человѣка и человѣчности Бога“ ⁴⁾). „Спасеніе человѣчества не есть дѣло историческаго прошлаго, по всецѣло есть достояніе настоящаго; оно совершается черезъ усвоеніе человѣческимъ сознаниемъ идеи Богочеловѣчности, проникновеніе Духомъ Христовымъ и въ этомъ дѣятельномъ проникновеніи состоитъ вѣчная, непрекращающаяся спасительная дѣятельность Христа въ Его церковной общинѣ“ ⁵⁾). Едва ли нужно прибавлять, что эти и подобныя положенія Франка суть ничто иное, какъ повтореніе вышеотмѣченныхъ взглядовъ Ричля и его школы практическаго богословія.

1) Подробнѣе о семъ см. Kübel, *ibid.* S. 133—134.

2) Напр. взглядъ Lipsius, *Lipsius. Dogmatick.* S. 21.

3) О семъ раздѣленіи см. выше стр. 26 примѣчаніе.

4) Franck, *System der Wahrheit*, II; S. 195. О немъ у Кюбеля см. *ibid.* S. 134.

5) *Ibidem.*

Разрѣшая, такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ, или источникѣ спасенія въ смыслѣ болѣе чѣмъ близкомъ къ субъективизму либераловъ, разсматриваемая нами группа богослововъ (посредствующаго направленія) и въ разсужденіи о сущности этого процесса покидаетъ юридическую точку зрѣнія строгой ортодоксіи и становится на почву нравственно практическую. Не въ уничтоженіи виновности за грѣхъ, не въ снятіи долга грѣха, пріобрѣтенномъ умилоостивительною жертвою Христа, состоитъ сущность спасительнаго дѣла Искушенія, а въ реальномъ упраздненіи силы грѣха, въ нравственномъ обновленіи, дѣйствительномъ „освященіи“ человѣчества, сообщеніи ему „праведности Христовой“¹⁾. Достигается это обновленіе человѣчества путемъ дѣятельнаго восхожденія въ мѣру возраста Христова, путемъ постепеннаго приближенія къ идеальному Образу Христа, открытому намъ евангеліемъ, и въ Немъ, въ этомъ нравственномъ образѣ, а не въ искупительной смерти самой по себѣ—залогъ общаго спасенія. „Хотя Христосъ и понесъ на Себѣ тяжесть суда и гнѣва Божія, однако не смерть Его сама по себѣ, но тотъ святой образъ (*heilige Weise*), какимъ Онъ несъ на Себѣ это иго, приноситъ намъ спасеніе“²⁾. „Христосъ понесъ на Себѣ кару клятвы законной, но искупительное значеніе для насъ имѣютъ не страданія Его сами по себѣ, а какъ проявленія Его безусловной *obedientiae*, какъ завершеніе добровольно взятаго Имъ на Себя и свободно выполненнаго нравственнаго подвига“³⁾. Что при такомъ представленіи дѣла объективно-божественный элементъ спасенія совершенно устраняется, что объ измѣненіи отношеній Бога къ искупленному человѣчеству нѣтъ и рѣчи, а все сводится къ развитію нравственныхъ отношеній человѣка къ Богу, къ тому подвигу самоусовершенствованія по образу Христову, о которомъ такъ выразительно трактуетъ Ричль⁴⁾, это, намъ кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію. Констатированное нами раз-

1) *Menken*, *Homilien über Hebr.* собр. сочин. III, S. 295, 334, 338, 356; *Gess*, *Christi Person und Werck*, III, S. 73; *Franck*, *System der Wahrheit*, II, S. 35.

2) *Gess*, *Christi Person und Werck* t. III, S. 73; См. у Кюбел'я, *ibidem*. S. 161.

3) *Franck*, *System der Wahrheit*, t. II, S. 35. Кюбел, *ibidem*.

4) О немъ см. выше въ обзорѣ либеральн. направл. прот. бог.

личіе въ сотеріологическихъ представленіяхъ сторонниковъ положительнаго богословія, съ явнымъ приближеніемъ части ихъ къ рѣшительному субъективизму либеральнаго направленія, сохраняетъ свою силу и даже сказывается еще въ большей степени и въ разсужденіи такого существенно важнаго въ протестантской догматикѣ пункта, какъ вопросъ объ источникѣ христіанскаго вѣрученія, Свящ. Писанія. Здѣсь уклоненіе отъ точки зрѣнія строгой ортодоксіи распространяется уже на значительное большинство богослововъ разсматриваемаго направленія.

Ученіе богослововъ полож. направленія объ источникѣ христ. вѣрученія—Свящ. Писаніи. Въ вопросѣ объ авторитетѣ Свящ. Писанія по его содержанію ортодоксальная теорія Бэка уже далеко не пользуется кредитомъ. Только Филиппи продолжаетъ еще говорить о томъ, что слово Свящ. Писанія имѣетъ безусловный авторитетъ само по себѣ какъ слово Божіе, какъ произведеніе Божественнаго Духа, сообщающаго въ немъ и черезъ него Свои откровенія, какъ исполненное Духа и силы *testimonium Spiritus Sancti* ¹⁾).

Большинство же сторонниковъ нынѣшняго положительнаго богословія разрѣшаютъ поставленный вопросъ въ смыслѣ близкомъ къ либеральному воззрѣнію на этотъ предметъ.

Гессъ, напимѣръ, единственный источникъ, обуславливающей собою авторитетъ откровеннаго слова Писанія, видитъ въ умѣ и нравственномъ сознаніи его читателя или слушателя ²⁾. Эти послѣдніе сами опредѣляютъ то, что слѣдуетъ признавать въ Свящ. Писаніи словомъ Откровенія, имѣющимъ безусловно обязательный для всѣхъ авторитетъ ³⁾. Впрочемъ воззрѣнія Гесса еще отличаются отъ чистаго субъективизма либераловъ тѣмъ, что Гессъ склоненъ придавать объективно-обязательный, повторяемъ, авторитетъ если не всей Библии, то по крайней мѣрѣ части ея и именно той, которая въ такомъ достоинствѣ признается непосредственнымъ сознаніемъ вѣрующаго, разума и чувства. „Библия не вся есть слово Бо-

¹⁾ Philippi, Glaubenslehre, I. S. 493; 436, 460, 486, 501.

²⁾ Gess, die Inspiration der Helden der Bibel und der Schriften der Bibel. См. Kübel, *ibid.* S. 185.

³⁾ Gess, *ibidem.* См. Kübel, S. 186.

жіе, но слово Божіе въ изобиліи присуще ей и вотъ та то часть Библии, которая (по свидѣтельству внутренняго опыта) есть дѣйствительное слово Божіе, обладаетъ свойствомъ непогрѣшимости“¹⁾.

Рѣшительнѣе выражается Хауптъ, съ точки зрѣнія котораго объ объективномъ авторитетѣ Свящ. Писанія, помимо чисто индивидуальнаго ощущенія, переживаемаго тѣмъ или инымъ его читателемъ и слушателемъ, не можетъ быть и рѣчи. „Слово Божіе есть слово Бога ко мнѣ (а не къ кому либо другому); черезъ него Богъ мнѣ (а не всѣмъ вообще людямъ) что нибудь сообщаетъ и то, что я переживаю и переживалъ какъ Откровеніе Божіе, что я чувствую, какъ голосъ Бога, это и есть (для меня только) Его Слова“²⁾.

Другіе представители положительнаго богословія выводятъ авторитетъ Свящ. Писанія изъ внутренняго опыта или ощущенія не отдѣльнаго вѣрующаго (какъ два вышеотмѣченные) а церкви, какъ цѣлаго общества. Такихъ воззрѣній держатся напримѣръ, Лютардъ и Томасіусъ. По словамъ послѣдняго, „вѣра церкви въ капоническій авторитетъ Свящ. Писанія основывается на внутреннемъ опытѣ, который церковь имѣетъ и всегда имѣла относительно писаннаго слова Божія во всѣ времена своего существованія. И этотъ опытъ свидѣтельствуетъ, что церковь на всѣхъ стадіяхъ своего историческаго развитія признавала Священное Писаніе во всемъ его объемѣ средствомъ необходимымъ для выполненія ею своего всемірнаго предназначенія“³⁾.

По Лютарду, „необходимость и великое значеніе Свящ. Писанія слѣдуетъ изъ того, что оно есть нормирующее слово Божіе для всего церковнаго общества и имѣетъ для него, какъ и для всякаго въ отдѣльности вѣрующаго, свое спасительное значеніе“⁴⁾. По Цоклеру, „божественное достоинство Писанія основывается на томъ, что слово его сообщаетъ общинѣ спасаемыхъ (т. е. церкви) необходимыя для нея спаси-

1) См. Kübel, *ibid.* S. 185—186.

2) Haupt, *die Bedeutung der heil. Schrift.* S. 42, 45.

3) Thomasius, *Christi Person und Werck II,* S. 263.

4) Lüthardt, *Compendium,* S. 69. См. у Kübel'я, *ibidem,* S. 186, 187.

тельные истины“¹⁾). Больше другихъ говоритъ объ объективномъ значеніи Свящ. Писанія Келеръ, но подобно отмѣчен-нымъ богословамъ и онъ основываетъ это значеніе на чисто субъективномъ факторѣ, на „непосредственномъ внутреннемъ ощущеніи истинности и силы библейскаго слова, свидѣтельствуемомъ всей церковной общиной, какъ и каждымъ въ отдѣльности вѣрующимъ“²⁾).

Въ вопросѣ объ авторитетѣ Свящ. Писанія по происхожденію, т. е. въ вопросѣ о богодухновенности его, только самое незначительное меньшинство богослововъ положительнаго направленія стоитъ на почвѣ строго-ортодоксальной теоріи инспираціи Бэка, по мысли котораго книги Свящ. Писанія суть произведенія Божественнаго Духа, говорившаго устами ихъ, писателей³⁾. Въ наше время такой точки зрѣнія держится Дюкгофъ, Дорнеръ и *отчасти* Гессъ. Первые два говорятъ о личной богодухновенности библейскихъ писателей, которые „были удостоиваемы преимущественнаго передъ своими современниками особеннаго Откровенія Божія и просвѣщенія отъ Духа Святаго, благодаря чему становились способными проникать своимъ орлинымъ взоромъ въ сокровеннѣйшія тайны царствія Божія и сдѣлались духовными отцами всего возрожденнаго человечества“⁴⁾. Эта богодухновенность лицъ, по Дорнеру, распространяется и на самыя произведенія ихъ, такъ что и эти послѣднія, т. е. „книги Свящ. Писанія, одушевлены Тѣмъ-же божественнымъ Духомъ истины, Который обиталъ въ сердцахъ и мысляхъ ихъ богопросвѣщенныхъ авторовъ. Какъ цѣлое Священное Писаніе есть совершенно непогрѣшимый канонъ, образованный Духомъ Святымъ“⁵⁾.—По мнѣнію Гесса, вдохновеніе, или инспирація, есть второй способъ Откровенія

1) Zöckler, zur Inspirationsfrage, Beweiss der Glaubens. См. у Kübel'я ibidem S. 186—187.

2) Kähler, Wissenschaft christlich. Lehre, S. 390.

3) Beck, Einleitung in des System, 2 Auflage, S. 201, 209; Glaubens Lehre, I. S. 486. О немъ см. выше въ общемъ очеркѣ развитія богосл. мысли протестантизма въ истекшемъ вѣкѣ.

4) Dorner, Glaubenslehre, I t. S. 629; Dieckhoff, die Inspiration und Sturmslosigkeit der heil. Schrift, Leips. 1891.

5) Dorner ibidem, S. 663.

(первый способъ „Богоявленіе (Theophanie), когда Богъ является въ чувственныхъ, осязательныхъ формахъ и говоритъ непосредственно Своими устами“); онъ состоитъ въ томъ, что „Богъ Своимъ Духомъ соприкасается съ душою человѣка, того удостоившагося, и сообщаетъ послѣднему новыя (религіозныя) истины. Высочайшую степень такой инспираціи мы находимъ, по Гессу, у Іоанна Богослова, который былъ вполне проникнутъ Духомъ Христовымъ. Все это личная инспирація, вдохновеніе святыхъ мужей; но она распространяется также и на ихъ произведеніе. Конечно, прибавляетъ Гессъ, не все содержаніе библейскаго Писанія обладаетъ богодухновенностью, и въ богодухновенномъ Писаніи не все таково, но лишь то, что относится ко Христу и къ тому пути, коимъ устрояется Царствіе Божіе въ людяхъ. Въ этой своей части Свящ. Писаніе божественно и богодухновенно. Во всемъ же остальномъ содержаніи оно есть исключительно продуктъ своего историческаго автора съ его индивидуальнымъ міровоззрѣніемъ; въ этой части своей Писаніе не свободно отъ нѣкоторыхъ заблужденій, представленій миѣическихъ, народныхъ сагъ и т. п. Право опредѣлять, что принадлежитъ къ первой, непогрѣшимой части Писанія и что должно быть отпесено на счетъ второй, есть право религіознаго сознанія всякаго вѣрующаго“¹⁾). Такъ заканчиваетъ свои разсужденія Гессъ, окончательно сбиваясь на точку зрѣнія либеральнаго субъективизма.

Этой же точки зрѣнія держится, повторяемъ, и значительное большинство сторонниковъ положительнаго богословія. Такъ Кюлеръ, признавая за Священнымъ Писаніемъ характеръ Откровенія Божія, сообщаемого черезъ особо одаренныхъ духовными способностями мужей, въ то же время рѣшительно вооружается „противъ предположенія чрезвычайнаго дѣйствія Святаго Духа въ происхожденіи Свящ. Писанія“, называя заблужденіемъ обычай различать слово Божіе, заключенное въ Писаніи и то вѣчно жизненное Божественное Слово, которое и теперь сохраняется церковію, какъ ея непосредственное ре-

¹⁾ Gess, die Inspiration der Helden der Bibel und der Schriften der Bibel; См. Kübel, ibid S. 214.

лигіозное сознаніе, просвѣщаемое Духомъ обитающаго въ Церкви Христа ¹⁾. По воззрѣнію Франка богодуховенность приписываемая слову Священнаго Писанія вполнѣ объясняется изъ особенностей эпохи, къ которой относится происхожденіе той или иной его (Писанія) части. Новый Завѣтъ, напримѣръ, есть въ сущности ничто иное, какъ выраженіе религіозно-нравственнаго сознанія первенствующей церкви. Все преимущество, весь прерогативъ его покоится на особенныхъ харизматическихъ дарованіяхъ того времени, а не на специфическомъ воздѣйствіи на его авторовъ Духа Святаго... „Священные писатели (новозавѣтные) обладаютъ вдохновенностью лишь постольку, поскольку они суть члены и представители первенствующей Церкви, въ которой полная свѣжесть воспоминанія о Христѣ и дѣлѣ спасенія соединялась съ особенною полнотою духовныхъ дарованій“ ²⁾.

Вліяніе либеральнаго субъективизма въ вопросѣ о богодуховенности Писанія замѣтно даже и на Кюбелѣ, этомъ обыкновенно строго ортодоксальномъ мыслителѣ. Подобно Гессу, Кюбель выходитъ изъ различія понятій: откровеніе и вдохновеніе. Первое—*ἀποκαλύψαις*—есть чисто объективный факторъ, божественное возвѣщеніе людямъ небесныхъ тайнъ и будущихъ событій; оно соотвѣтствуетъ манифестаціи—Богоявленію какъ такому чрезвычайному историческому событію, когда Богъ Самъ непосредственно является объектомъ человѣческаго познанія. Вдохновеніе, или инспирація есть особенное возбужденіе божественнымъ Духомъ духа человѣческаго и направленіе его дѣятельности на тотъ или иной религіозный предметъ. Возбужденная Богомъ активность человѣческаго духа остается совершенно самостоятельной и все, что является ея произведеніемъ, есть не непосредственно даннос отъ Бога (точка зрѣнія, очевидно, ортодоксальной теоріи инспираціи), но приобрѣтенное самимъ человѣкомъ, только вслѣдствіе и по мѣрѣ (*gemäss*) воздѣйствія Божія. Такое вдохновеніе имѣло мѣсто, прежде всего, по отношенію къ провозвѣстникамъ „ве-

¹⁾ Kähler, Wissenschaft christl. Lehre. S. 388.

²⁾ Franck, System der Wahrheit II, § 45, особен. стр. 412 и 427. О пемъ у Kübel'я см. *ibid.* S. 212—214.

ликаго историческаго Откровенія“, т. е. къ писателямъ священныхъ книгъ. Но это же самое имѣетъ значеніе и по отношенію къ продолжающемуся въ Церкви откровенію Божію, проявленіями котораго служатъ необычайныя для большинства харизматическія дарованія пророчества, гносіса, премудрости, „рѣчи въ духѣ“ и т. д. Подъ дѣйствіемъ Духа Божія инспирируются непосредственно только лица писателей, а ихъ слово можетъ быть названо лишь посредственно инспирированнымъ (*mittelbar inspiriert*), поскольку оно есть продуктъ инспирированнаго Духа и носитъ силу его въ себѣ. Самый психологическій процессъ инспираціи, или вдохновенія, не заключаетъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго. Опъ совершенно подобенъ тому, какой наблюдается у всякаго писателя или поэта, всецѣло охваченнаго или одушевленнаго предметомъ своего творчества. Чрезвычайенъ, чудесенъ не психологическій процессъ, но самая сила божественнаго Духа, съ которой не можетъ сравняться сила собственнаго человѣческаго сознанія. Съ другой стороны, дѣйствіе этой силы нельзя представлять въ видѣ какого то магическаго внушенія, сообщающаго человѣку абсолютно непогрѣшимое познаніе въ формѣ готовыхъ истинъ (точка зрѣнія строгой ортодоксіи); оно есть именно только возбужденіе, поднятіе до возможно высшей степени духовной активности человѣка, направленіе его самостоятельной *дѣятельности* на тотъ или иной религіозный предметъ. Находящіеся подъ такимъ воздѣйствіемъ священные писатели не имѣютъ абсолютной свободы отъ ошибокъ и заблужденій, но свободны отъ нихъ лишь настолько, насколько это возможно для человѣка съ его ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ, и при томъ отъ такихъ ошибокъ и такихъ заблужденій, которыя бы могли препятствовать спасительнымъ цѣлямъ Откровенія. Непогрѣшимость принадлежитъ Писанію какъ цѣлому, какъ органическому развитію одной великой идеи, а не отдѣльнымъ его мѣстамъ, фразамъ или буквамъ ¹⁾).

Нельзя не видѣть въ приведенныхъ разсужденіяхъ Кюбеля значительнаго вліянія на него школы либеральнаго богословія. Инспирація личностей, возбужденіе активности человѣческаго

¹⁾ Kūbel, *ibidem*. S. 218—220.

духа—все это термины цѣликомъ перешедшіе въ положительную догматику изъ произведеній Ричля и его послѣдователей ¹⁾. Съ другой стороны, взглядъ на непогрѣшимость Писанія какъ принадлежность цѣлаго, какъ на свойство передаваемого имъ общаго развитія библейской идеи (а отнюдь не каждой его части въ отдѣльности), взглядъ этотъ слишкомъ напоминаетъ тѣ разсужденія о „духѣ Писанія“ (въ отличіе отъ его объективной формы), какія мы встрѣчали у богослововъ спекулятивнаго паправленія ²⁾.

Ученіе богослововъ положит. направленія о царствѣ Божіемъ. Что касается эсхатологическихъ представленій сторонниковъ положительнаго богословія, ихъ ученія о царствѣ Божіемъ, то и въ этомъ пунктѣ христіанскаго вѣроученія большинство ихъ оставляетъ строго ортодоксальную точку зрѣнія и оказывается чуть не въ полномъ согласіи съ моднымъ либерализмомъ. Только весьма немногіе изъ нихъ, какъ Шмалеръ и Шмидтъ, въ воззрѣніяхъ на царство Божіе держатся почвы библейскаго богословія Бэка. Въ общемъ понятіи царствія Божія они продолжаютъ различать двѣ стороны: царство Божіе есть настоящее земное царство благодати и силы (*regnum gratiae, regnum potentiae*) и небесное, блаженное царство славы (*regnum gloriae*). Первое открыто на землѣ Христомъ, оно есть ничто иное, какъ христіанская церковь, общество спасаемыхъ, народъ Божій. Второе есть блаженное небесное царство святыхъ, царство непосредственной премірной теократіи. Это царство есть выраженіе вѣчной жизни Божества; оно основано прежде сложенія міра и во всей полнотѣ имѣетъ открыться по упраздненіи вышшняго порядка бытія и второмъ пришествіи Христовомъ. По отношеніи къ нему настоящее земное царство благодати есть только состоявіе подготовительное; все значеніе его сводится къ тому, чтобы постепеннымъ усвоеніемъ благъ небеснаго царствія (т. е. развитіемъ къ нимъ, такъ сказать, духовнаго вкуса) дѣлаться достойными вступленія въ это царствіе по смерти ³⁾. Въ представленіяхъ же большинства

¹⁾ См. разсужденія, напр. Кафтана о богодухи. Писанія. (Kaftan, Wesen. d. christl. Religion, 2 auf. S. 457).

²⁾ См. воззрѣнія Липсіуса о религіозномъ духѣ Писанія.

³⁾ Kübel, *ibidem*, S. 92, 96—98.

современныхъ положительныхъ богослововъ эсхатологическій элементъ въ понятіи царствія Божія совершенно отсутствуетъ. Такъ у Кааниса ¹⁾ и Томасіуса ²⁾ развивается ученіе о царствѣ Божіемъ, какъ только религіозномъ общеніи людей, каковое имѣетъ мѣсто въ церкви христіанской. Отъ чистаго субъективизма Ричля воззрѣніе этихъ богослововъ отличается только тѣмъ, что съ ихъ точки зрѣнія это общенія не просто нравственное общеніе любви, но „живой религіозный союзъ между собою и съ Богомъ (Христомъ) реально обитающимъ въ церкви. Христосъ, вселившійся въ сердца Своихъ послѣдователей, духовно владычествуетъ среди нихъ, и это есть то небесное царство, о которомъ Онъ Самъ говоритъ: „царствіе Божіе внутри васъ есть“.

Еще рѣшительнѣе выражается богословъ Шмидтъ, по мнѣнію котораго „царствіе Божіе есть осуществленный Христомъ на землѣ божественный порядокъ вещей“ ³⁾ Вейсъ видитъ въ царствіи Божіемъ осуществленіе конечныхъ цѣлей Бога относительно высшаго блага на землѣ, каковое достигается Христовой Церковью и состоитъ въ тѣсномъ взаимообщеніи вѣрующихъ „черезъ Христа, во Святомъ Духѣ“ ⁴⁾. По Кэлеру, „Царствіе Божіе есть обновленная черезъ Христа жизнь челоувѣчества въ Его принесенной съ неба благодатной религіи“ ⁵⁾.

Здѣсь мы заканчиваемъ пунктуальный обзоръ положительной догматики современнаго протестантизма. Естественный выводъ, слѣдующій изъ всего вышеизложеннаго, тотъ, который мы и ранѣе уже высказали, именно: что далеко не всѣ сторонники положительнаго богословія и далеко не во всѣхъ пунктахъ вѣроученія стоятъ на почвѣ строгой ортодоксіи, выдерживая оппозицію богословскому либерализму. Правда всѣ они горячо отстаиваютъ объективно-божественную сторону въ вопросѣ о происхожденіи и сущности религіи и Откровенія, рѣшительно утверждаютъ Божественное достоинство Христа.

¹⁾ Kahnis, Luteran. Dogm. t. II, S. 460.

²⁾ Thomasius, Christologie, II, S. 494.

³⁾ Schmid, christl. Sittenlehre, S. 627. Kübel, ibid. S. 93.

⁴⁾ H. Weiss, die christl. Idee des Guten, S. 114.

⁵⁾ Kähler, Wissenschaft der Christl. Lehre, S. 108; также: 480, 494.

Въ этихъ важнѣйшихъ догматическихъ пунктахъ всѣ богословы положительнаго направленія остаются вполнѣ вѣрными своему основному принципу и являются рѣшительными противниками либерально-критическаго богословія. Если послѣднее въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи исключительное значеніе придаетъ внутреннему ощущенію, акту субъективнаго религіознаго сознанія и самое Откровеніе считаетъ идентичнымъ ему; то богословы положительнаго направленія самымъ выразительнымъ образомъ подчеркиваютъ недостаточность субъективнаго фактора въ происхожденіи религіи, выдвигаютъ на первый планъ объекивно-историческій актъ Божоявленія (манифестацію Бога, по ихъ терминологіи) и самую вѣру считаютъ только воспріятіемъ этого акта. Если тамъ религія объявляется произведеніемъ человѣка, то здѣсь напротивъ ее провозглашаютъ даромъ Бога.

Кромѣ того, сторонники либеральнаго богословія во взглядѣ на христіанство стоятъ исключительно на почвѣ философскаго морализма, видятъ въ религіи Христа только побѣдоносное возвышеніе человѣка надъ міромъ въ разумѣ (богословы спекулятивнаго направленія) или волѣ и чувствѣ (Ричль и его школа); богословы же положительные наоборотъ, видятъ въ христіанствѣ прежде всего трансцедентальную, божественную религію, принесенную на землю Богочеловѣкомъ. Если тамъ Христосъ есть божественный человѣкъ, только въ Своемъ субъективномъ сознаніи возвысившійся до великой идеи богосыновства (взглядъ богослововъ спекулятивнаго направленія), или своимъ нравственнымъ чувствомъ обнявшій универсальный идеалъ любви и явившій примѣръ самоотверженнаго служенія благу ближняго (воззрѣніе Ричля и его школы); то здѣсь Онъ есть вѣчный Богъ, вочеловѣчившійся Сынъ Божій, Совершеннѣйшій Носитель божественнаго Откровенія, явившій въ Своемъ Лицѣ міру Бога.

Но этимъ и ограничивается единодушная оппозиція со стороны положительнаго богословія либерально-критическому его направленію. Уже въ слѣдующемъ пунктѣ вѣроученія, въ обсужденіи вопроса о совершенномъ черезъ Христа дѣлѣ спасенія человѣчества, начинается, какъ мы видѣли, между сто-

ронниками положительнаго богословія слишкомъ замѣтное распаденіе. Въ то время, какъ одни изъ нихъ, оставаясь вѣрными точкѣ зрѣнія строгой ортодоксіи и выдерживая оппозицію субъективизму либераловъ, настаиваютъ на объективномъ значеніи спасенія, какъ въ отношеніи его источника (искупительная жертва Христа), такъ въ разсужденіи его сущности (юридическая теорія примиренія); другіе напротивъ значительно склоняются въ сторону этого субъективизма, выдвигая на первый планъ въ своемъ ученіи объ источникѣ спасенія дѣятельность внутренне-психологическаго фактора—религіознаго сознанія, а сущность его сводя къ нравственному обновленію человѣчества подъ живымъ воздѣйствіемъ евангельскаго Образа Христа ¹⁾. Это уклоненіе положительныхъ богослововъ отъ своей принципиальной (ортодоксальной) точки зрѣнія расширяется, а вмѣстѣ съ симъ ихъ оппозиція либеральному направленію болѣе и болѣе теряетъ свою прямолинейность, ихъ строгій объективизмъ сглаживается, когда они начинаютъ трактовать объ источникѣ христіанскаго вѣроученія—Свящ. Писаніи и когда вступаютъ въ область эсхатологическихъ представленій о царствѣ Божіемъ. Здѣсь уже значительное большинство представителей положительнаго богословія приближается къ субъективизму ихъ противниковъ, когда совершенно въ духѣ послѣдняго признаетъ за Писаніемъ исключительно внутренній авторитетъ, основывающійся на его особенномъ дѣйстви въ области религіознаго сознанія (отдѣльнаго вѣрующаго или всей церкви) и послѣднее (сознаніе) объявляетъ рѣшающимъ критеріемъ въ разсужденіи его богодуховности; или когда евангельскія обѣтованія о царствѣ Божіемъ относитъ исключительно къ земной церкви спасаемыхъ, замалчивая ихъ трансцендентальное значеніе.

Объясненіе этого явленія, т. е. широкой склонности положительныхъ богослововъ въ указанныхъ пунктахъ вѣроученія, къ воззрѣніямъ противоположнаго имъ направленія, заключается на нашъ взглядъ не только въ чисто внѣшнемъ фактѣ вліянія, оказываемаго господствующимъ въ современномъ протестантизмѣ либеральнымъ теченіемъ богословской мысли съ его

¹⁾ Этотъ Образъ Христа замѣняетъ для нихъ приспосущую Личность Христа.

подкупающею умъ разсудочностью, но и главнымъ образомъ во внутреннихъ и основныхъ принципахъ общей протестантской догматики.

Своимъ догматомъ объ единой оправдывающей вѣрѣ протестантизмъ, какъ мы уже говорили ¹⁾, ставитъ человека въ самое тѣсное, непосредственное учение со Христомъ. Идя на встрѣчу стремленіямъ вѣрующаго сердца, Христосъ, по учению протестантовъ, вселяется въ душу христіанина, наполняетъ его сознание и тѣмъ окончательно совершаетъ его спасение ²⁾. Но если вѣрующій носитъ въ своемъ сознании Самого Христа, если голосъ вѣрнаго сердца есть вѣщаніе Самого Господа, въ немъ обитающаго, то, естественно, что въ этомъ сознании, въ этомъ вѣрномъ сердцѣ и заключается высшій религіозный авторитетъ; значитъ, свидѣтельство этого сознания и должно имѣть рѣшающее значеніе, во всѣхъ вопросахъ религіозной мысли и жизни. Въ приложеніи къ Священному Писанію выводъ отсюда тотъ, что и его авторитетъ обуславливается свидѣтельствомъ вѣрующаго сознания, поскольку это свидѣтельство есть внутренній голосъ Самого Христа. Этотъ логическій выводъ изъ основнаго положенія протестантской догматики и дѣлаютъ сторонники положительнаго богословія, когда говорятъ о внутреннемъ авторитетѣ Священнаго Писанія. Съ другой стороны, въ этомъ же основномъ принципѣ протестантскаго вѣроученія заключается внутренній источникъ возрѣнія положительныхъ богослововъ на царствіе Божіе, какъ на земное благодатное общество спасаемыхъ. Мысль о непосредственномъ общеніи вѣрующаго со вселившимся въ него Христомъ, представленіе о томъ, что я, членъ христіанской общины, живу со Христомъ, во Христѣ и для Христа, естественно заставляли видѣть въ этомъ выраженіи Господняго владычества въ людяхъ сущность спасенія и приурочивать къ этому евангельскія обѣтованія о наступленіи царствія Христова. Передъ сознаниемъ этого внутренне-ощущаемаго царственнаго владычества Христа въ душѣ спасаемаго,

1) См. въ обзорѣ возрѣній либеральн. богословія на внутренній авторитетъ Св. Писанія; очерка наш. часть 1.

2) Очевидно, точка зрѣнія субъективно-объективная.

само собою отступало на задній планъ и теряло свою интенсивность эсхатологическое представленіе о царствѣ Божіемъ, какъ дѣлѣ только отдаленнаго будущаго. Апокалипсическое: „ей, гряди, Господи Іисусе“!.. нашло отвѣтъ въ протестантскомъ: „Christus—in nobis“... и религиозное сознание вѣрующаго протестанта на этомъ должно было успокоиться; а въ созерцаніи свѣтлаго настоящаго, ослабѣвало его стремленіе проникнуть за завѣсу грядущаго, блекла его эсхатологическая мысль.

Федоръ Алексинскій.

Русскій Оригенъ XIX вѣка Вл. С. Соловьевъ.

(Его философскія, богословскія и общественно-историческія произведенія, ихъ критика и опытъ выясненія общаго характера и значенія его философіи).

(Окончаніе *).

Для обрисовки общаго характера философскихъ воззрѣній Соловьева, мы считаемъ не лишнимъ привести еще критическіе отзывы о философіи Соловьева, данные представителями русской идеалистической мысли, не принадлежащими къ ближайшему кружку друзей Соловьева и давшими характеристику воззрѣній Соловьева независимо отъ очарованія, навѣяннаго личными отношеніями къ нему; мы изложимъ два критическихъ отзыва, именно проф. Алекс. Ив. Введенскаго и г. И. Сперанскаго. Сперва мы изложимъ очеркъ проф. Введенскаго. Эготъ очеркъ, посвященный памяти Соловьева, имѣетъ такое заглавіе: „Призывъ къ самоуглубленію“.—Заглавіемъ очерка опредѣляется указаніе на ту заслугу, которую критикъ считаетъ главною со стороны Соловьева: почившій мыслитель призывалъ своею дѣятельностью, своими твореніями къ самоуглубленію, вотъ въ чемъ, по мнѣнію критика, великая заслуга Соловьева и право его на долгую память о немъ. Литературно-философское служеніе Соловьева русскому обществу представляетъ изъ себя, по критику, одинъ непрерывный, трудовой и подвижническій призывъ къ самоуглубленію. Путь жизни

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 23.

Соловьѣва, по критику, есть истинно Сократовскій путь пробужденія въ окружающихъ самосознанія ¹⁾. Соловьѣвъ будилъ самосознаніе и—прямымъ образомъ—въ тѣхъ, кто шелъ за нимъ,—все снова и снова пересматривая тѣ вѣчные вопросы духа, которые составляютъ для глубокой души „единое на потребу“. Онъ будилъ его и косвенно въ тѣхъ, кто, хотя и не шелъ за философомъ, но невольно слѣдилъ за богатырскими полетами его могучаго ума.—Отсюда, значеніе дѣятельности и личности Соловьѣва, по критику, въ высшей степени важное: Соловьѣвъ въ области нашей общественно-философской мысли есть явленіе единственное и исключительное, которое совершенно правомѣрно можетъ быть поставлено на одинъ уровень съ другими, столь же единственными и исключительными явленіями въ ростѣ нашего общественно-государственнаго самосознанія,—именно съ Пушкинымъ. Критикъ вполнѣ убѣжденъ, что значеніе Соловьѣва въ области философской мысли приравнивается къ значенію Пушкина въ исторіи нашей словесности. Но значеніе Соловьѣва, по критику, не только въ свѣтлыхъ, положительныхъ сторонахъ его дѣятельности, но и отрицательныхъ: въ своихъ уклоненіяхъ Соловьѣвъ является носителемъ родовыхъ и наслѣдственныхъ грѣховъ и болѣзней нашей мысли: въ немъ они достигаютъ такого яркаго выраженія, что для русскаго общества становится невозможнымъ дальнѣйшее вольное коснѣніе въ этихъ грѣхахъ.

Переходя затѣмъ къ общему разбору дѣятельности Соловьѣва, критикъ дѣлитъ всю эту дѣятельность на три періода, которые выражаютъ собою три главные момента его философскаго развитія: предварительный синтезъ началъ мысли на религіозной основѣ, разложеніе этого первоначальнаго синтеза (его анализъ), съ цѣлью обогатить его новыми стихіями, и наконецъ, вторичный, болѣе широкій, синтезъ. Критикъ далѣе и слѣдитъ за процессомъ мысли Соловьѣва по этимъ тремъ періодамъ. Наиболѣе характерно для духовнаго развитія Соловьѣва въ первый періодъ [его дѣятельности было, по критику, то, что Соловьѣвъ, утверждаясь на положительныхъ началахъ христіанскаго Востока, съ самаго же начала всталъ

¹⁾ См. „Призывъ къ самоуглубленію“ Алексѣя Введенскаго стр. 4 и слѣд.

въ рѣзкую оппозицію къ раціоналистическому западу и къ нашему русскому западничеству; отсюда въ Соловьевѣ въ эту эпоху мы видимъ преданность русскому „народно-національному типу“, поскольку онъ отразилъ на себѣ характеръ и черты религіозно-созерцательнаго Востока. Но на этомъ пути слѣдованія народнымъ началамъ Соловьевъ оставался недолго: за періодомъ предварительнаго синтеза послѣдовалъ періодъ анализа, и критикъ находитъ, что Соловьевъ вступилъ на этотъ путь тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе, что къ этому его предрасполагали и внутреннія особенности его природы, и внѣшнія обстоятельства жизни ¹⁾. Съ одной стороны, его отзывчивая и женственно-воспримчивая натура требовала отъ него вниманія къ инороднымъ началамъ мысли, обаянію которыхъ онъ отдавался тѣмъ страстнѣе и беззавѣтнѣе, чѣмъ менѣе осуществляемъ касался ему намѣченный имъ самимъ планъ грандіознаго синтеза. Съ другой стороны, по критику, Соловьевъ, провѣряя свою отвлеченную схему по указаніямъ жизни, замѣтилъ, что эта схема не оправдывается жизнью; и вотъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ Соловьевѣ началъ совершаться процессъ постепеннаго отказа отъ нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ взглядовъ и удаленія отъ первоначальныхъ исходныхъ точекъ мысли; и какъ результатъ этого измѣненія внутреннихъ основъ міровоззрѣнія было то, что Соловьевъ очутился въ другомъ литературно публицистическомъ лагерѣ, и мысль его завялась другими, болѣе конкретными и близкими къ жизни, интересами и задачами,—и отношеніе ко многимъ изъ прежнихъ своихъ устоевъ стало отрицательнымъ. Такъ въ вопросѣ о значеніи православія Соловьевъ теперь проводитъ новые взгляды; хотя онъ и признаетъ, что наша вѣра есть православная, однако онъ считаетъ ее вѣрою мертвою, вѣрою безъ дѣлъ; причину этой мертвенности православія Соловьевъ видитъ въ недостаткѣ организациі въ нашей Церкви, отсюда взоры его на Западъ, къ папѣ,—призваніе—сперва къ союзу съ Римскою Церковью, потомъ къ сліянiю съ нею, и наконецъ,—къ подчиненію ей. Въ этотъ второй періодъ своей дѣятельности Соловьевъ, про-

¹⁾ Ibid. 40—41 стр.

должаетъ далѣе критикъ,—ратовалъ во имя общехристіанскихъ, общечеловѣческихъ и международныхъ началъ жизни противъ религіознаго сепаратизма, націонализма и государственной исключительности. Но въ этомъ боевомъ направленіи своей дѣятельности Соловьевъ, по критику, впалъ въ оптическую иллюзію: близкая Россія въ эту эпоху предстала въ сознаніи Соловьева, какъ преимущественная носительница началъ эгоистическаго обособленія, самодовольства и сепаратизма, а далекій Западъ былъ окруженъ сіяніемъ борца за идеи и начала идеальныя и общечеловѣческія. Критикъ настойчиво повторяетъ, что это былъ чистый оптическій обманъ и простое выраженіе западныхъ симпатій Соловьева, потому что, говоритъ критикъ ¹⁾, если Россія и страдаетъ отъ своего, доведеннаго до крайности, охранительнаго сепаратизма, то и Западъ страдаетъ отъ своего излишняго космополитизма, отъ внутренняго расчлененія началъ жизни и борьбы между ними. И критикъ, вопреки Соловьеву, находитъ, что никакіе идеалы не могутъ обязывать насъ къ установленію общенія съ Западомъ, когда на томъ же Западѣ (особенно католическомъ) огромныя массы открыто становятся въ ряды атеистовъ, и никто также не можетъ обязывать и насъ къ упраздненію тѣхъ заставъ, которыми нѣкоторые истинныя русскіе люди, хотя бы тѣ же славянофилы, хотѣли защитить русскаго человѣка отъ иноземныхъ вліяній. Критикъ находитъ вопросъ объ этомъ не подлежащимъ спору; но такъ какъ западныя симпатіи Соловьева этой эпохи тѣсно переплетались у него съ освободительными стремленіями (отъ гнета цензуры, отъ стѣсненій въ дѣлахъ вѣры), были одушевлены такимъ горѣніемъ духа за торжество высшихъ началъ и сопровождались такимъ энергичнымъ указаніемъ на наши грѣхи и болѣзни, то отсюда, по критику, произошло то, что тотъ оптическій обманъ, въ который впалъ Соловьевъ, замѣчался лишь немногими. Большинству же его яркіе образы совершенно застилали глаза, а его страстно полемическія рѣчи закрывали слухъ для всего остального, для всякихъ другихъ рѣчей и возраженій, и подъ вліяніемъ страстныхъ рѣчей Соловьева даже такіе испытанные и стойкіе борцы за

¹⁾ Ibid. 49 стр.

русскую идею, какъ К. Н. Леонтьевъ, начинали колебаться и чувствовали разочарованіе и сомнѣніе въ себѣ и своихъ силахъ, невѣріе въ призваніе и будущность Россіи.—Но, говоритъ ¹⁾ критикъ, въ то время, когда даже такіе устойчивые люди, какъ Леонтьевъ, подъ вліяніемъ страстной обличительной проповѣди Соловьева, колебались въ своихъ устояхъ, мысль Соловьева уже отливала къ инымъ берегамъ. Иная идея вступала въ его сознаніе и все болѣе и болѣе овладѣвала имъ. Это была идея близкаго конца міра. Подъ вліяніемъ этой идеи въ Соловьевѣ снова стала воскресать и выступать на первый планъ правда мистическихъ созерцаній христіанскаго Востока, положенная философомъ въ основу первоначальнаго синтеза и теперь потребовавшая новой перегруппировки началъ мысли, новаго ихъ „синтеза“. Западъ снова обличился предъ философомъ въ его неправдѣ, ибо съ Запада, по пророчеству Соловьева, изойдетъ антихристъ, который объединитъ въ себѣ всѣ утопіи, обольщающія современный міръ, отъ идеи сверхчеловѣка до утопіи буржуазнаго вселенскаго мира и благоденствія. Напротивъ, на Россію Соловьевъ теперь смотритъ очень высоко и приписываетъ ей въ лицѣ старца Іоанна высокую миссію—осуществленіе своей мечты о соединеніи церквей, когда въ концѣ временъ представители авторитета, преданія и свободнаго изслѣдованія Божественной истины соединятся въ братской радости единого истиннаго исповѣданія Бога—Отца всѣхъ, когда и будетъ окончательный „универсальный“ синтезъ. Таковъ, по критику, общій ходъ философскаго развитія Соловьева по главнымъ періодамъ его дѣятельности.

Указывая общее значеніе Соловьева, независимо отъ его публицистическихъ симпатій или антипатій, критикъ находитъ, что въ этомъ отношеніи, въ оцѣнкѣ Соловьева, какъ исключительно даровитаго философскаго ума, выдающагося изъ всѣхъ современныхъ умовъ, не можетъ быть разногласій. Въ преклоненіи предъ нимъ, предъ его свѣтлою памятыю, по критику ²⁾, сойдутся люди самыхъ различныхъ складовъ и направленій, ибо кто будетъ соблазняться его западническими и паписти-

¹⁾ 51—52 стр.

²⁾ Ibid 53 и слѣд.

ческими симпатіями и не сможетъ помириться съ ними, какъ съ переходнымъ моментомъ въ развитіи философа, тотъ долженъ склониться передъ нимъ, какъ предъ искреннимъ и могучимъ ратоборцемъ за торжество религіозныхъ началъ въ мысли и жизни надъ началами антирелигіозными и безбожными. Если же, продолжаетъ критикъ, кто и здѣсь усмотритъ нѣчто стропотное, тотъ долженъ склониться предъ нимъ, какъ предъ неисправимымъ идеалистомъ, ибо, по критику, онъ былъ дѣйствительно „неисправимымъ идеалистомъ“—и всѣмъ сердцемъ своимъ, и всѣми помышленіями своими. Общее же историко-философское значеніе Соловьева критикъ видитъ въ томъ ¹⁾, что въ лицѣ Соловьева наше немощное и раздробленное сознание впервые достигаетъ той зрѣлости, которая характеризуется, съ одной стороны, широтою горизонта, а съ другой стремленіемъ связать свои утвержденія о подвижномъ и земномъ съ вѣчно спокойною и неподвижною сферою вѣчности. Въ лицѣ Соловьева наше мыслящее сознание съ рѣшимостью и разумѣніемъ впервые возвело очи къ небесному и вѣчному; въ его лицѣ впервые была одержана побѣда цѣлостнаго міропониманія надъ бессильнымъ идейнымъ раздробленіемъ и внутреннимъ противоборствомъ одностороннихъ началъ нашей жизни. Въ этой побѣдѣ критикъ и видитъ основной и существенный смыслъ бодрой, трудовой, но вмѣстѣ и многомятежной жизни нашего философа. Но помимо этого общаго значенія дѣятельности Соловьева, критикъ усматриваетъ и одно частное, но очень характерное ея значеніе. Соловьевъ, воспитанникъ высшей свѣтской школы, носитель ея традицій, поставленный судьбою, въ самомъ началѣ своей духовной зрѣлости, подъ двойное воздѣйствіе нашего религіозно-духовнаго міра, въ лицѣ представителей академической философіи (Юркевича и Кудрявцева ²⁾) является въ исторіи нашего развитія первымъ вѣстникомъ начинающагося воссоединенія представителей нашей мірской (свѣтской) мысли съ носителями и охранителями нашихъ традиціонныхъ религіозно-духовныхъ вѣрованій, т. е., съ представителями академической философіи.

¹⁾ Ibid., 30 стр.

²⁾ См. объ этомъ въ нашемъ предисловіи къ настоящему труду.

Таковы главныя мысли, хотя небольшого, но многосодержательнаго критическаго этюда проф. А. Введенскаго о философской дѣятельности Соловьева.

Переходимъ теперь къ критическому очерку Сперанскаго. Въ своемъ очеркѣ „о религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ Соловьева“ Сперанскій ¹⁾ подчеркиваетъ то, что центральнымъ пунктомъ философіи Соловьева служитъ христіанство, а цѣлью его философіи является привести умъ читателей къ христіанской религіи и показать имъ всю ея разумность. Но, говоритъ критикъ, въ то время, въ томъ интеллигентномъ обществѣ, изъ котораго вышелъ, и въ которомъ воспитался Соловьевъ, было непринято и говорить о вѣрѣ въ высшую дѣйствительность. Обращаться къ подобнымъ людямъ съ проповѣдью простой вѣры было бы странно и потому Соловьевъ долженъ былъ стать на почву разума, на почву философіи. Онъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ—сталъ на почву господствовавшей въ началѣ его дѣятельности—нѣмецкой пантеистической метафизики. Основное положеніе пантеистической метафизики, что въ основѣ всего лежитъ единое, а все остальное служитъ его проявленіемъ—или Всеединство было принято имъ въ качествѣ высшаго блага его этики, абсолютной истины его метафизики и абсолютной красоты его эстетики. Отсюда, по критику, идея всеединства стала служить Соловьеву основнымъ принципомъ истины, а то или иное отношеніе всего существующаго къ этой идеѣ—безусловнымъ критеріемъ истинности его. Такимъ образомъ, по критику, западная философія снабдила Соловьева принципомъ и критеріемъ истины, которые дали ему возможность опредѣлить съ желательной ему точки зрѣнія, какъ единственное истинное содержаніе христіанской религіи, такъ и дѣйствительную истинность религіи—средневѣковой и современной. Неудовлетворительность содержанія этихъ религій и составляетъ по Соловьеву единственную причину какъ паденія средневѣковаго міросозерцанія, такъ и современной неурядицы въ жизни и сознаніи людей; отсюда, усвоеніе въ сознаніи и осуществленіе въ жизни истиннаго содержанія христіанской

¹⁾ См. „Вѣру и Разумъ“ 1901 г., начиная съ 3-го №.

религіи должны по Соловьеву служить единственнымъ средствомъ къ исцѣленію отъ современнаго недуга. Школа, говоритъ критикъ, подъ вліяніемъ которой сложились філософскія воззрѣнія Соловьева, указала ему на основныя начала западной пантеистической філософіи, въ качествѣ дѣйствительнаго средства къ объединенію людей; но свѣдущій умъ філософа, а главнымъ образомъ его глубокая религіозная настроенность—рѣшительно протестовали противъ устраненія отъ участія въ этомъ дѣлѣ религіи. Соловьевъ, по критику, рѣшилъ это дѣло тѣмъ, что взялъ для религіи изъ пантеистической філософіи новое содержаніе и, такимъ образомъ, удовлетворилъ какъ запросамъ времени, такъ и запросамъ своего ума, чувства и воли. Анализируя далѣе подробнѣе это содержаніе и отождествленіе філософскихъ понятій съ религіозными истинами, критикъ замѣчаетъ, что оно основано не столько на существѣ самаго дѣла, сколько на одномъ желаніи Соловьева во что бы то ни стало сблизить ихъ и отождествить. Только, удовлетворяя своему желанію, Соловьевъ могъ выдѣлить изъ своего Абсолютнаго два—Бога и человѣка, и, на этомъ основаніи, ввести въ свою систему терминъ „богочеловѣчества“. Но Соловьевъ, по критику, не имѣлъ основаній отождествлять абсолютное въ філософіи съ Богомъ христіанской религіи. И если онъ это сдѣлалъ, то сдѣлалъ, по словамъ критика, благодаря лишь діалектическимъ тонкостямъ, не удовлетворяющимъ даже требованіямъ логической правильности мысли.—Критикъ находитъ далѣе, что въ этомъ дѣлѣ отождествленія произошло одно печальное обстоятельство, бросающее ясный свѣтъ на весь характеръ мнимо-христіанской (по выраженію критика) філософіи Соловьева: содержавію „абсолютнаго“ пантеистической западной метафізики дано совершенно чуждое ему названіе Бога христіанской религіи,—въ понятіе христіанскаго Бога вложено совершенно несвойственное ему содержаніе абсолютнаго пантеистической філософіи; отсюда, по критику, вся христіанская філософія подъ перомъ Соловьева приняла всѣ грѣхи и заблужденія пантеистической філософіи; именно, прежде всего, філософія и религія смѣшались, слились между собою: Соловьевъ сталъ строить христіанскую религію по об-

разу своей философіи,—христіанство было сведено въ ряды естественныхъ религій: личное воплощеніе Бога Слова въ индивидуальномъ человѣкѣ Христѣ есть, по Соловьеву, лишь послѣднее звено длиннаго ряда другихъ воплощеній—физическихъ и историческихъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ смѣшенія абсолютнаго философіи съ Богомъ христіанской религіи была, по критику, замѣна Соловьевымъ христіанской догматики философской логикой и метафизикой: все умозрительное богословіе Соловьева представляетъ изъ себя философскую логику и метафизику въ богословскихъ терминахъ; церковные догматы онъ замѣнилъ логическими понятіями, и изъ нихъ, посредствомъ діалектическаго метода, создалъ цѣлую логическую систему религіозно-философскихъ идей, будучи увѣренъ, что объективныя истины христіанской догматики должны вполнѣ совпадать съ діалектическимъ развитіемъ содержанія идеалистической логики. На самомъ же дѣлѣ, замѣчаетъ критикъ, изъ этой словесной игры, ничего, кромѣ двусмысленной полубогословской терминологіи,—не получается. Также и христіанскую этику Соловьевъ, по критику, замѣнилъ философской этикой на фаталистической подкладкѣ. По этикѣ Соловьева высшее дѣло всей жизни и индивидуальнаго лица лежитъ не въ его личной судьбѣ, а въ соціальныхъ судьбахъ человѣчества, или даже всего міра, отсюда человѣкъ уже не является цѣлью мірозданія, вѣнцомъ дѣла Божія, а лишь средствомъ, простымъ орудіемъ въ процессѣ міроваго развитія; отсюда забота человѣка о душѣ, о личномъ совершенствованіи является, по Соловьеву, проявленіемъ эгоизма. Такимъ образомъ, и эту часть философіи Соловьевъ построилъ исходя изъ ложнаго отождествленія христіанства съ пантеистической философіей; но, замѣчаетъ критикъ, христіанская религія не доктрина мистическаго пантеизма, и для отождествленія ихъ нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ произвольнаго желанія самого философа — Давая общую характеристику религіозно-философскихъ воззрѣній Соловьева, критикъ находитъ, что религія, Христосъ и Церковь—эти три слова, которыми исчерпывается, на которыхъ сосредоточивается и къ которымъ примыкаетъ содержаніе философіи Соловьева, утверждаютъ имъ не

по дѣйствительному знанію христіанской истины, а лишь по нуждѣ времени и постольку, поскольку они нужны. На этомъ основаніи критикъ находѣтъ, что считать Соловьева христіанскимъ философомъ, а его философію христіанскою,—можно лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ обращать болѣе вниманія на слова, чѣмъ на содержаніе, въ нихъ заключающееся: философія Соловьева, хотя и выражена въ терминахъ христіанскихъ, но имѣетъ совершенно другое содержаніе, имъ не соотвѣтствующее; въ виду этого критикъ находить возможнымъ дать названіе философіи Соловьева лишь „христіанствующей“, а самому Соловьеву названіе философа лишь „христіанствующаго“.

Отъ критиковъ идеалистическаго направленія, близкаго къ Соловьеву по своимъ интимнѣйшимъ убѣжденіямъ, мы теперь переходимъ къ критикамъ другого, противоположнаго направленія—реалистическаго. Мы остановимся лишь на трехъ видныхъ представителяхъ этого направленія: Радловъ, Александръ Введенскомъ и Спасовичъ. Эти критики такъ же, какъ и критики идеалистическаго направленія, признаютъ великое значеніе философской дѣятельности Соловьева; всѣ они также признаютъ въ Соловьевѣ и выдающійся философскій талантъ, но въ частныхъ воззрѣніяхъ на философскую дѣятельность Соловьева они расходятся съ изложенными нами выше критиками. Такъ Радловъ ¹⁾, въ противоположность Трубецкому, подчеркивающему у Соловьева признаніе за философіей самостоятельнаго значенія, находить что хотя Соловьевъ и опредѣляетъ философію, какъ свободное изслѣдованіе основъ человѣческаго знанія, бытія и дѣятельности, но въ сущности, онъ считаесть философію *ancilla theologiae*; философія у Соловьева имѣетъ лишь пропедевтическій характеръ. Опредѣляя далѣе тѣ главныя вліянія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилось философское міровоззрѣніе Соловьева, и тѣ философскія школы, къ которымъ можно отнести философію Соловьева, Радловъ находить, что такою школою, выражающей коренныя убѣжденія Соловьева, былъ неоплатонизмъ, а тѣми мыслителями, ко-

¹⁾ См. статью Радлова въ „Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона“, въ 60 полутомѣ.

торые вліяли на выработку философскаго міровоззрѣнія Соловьева, были нѣмецкіе идеалисты: Шеллингъ, Гегель, Баадеръ, Шопенгауэръ, и—отчасти самъ Кантъ. Но критикъ находитъ, что нѣмецкій идеализмъ положилъ свой отпечатокъ только на внѣшнюю сторону философіи Соловьева, сущность же ея оставалась тою, какою была въ эпоху, когда это міросозерцаніе сложилось. Отпечатокъ поэзіи, чего-то далекаго, нисколько не связаннаго съ интересами современности, лежитъ на философіи Соловьева, почему она, по Радлову, и служитъ выразительницею мистическаго настроенія, глубоко коренящагося въ русской душѣ. Давая общую характеристику философіи Соловьева и дѣлая общую оцѣнку его значенія для русской мысли, критикъ находитъ, что значеніе Соловьева для русскаго философскаго развитія чрезвычайно велико, но въ настоящее время еще трудно опредѣлимо. Радловъ находитъ, что сочиненія Соловьева: „Критика Отвлеченныхъ Началъ“ и „Оправданіе Добра“ принадлежатъ къ лучшему, что имѣетъ русская философская литература; и смерть Соловьева критикъ признаетъ громадною утратою для русской философіи, ибо Соловьевъ не успѣлъ дать окончательной формы своей философіи, такъ какъ совсѣмъ еще не привелъ въ систему нѣкоторыя части ея, напр. гносеологию и эстетику, хотя и намѣтилъ существенныя черты того направленія, въ которомъ должны быть построены эти части философіи.

Переходимъ далѣе къ критикѣ Александра Введенскаго. Свои критическія воззрѣнія на философію Соловьева Введенскій высказалъ въ публичной рѣчи, посвященной памяти Соловьева и произнесенной въ Спб. философскомъ обществѣ ¹⁾. Содержаніе рѣчи критика опредѣляется заглавіемъ ея: „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“. Введенскій задается цѣлью выдѣлить критическіе и мистическіе элементы въ гносеологіи Соловьева; онъ находитъ, что Соловьевъ, какъ Кантъ, считаетъ невозможнымъ построить метафизику въ видѣ науки, т. е., въ видѣ доказаннаго знанія; но онъ отличается отъ Канта тѣмъ, что считаетъ вполне

¹⁾ См. „Вопросы Филос. и Псих.“ 56 кн. (1901, I): „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“—Александра Введенскаго (2-35 стр.).

возможнымъ это построение въ томъ случаѣ, если мы воспользуемся услугами мистическаго воспріятія. Какъ и Кантъ, Соловьевъ считаетъ представленіями данныя нашему сознанию пространство и время; какъ и Кантъ, Соловьевъ считаетъ невозможнымъ построить науку о чемъ бы то ни было, хотя бы о самыхъ земныхъ вещахъ, при помощи 'однихъ лишь чувственныхъ воспріятій. Какъ и Кантъ, Соловьевъ доказываетъ, что для этой цѣли необходимо мышленіе, создающее апріорныя мысли. Но, какъ и Кантъ, онъ доказываетъ, что онѣ сами по себѣ даютъ одну лишь пустую форму, или одну лишь возможность знанія, а не самое знаніе. Для полученія же истиннаго знанія, по Соловьеву, какъ и по Канту, необходимъ синтезъ апріорныхъ мыслей съ ощущеніями. Далѣе критикъ находитъ, что и тотъ основной методъ, который Соловьевъ употребляетъ для построения своей мистической метафизики, сложился подъ вліяніемъ Канта, именно: Соловьевъ выясняетъ то, что удовлетворяетъ не однимъ лишь нравственнымъ, но также и эстетическимъ, и интеллектуальнымъ требованіямъ, и вводитъ все это въ составъ своей метафизики; напр., въ числѣ этихъ требованій находится, между прочимъ, требованіе единства истины съ добромъ и красотою; и Соловьевъ утверждаетъ, что въ истинно-сущемъ истина должна совпадать съ добромъ и красотою. И если бы, говоритъ критикъ ¹⁾, Соловьевъ не исповѣдывалъ мистицизма, то у него, какъ у Канта, такая метафизика, т. е. построенная только путемъ выясненія всевозможныхъ постулятовъ, должна была бы оставаться только вѣрою. Но мистицизмъ помогъ Соловьеву обратить нѣкоторые пункты его метафизики въ непосредственное знаніе. И вотъ, по критику, Соловьевъ, принимая нѣкоторые новые приемы, заимствованные, главнымъ образомъ, у Гегеля, строить всю свою метафизическую систему въ видѣ доказаннаго знанія, что въ концѣ концовъ даетъ ему возможность осуществить предположенную имъ систему цѣльнаго знанія, или свободной теософій, т. е., синтезъ богословія съ философіей и положительными науками. — Оцѣнивая философскую дѣятельность Соловь-

¹⁾ Ibid. 15 стр.

ева, какъ критициста, въ духѣ Канта, критикъ находитъ, что подъ вліяніемъ Соловьева у насъ въ Россіи распространился критицизмъ; подтвержденіе чему критикъ видитъ въ томъ фактѣ, что переводъ Соловьевымъ Кантовскихъ „Прологеменовъ“ выдержалъ въ теченіе 10 лѣтъ 2 изданія. Затѣмъ критикъ въ подтвержденіе этому приводитъ и личное наблюденіе: онъ самъ, будучи студентомъ, слушалъ Соловьева въ Спб. Университетѣ, гдѣ наблюдалъ, какъ нѣкоторые студенты, приходившіе къ Соловьеву ярыми позитивистами, выходили отъ него кантіанцами. Разбирая далѣе условія, способствовавшія распространенію вліянія Соловьева, критикъ находитъ, что Соловьеву многіе помогали,—нѣкоторые неумышленно, особенно Толстой, который силою своего художественнаго слова и глубочайшимъ анализомъ движеній человѣческой души, вызвалъ, по критику, стремленіе къ пересмотру нравственныхъ и религіозныхъ основъ. Но, говоритъ критикъ (*ibid.* 17 стр.), Толстой лишь возбуждетъ философскую пытливость, направляетъ религіозные и философскіе вопросы, но не даетъ ни теоріи познанія, ни даже общей философской системы; поэтому-то, говоритъ критикъ, усердные читатели Толстого должны были переходить къ тому, кто съ величайшимъ талантомъ строилъ систему цѣльнаго знанія; но такъ какъ послѣ Толстого трудно усвоить мистицизмъ, то поэтому, продолжаетъ критикъ, кто переходилъ къ Соловьеву, долженъ былъ усвоить лишь его критицизмъ. Опредѣляя частныя заслуги Соловьева, критикъ находитъ, что наряду съ побѣдоносной борьбой противъ позитивизма, за счетъ Соловьева можно поставить еще распространеніе у насъ критицизма.—Третья заслуга, оказанная теоріей познанія Соловьева, состоитъ, по критику, въ томъ, что онъ пополнилъ изслѣдованія Канта, указавъ на способность къ мистическому воспріятію, какъ на одно изъ тѣхъ условій, при исполненіи которыхъ становится возможною и метафизика, и не въ смыслѣ вѣры, а въ смыслѣ достовѣрнаго знанія. Соловьевъ, по критику ¹⁾, предъ всѣми метафизиками поставилъ такой вопросъ: „если вы хотите, чтобы у васъ была метафизика не въ видѣ вѣры,

1) *Ibid.* 18 стр.

а въ видѣ знанія, то мы должны допустить существованіе мистическаго воспріятія“, т. е., онъ поставилъ возможность метафизики въ зависимость отъ возможности мистическаго воспріятія. А это вводитъ критика въ изслѣдованіе вопроса о томъ, что же такое мистическое воспріятіе по Соловьеву? Мистическое воспріятіе, по Соловьеву, состоитъ въ непосредственномъ знаніи о томъ, что не принадлежитъ ко внѣшнему міру; это мистическое воспріятіе Соловьевъ иначе называетъ религіознымъ воспріятіемъ, а также мистическимъ и религіознымъ знаніемъ. То же, что познается въ этомъ мистическомъ воспріятіи, и что составляетъ основу всей философіи Соловьева, называется у Соловьева Богомъ, Божествомъ, Абсолютнымъ, Духовнымъ Началомъ, Истинно-сущимъ, Истиною, Всеединнымъ.—Таково, по анализу критика, понятіе Соловьева о способѣ познанія и главнымъ предметѣ его.

Указывая далѣе на то, что Соловьевъ, исповѣдуя мистицизмъ, хотя и требовалъ, чтобы мистическое знаніе вступило въ органическую связь со всѣми остальными видами знанія, и съ философіей, и съ положительными науками, и образовало въ синтезѣ съ ними полное знаніе, или свободную теософію,—критикъ однако подчеркиваетъ то, что Соловьевъ пе далъ самаго главнаго—психологической теоріи мистическаго воспріятія, и потому не могъ способствовать распространенію у насъ мистицизма. Но критикъ не отрицаетъ того, что Соловьевъ все-таки представлялъ нѣкоторыя доказательства въ пользу возможности мистическаго воспріятія; но только эти доказательства критикъ находитъ несостоятельными. Такихъ доказательствъ Соловьевымъ было дано два: именно, Соловьевъ, во-первыхъ, существованіе мистическаго воспріятія доказываетъ тѣмъ, что Сущее всеединое должно быть дано нашему сознанію; слѣдовательно, отрѣшившись отъ всякихъ ощущеній и мыслей, можно найти Бога внутри своего собственнаго духа. Здѣсь критикъ, въ подтвержденіе правильности своего возрѣнія на доказательство Соловьева, указываетъ на то, что въ „Оправданіи Добра“ Соловьевъ прямо говоритъ, что Богъ непосредственно ощущается нами, и что существованіе Бога не есть выводъ изъ ощущеній, а самое

содержаніе этого ощущенія. Второе доказательство Соловьева о существованіи мистическаго воспріятія критикъ видитъ въ развитіи Соловьевымъ той мысли, что безъ мистическаго знанія у насъ было бы только два ряда чисто субъективныхъ состояній сознанія,—ощущенія и апріорныхъ мыслей, причемъ оба эти ряда не могли бы соединиться между собою въ одно цѣлое, вслѣдствіе своей полной разнородности; но при допущеніи мистическаго воспріятія, все это, по Соловьеву, легко объяснить: воспринимая самихъ себя въ Богѣ, мы тѣмъ самымъ воспринимаемъ до извѣстной степени (идеально) и всѣ остальные вещи, мистически узнавая о фактѣ ихъ существованія; и затѣмъ, соотнося наши ощущенія отъ предметовъ съ нашими идеями о нихъ, почерпнутыми въ мистическомъ воспріятіи, мы и получаемъ реальныя знанія. Критикъ, признавая внутренній смыслъ этого доказательства, считаетъ его имѣющимъ значеніе лишь при условіи допущенія самаго факта—мистическаго воспріятія, что, по критику, представляетъ еще спорный вопросъ. Отъ выясненія вопроса о доказательствахъ, какія приводитъ Соловьевъ къ подтвержденію существованія мистическаго воспріятія, критикъ переходитъ къ выясненію вопроса, кто же по Соловьеву обладаетъ этимъ даромъ мистическаго воспріятія? Указывая на то, что Соловьевъ прямо объ этомъ не говоритъ, критикъ все-таки считаетъ возможнымъ, судя по ходу мыслей Соловьева, съ большею вѣроятностью заключить, что такой даръ долженъ быть у тѣхъ, чье служеніе Соловьевъ приравниваетъ къ служенію пророковъ, т. е., у свободныхъ, безусловно ни отъ кого независимыхъ, общественныхъ дѣятелей, у тѣхъ людей, которые крѣпки вѣрою въ истинный образъ будущаго.

Не указывая въ точности, кто обладаетъ даромъ мистическаго воспріятія, Соловьевъ, по критику, не указываетъ и того, какими процессами и средствами можно произвести внутреннее отрѣшеніе отъ всѣхъ мыслей и чувствованій, какъ первый шагъ на пути достиженія мистическаго воспріятія.

Слѣдя далѣе за взглядами Соловьева на мистическое воспріятіе, критикъ находитъ въ воззрѣніяхъ Соловьева въ послѣдніе годы его жизни (послѣ 1897 г.) перемѣну: Соловьевъ

уже не допускаетъ мысли, что мы, воспринимая свое „Я“, этимъ самымъ воспринимаемъ и свое внутреннее существо, его субстанцію. Соловьевъ высказываетъ теперь мысли, совершенно противоположныя прежнимъ; онъ теперь говоритъ, что мы не можемъ знать свое существо; можетъ быть, это такая же галлюцинація, какъ міръ внѣшній; можетъ быть наше сознание обманываетъ насъ и, можетъ быть, я не та личность, за которую я себя считаю, а какая нибудь мадагаскарская королева, которой гипнотически впушено, что я именно та личность, за которую я теперь себя считаю. Итакъ, говоритъ ¹⁾ критикъ, по воззрѣнію Соловьева, въ послѣдніе годы его жизни, слѣдуетъ то, что нашему сознанию, т. е., непосредственному знанію, вовсе не дано внутреннее существо нашего „Я“, о немъ мы заключаемъ, а не воспринимаемъ его прямымъ непосредственнымъ образомъ. Критикъ дѣлаетъ естественный и справедливый выводъ, что Соловьевъ въ послѣдніе годы своей жизни радикально измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія по нѣкоторымъ основнымъ пунктамъ своей гносеологіи. Но критикъ находитъ также измѣненіе и въ этическихъ взглядахъ Соловьева. Этика „Оправданія Добра“, по мнѣнію критика, сильно отличается отъ этики „Крит. Отвлеч. Нач.“; именно: прежде, въ „Крит. Отвлеч. Началъ“, Соловьевъ, вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ, думалъ, что жалость служитъ единственною основою для нравственности, а теперь, въ „Оправданіи Добра“, онъ такихъ основъ находитъ цѣлыхъ три, именно—чувства: стыда, жалости и благоговѣнія.

Дѣлая общее заключеніе о значеніи философской дѣятельности Соловьева, критикъ, несмотря на всѣ недочеты философіи Соловьева, ея недосказанности и непоследовательности, находитъ, что русская философская мысль многимъ обязана Соловьеву. Чтобы яснѣе представить заслугу Соловьева для философіи, критикъ приводитъ по Кавелину характеристику того состоянія, въ которомъ находилась русская философская мысль въ эпоху, непосредственно предшествовавшую выступленію Соловьева на философское поприще: „философія,—пи-

¹⁾ Ibid. 29 стр. и слѣд.

салъ въ то время (въ 1872 г.) Кавелинъ въ полномъ упадкѣ: ея пренебрегаютъ, надъ нею глумятся, она рѣшительно никому не нужна.—Таково было состояніе русской философіи съ небольшимъ четверть вѣка тому назадъ. Теперь же, говоритъ ¹⁾ критикъ, повсюду ясно видно сильнѣйшее уваженіе къ философіи, искреннѣйшее желаніе относиться строго ко всѣмъ философскимъ вопросамъ. Критикъ находитъ, что русская философія такимъ вниманіемъ къ себѣ во многомъ обязана Соловьеву.

Переходимъ теперь къ критикѣ Соловьева Спасовичемъ. Знаменитый адвокатъ и критикъ разбираетъ дѣятельность Соловьева не со всѣхъ сторонъ, а лишь съ одной—публицистической. Въ своемъ рефератѣ: „Соловьевъ какъ публицистъ“, прочтенномъ въ томъ же Философскомъ Обществѣ при Спб. Университетѣ (гдѣ читался и рефератъ Введенскаго) и помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (1901 г., I), Спасовичъ выясняетъ преимущественно значеніе Соловьева, какъ публициста, хотя и касается общей характеристики его личности. Личность Соловьева, говоритъ критикъ, была цѣльная. Своими корнями—задушевыми вѣрованіями—она напоминала давно минувшіе вѣка, когда сильнѣе всего дѣйствовала религія, предвосхищая истину, прежде, чѣмъ истина стала доступною знанію и очевидною для разума. Вѣрованія Соловьева во многомъ совпадали съ вѣрованіями христіанъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но, съ другой стороны, своею вершиною, своими упованіями и стремленіями душа Соловьева забѣгала на многіе вѣка, можетъ быть, и на многія тысячелѣтія впередъ, намѣчая въ этой дали свои желательныя цѣли. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ Соловьевъ былъ лицомъ крупнымъ, великимъ, и притомъ такимъ любящимъ и такимъ чистымъ, что многіе смотрѣли на него, какъ на святого человека. Критикъ находитъ, что въ своемъ міросозерцаніи Соловьевъ, какъ философъ, былъ между его современниками совсѣмъ одинокъ; онъ не имѣлъ послѣдователей, не образовалъ секты, не составилъ школы. Его убѣжденія казались

¹⁾ Ibid. 34—35 стр.

современникамъ либо пережитками, либо утопіями. Но, говорить критикъ, всѣ божь исключенія согласны въ томъ, что онъ былъ первоклассный боецъ въ діалектикѣ, неподобный полемистъ, мастеръ наносить въ состязаніяхъ быстрые, сильные, рѣшительные удары, послѣ которыхъ противникамъ приходилось иногда только замолчать. Критикъ находитъ, что Соловьева мало понимали; говорили, что Соловьевъ все, что проповѣдывалъ, нашелъ уже готовымъ въ славянофильствѣ; что умъ у него былъ холодный, но необычайно гибкій; что онъ былъ мыслитель диллетантъ, сотканный изъ противорѣчій; что, проповѣдуя безграничную свободу, онъ былъ въ то же время крутой государственникъ, допускающій законность войны и т. п. Стараясь выяснитъ нравственную личность Соловьева, критикъ стремится опредѣлитъ душевный складъ Соловьева въ главныхъ его чертахъ и указать, чѣмъ онъ особенно отличался отъ другихъ интеллигентныхъ современниковъ въ нашемъ обществѣ. Критикъ находитъ, что Соловьевъ былъ не гуманистъ, но только богословъ, весьма начитанный и обладающій всѣми данными положительнаго знанія и философіи. Не имѣя духовнаго сана и оставаясь въ свѣтскомъ званіи, онъ былъ усерднѣйшимъ поклонникомъ Богочеловѣка Христа, съ которымъ состоялъ въ духовномъ общеніи и отъ котораго получалъ вдохновеніе добра. Изъ трехъ идей и силъ, присущихъ уму и сердцу человѣка: истины, красоты, добра, онъ былъ служителемъ преимущественно послѣдней, т. е., добра, которое онъ отождествлялъ съ Богомъ и которое онъ соединялъ непосредственно съ основнымъ началомъ своего философскаго богословія: всеединствомъ всего сущаго. Разбирая далѣе средства и способы осуществленія задуманной Соловьевымъ вселенской задачи—соединенія церковей, критикъ находитъ, что въ Соловьевѣ, въ этомъ отношеніи, виденъ не только русскій патріотъ, но и русскій мессіанистъ, такъ какъ задачу объединенія, если не всѣхъ христіанскихъ церковей, то двухъ католичествъ—восточнаго и западнаго, онъ возлагаетъ на русскій народъ.

Указывая далѣе на общественно-публицистическую дѣятельность Соловьева, критикъ находитъ, что практическія заклю-

ченія Соловьева вполнѣ совпадаютъ съ требованіями гуманистовъ—западниковъ, отстаивающихъ свободу вѣры и мысли, равноправность исповѣданій, отрицающихъ существованіе національнаго господствующаго автокефальнаго исповѣданія, и обязательную передачу исповѣданія по одному факту рожденія, доказывающихъ свободу добровольнаго входа въ церковь и выхода изъ нея. Въ Соловьевѣ критику особенно поразительнымъ представляется то, что при своемъ страстномъ увлеченіи Петромъ Великимъ, онъ въ глубинѣ души является славянофиломъ, патриотомъ съ мессіанскимъ идеаломъ, убѣжденнымъ, что онъ принадлежитъ къ народу, Богомъ избранному для ближайшаго осуществленія идеи вселенскаго религіознаго объединенія чело-вѣчества. Этотъ мессіанскій идеаль Соловьева есть, по критику, элементъ вполнѣ мистическій, не допускающій ни пререканія, ни разбирательства. Выясняя характеръ общественно-публицистической дѣятельности Соловьева, критикъ особенно симпатизируетъ ему за разгромъ имъ славянофильства и съ удовольствіемъ останавливается на той курьезной исторіи славянофильства, которая складывалась подъ перомъ Соловьева. Переходя далѣе къ разбору критики Соловьевымъ толстовства, критикъ замѣчаетъ, что въ непротивленіи злу Соловьевъ увидѣлъ то начало, съ которымъ онъ сталкивался и въ буддизмѣ, и въ ученіи Платона, и въ византийствѣ: противоположность міра красивыхъ идей, никогда не осуществляющихся, и плохой дѣйствительности. Новое ученіе показалось Соловьеву гораздо хуже прежнихъ, потому что оно не прилаживается къ божественному, не угодничаетъ ему, но имѣетъ ярко-анархическую подкладку, по самому темпераменту Соловьева противную ему, какъ убѣжденному стороннику всякаго, отъ Бога исходящаго авторитета.

Давая въ концѣ своей статьи сравненіе двухъ главныхъ вѣръ, выведенныхъ въ послѣднемъ произведеніи Соловьева („Три разговора“), и указывая на то, что его симпатіи всегда будутъ на сторонѣ дѣятельной любви, борьбы со зломъ и одушевленія христіанскимъ духомъ не только сердець нашихъ, но и нравовъ и учрежденій гражданскихъ, церковныхъ, государственныхъ, критикъ выражаетъ надежду на то, что въ бу-

душемъ всѣ эти совершенствующія формы общественности приведутъ къ нравственности, къ одному и тому же служенію Богу, къ нравственному Добру, и это единеніе совершится помимо единенія религіознаго. И въ этомъ отношеніи критикъ находитъ, что сама исключительность христіанства въ ученіи Соловьева есть его недостатокъ, восполнявшійся въ немъ большою любовью къ іудейству и большимъ уваженіемъ къ исламу и другимъ исповѣданіямъ. Критикъ убѣжденъ, что въ далекомъ будущемъ будутъ образовываться союзы не только однихъ христіанскихъ исповѣданій, но и всѣхъ вообще вѣръ земного шара, и не для христіанскихъ только цѣлей и идеаловъ, но ради общей для всѣхъ людей цѣли—совмѣстнаго служенія общему Богу—Добру.

Намъ остается, для выясненія значенія философской дѣятельности Соловьева и самой его личности, привести еще содержаніе очерка о немъ В. Величко. Этотъ очеркъ подъ заглавіемъ: „Вселенскій христіанинъ. Жизнь и творенія В. С. Соловьева“ появился въ книжкахъ „Недѣли“ въ концѣ 1900 г. и началѣ 1901 г. Мы укажемъ лишь наиболѣе характерныя мысли статей Величко. Признавая великія заслуги за Соловьевымъ, вѣря, вмѣстѣ съ однимъ почитателемъ Соловьева, въ то, что настанетъ то время, когда всякій образованный русскій человѣкъ будетъ считать для себя обязательнымъ знакомство съ сочиненіями Соловьева, критикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и тѣ метаморфозы, которымъ подвергалось міровоззрѣніе Соловьева. Славянофилъ и глубочайшій русскій патріотъ по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, а въ началѣ и по взглядамъ религіозно-политическимъ, Соловьевъ вскорѣ, не измѣнившись по существу, принимаетъ яркій обликъ западника— по отношенію къ нѣкоторымъ производнымъ вопросамъ и даже дѣлается передовымъ бойцомъ въ этомъ лагерѣ, не взирая на глубокую принципиальную рознь съ такъ называемыми либералами. Главной цѣлью Соловьева въ то время, по критику, было влить струю христіанской вѣры въ сердца представителей прогрессивной мысли въ Россіи. И вотъ, вскорѣ послѣ 1 го марта 1881 г., онъ произноситъ извѣстную лекцію противъ смертной казни, завѣдомо безтактную въ политическомъ

отношеніи, но являющуюся для Соловьева, какъ проповѣдника ученія Христа, поступкомъ вполне послѣдовательнымъ, глубоко-самоотверженнымъ и, по своимъ послѣдствіямъ, даже весьма плодотворнымъ. Цареубійство, на которое онъ съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ на актъ нравственнаго самоубійства со стороны обезумѣлой части нашего общества, еще болѣе убѣдило Соловьева въ настоятельной необходимости дойти до этихъ ослѣпленныхъ сердець, просвѣтити ихъ вѣчною истиною, служить предъ ними своего рода „литургію оглашенныхъ“. Съ этою цѣлью онъ считалъ нужнымъ не противорѣчить большинству прогрессивныхъ взглядовъ этой среды, а лишь умѣрить и постепенно облагородить эти взгляды, связавъ ихъ съ Божественнымъ ученіемъ, осуществленіе котораго одно только и можетъ поднять уровень общественной жизни до высшихъ нормъ человѣчности. Соловьевъ видѣлъ опасность языческаго одичанія и со стороны прогрессистовъ, закусившихъ удила, и, не меньше того, со стороны реакціонеровъ, у которыхъ онъ не безъ основанія видѣлъ „бѣлый нигилизмъ“, противорѣчащій истинно охранительнымъ и созидательнымъ основамъ жизни. Главною, важнѣйшею среди этихъ послѣднихъ, онъ считалъ религію. Находя, что въ настоящемъ своемъ существованіи, наша православная церковь стѣснена внѣшними условіями и истомлена долгимъ рядомъ неблагопріятныхъ воздѣйствій, Соловьевъ обратилъ свои взоры къ западу и пришелъ къ выводу, что самостоятельная римская теократія имѣетъ большую силу и основаніе стать краеугольнымъ камнемъ новаго вселенскаго храма. Возстановленіе вселенскаго церковнаго единства, т. е., соединеніе церквей, Соловьевъ считалъ главнымъ и необходимымъ для человѣчества фактомъ, и при томъ, какъ ему казалось, осуществимымъ довольно скоро. Вдумываясь въ историческую миссію Россіи, Соловьевъ пришелъ къ убѣжденію, что эта миссія заключается именно въ соединеніи церквей. Средствомъ же для этого соединенія церквей служатъ соединеніе славянскихъ народностей; отсюда симпатіи Соловьева къ полякамъ и его великія надежды, возлагаемыя на этотъ народъ въ дѣлѣ будущаго соединенія церквей. Критикъ находитъ, что въ этомъ случаѣ благородный мыслитель, меч-

тавший о высокой цѣли, забылъ о масштабѣ даннаго историческаго момента, и потому высказывалъ пожеланія, несогласныя съ требованіями историческаго момента. Если истина абсолютна, то не надо забывать объ относительности человѣческаго пониманія, колеблющагося по волѣ внѣшнихъ событій. Критикъ основательно подчеркиваетъ ту мысль, что Церковь наша еще нуждается въ заботахъ и огражденіи со стороны свѣтской власти, тѣмъ болѣе, что Божіе поущеніе, вызвавшее раздѣленіе церквей, и историческіе факты, поддерживающіе это явленіе, нисколько не отошли еще въ область прошлаго и ярко окрашиваютъ непроглядную картину настоящаго. Критикъ подчеркиваетъ и ту мысль, что, съ точки зрѣнія даннаго момента церковно-политической жизни народовъ, слѣдуетъ знать, что у каждаго исповѣданія есть свои „данайцы, несущіе дары“, и что данайцевъ надо бояться. Лучшимъ практическимъ урокомъ Соловьеву, забывшему о масштабѣ даннаго историческаго момента, игнорировавшему то, что кромѣ абсолютной истины существуетъ и человѣческая относительность, явился, по критику, слабый успѣхъ его вселенской проповѣди о соединеніи церквей. Переходя далѣе къ публицистической дѣятельности, критикъ и здѣсь находитъ, что воззрѣнія Соловьева по національному вопросу также несообразованы съ масштабомъ историческаго момента: онъ проповѣдывалъ отрицаніе отъ національныхъ началъ тамъ, гдѣ это не могло принести ничего, кромѣ вреда. Но Соловьевъ, по критику, не былъ противникомъ русской національной идеи, или отрицателемъ нашей духовной самобытности; наоборотъ, онъ желалъ возникновенія русской истинно-национальной партіи въ печати и обществѣ, но находилъ, что она должна быть свободна отъ подражательнаго патріотизма и даже отъ преимущественно политическаго направленія, такъ какъ, по его мнѣнію, наступательный девизъ вродѣ: „Deutschland über alles“ мало подходитъ къ понятію и міровому призванію святой Руси. Святорусскою задачею онъ считалъ примиреніе Востока съ Западомъ, сочетаніе русскаго мессіанства съ высшими дарами западной культуры и—въ результатѣ миръ всего міра.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Опредѣленіе общаго характера и значеніе философіи Соловьева. Что изъ его воззрѣній можетъ считаться органическими частями его міросозерцанія, и что можетъ считаться лишь ея случайными преходящими элементами.—Рационализмъ и мистицизмъ въ философіи Соловьева.—Соловьевъ, какъ творецъ умозрительной философской системы. Его значеніе въ этой области, для западно-европейской философіи съ одной стороны, для русской—съ другой.—Религія, какъ центральный пунктъ и жизненный нервъ всей философіи Соловьева. Выдающееся значеніе Соловьева на почвѣ рациональнаго объясненія откровенныхъ тайлъ христіанской религіи.—Глубокая аналогія дѣятельности и личности Соловьева съ дѣятельностью и личностью знаменитаго христіанскаго апологета III вѣка—Оригена—Соловьевъ, какъ русскій Оригенъ XIX в., и его значеніе, какъ такового, въ настоящемъ и будущемъ русской философской мысли.

Мы слишкомъ долго останавливались на подробномъ изложеніи произведеній Соловьева, чтобы нужно было подводить подробные итоги его философіи, устанавливать въ связи, соединять въ одно цѣлое главные тезисы его философскаго міровоззрѣнія. Мы считаемъ поэтому необходимымъ ограничиться указаніемъ лишь тѣхъ пунктовъ философіи Соловьева, которые, безъ всякаго спора объ этомъ, могутъ быть признаны неотъемлемыми отъ его міровоззрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе характерными для него. Какія же изъ воззрѣній Соловьева мы можемъ признать неотъемлемыми отъ его міросозерцанія?—Намъ нѣтъ нужды много распространяться о томъ, что общественно-историческія воззрѣнія Соловьева ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться органически неотдѣлимимъ звеномъ въ составѣ его философіи. Эти воззрѣнія зависѣли не только отъ его теоретическо-философскихъ убѣжденій, но и во многомъ отъ постороннихъ причинъ,—отъ вѣяній времени, отъ личныхъ обстоятельствъ жизни; да притомъ здѣсь, какъ мы видѣли, у Соловьева и не было устойчивости въ воззрѣніяхъ: славянофилъ въ 70-ые годы, онъ въ 80-ые становится яримъ противникомъ славянофильскаго ученія.—Итакъ, что же остается считать устойчивымъ, непреложнымъ и неотдѣлимимъ звеномъ его системы? Очевидно, что только его философско-богословскія воззрѣнія. Но что въ этихъ философско-богословскихъ воззрѣніяхъ Соловьева мы можемъ считать кореннымъ, центральнымъ пунктомъ? Нѣтъ сомнѣнія,

что основнымъ пунктомъ всей философіи Соловьева, ея жизненнымъ нервомъ мы можемъ считать христіанскую религію. Въ этомъ нѣтъ основаній сомнѣваться,—недаромъ въ этомъ сходятся всѣ критики, даже такіе противоположные по своему міровоззрѣнію и отношенію къ Соловьеву, какъ князь Трубецкой и Лопатинъ съ одной стороны, Радловъ и Спасовичъ съ другой. Но въ какомъ же отношеніи къ религіи стоялъ Соловьевъ, кто онъ былъ болѣе—богословъ или философъ? Нѣтъ сомнѣнія, что въ источникахъ своей философіи и ея методѣ онъ былъ болѣе философъ, чѣмъ богословъ. Въ построеніи своей системы онъ исходилъ изъ философскихъ посылокъ, но въ своей дѣятельности онъ встрѣтился съ данными религіи; и, обладая, какъ мы уже не разъ замѣчали, умомъ въ высшей степени синтетическимъ, онъ соединилъ данныя религіи съ методами и проблемами философіи, построилъ величественную умозрительную систему, въ которой путемъ діалектики сдѣлалъ попытку осмыслить главнѣйшіе догматы религіи.—Чего же онъ достигъ этимъ и какое внутреннее значеніе нужно признать за этимъ его дѣломъ?

Мы не можемъ сказать, чтобы онъ достигъ своей цѣли: религія есть, прежде всего, дѣло живой вѣры, а не отвлеченнаго званія, и разложить ее анализомъ мысли и свести ее на данныя разсудка—дѣло безусловно безнадежное и въ своей оснѣ, и въ своихъ результатахъ. Еще не было примѣра въ исторіи философіи, да, безъ сомнѣнія, и не будетъ, чтобы раціонализму удалось удовлетворительно для человѣческой души рѣшить всѣ міровые вопросы, разъязнить всѣ великія загадки; сколько бы раціонализмъ ни представлялъ рѣшеній этихъ вопросовъ, разъясненій этихъ загадокъ, человѣчество никогда не удовлетворится этими рѣшеніями, ибо оно всегда будетъ видѣть, что рѣшенія и объясненія раціонализма далѣе игры въ логическія понятія нейдуть, что раціонализмъ не даетъ истиннаго объясненія исторіи міра, а лишь конструируетъ эту исторію и ея объясненіе. Соловьевъ же забылъ объ этой узкой, но характерной чертѣ раціонализма, и плѣвившись блестящими конструкціями раціоналистическихъ системъ, еще лишній разъ построилъ такую же конструированную систему міра, въ

строго-раціоналистическомъ духѣ, какую не оди́нъ разъ построили его многочисленные предшественники, особенно нѣмецкіе метафизики первой половины XIX вѣка.

Но говоря здѣсь, что Соловьевъ создалъ конструированную систему міра въ раціоналистическомъ духѣ, мы можемъ вызвать у многихъ естественное недоумѣніе: можно ли признавать Соловьева раціоналистомъ, когда его такъ принято считать мистикомъ?—Недоумѣніе это вполнѣ разрѣшается тѣмъ, что Соловьевъ мистикъ лишь въ указаніи источниковъ познанія Абсолютнаго, но не въ самомъ процессѣ своего философствованія; здѣсь онъ чистый раціоналистъ, и мистицизмъ его преспокойно остается на оградѣ его философіи,—не какъ звено цѣльнаго зданія и не какъ плодотворное сѣмя для роста и развитія его философской системы, а какъ дорогой, но не дѣйственный алмазь, оставшійся лежать внѣ зданія, на оградѣ его, самое большее,—въ окнѣ его.—Въ своемъ построеніи философской системы, Соловьевъ. повторяемъ, былъ безусловнымъ раціоналистомъ; и потому, при окончательномъ сужденіи о его философіи, мы можемъ и должны оцѣнивать его, какъ одного изъ многихъ творцовъ идеалистическихъ системъ.—Но каковы же здѣсь его значеніе и роль?

Чтобы намъ не впасть въ ошибку, мы должны точно установить себѣ опредѣленную точку зрѣнія въ дѣлѣ оцѣнки нашихъ русскихъ мыслителей. Дѣло въ томъ, что къ нимъ нельзя прилагать одного масштаба для оцѣнки: необходимо производить оцѣнку ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія:—во-первыхъ, по отношенію ко всему цѣлому развитію философіи, —а затѣмъ уже,—совсѣмъ по другому масштабу, по отношенію къ исторіи нашей русской философіи. Только производя оцѣнку извѣстнаго мыслителя по этому двойному масштабу, мы можемъ надѣяться получить болѣе или менѣе вѣрное представленіе о значеніи извѣстнаго мыслителя, если же мы смѣшаемъ перспективныя точки зрѣнія и будемъ оцѣнивать по одному масштабу явленія, подлежащія оцѣнкѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, мы рискуемъ получить самое превратное мнѣніе объ оцѣниваемомъ мыслителѣ. Какова же должна быть оцѣнка Соловьева по двумъ, указаннымъ нами, масштабамъ?

Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что если мы станемъ опредѣлять значенiе Соловьева въ общей исторiи философи, то мы не можемъ выставить особенныхъ его заслугъ, и не можемъ даже защитить его оригинальность. Дѣло въ томъ, что всѣ частныя положенiя его философи были давно уже извѣстны Западу, прежде чѣмъ они появились въ системѣ Соловьева. Возьмемъ ли его ученiе о мистическомъ воспрiятiи, мы увидимъ тождественное ученiе у неоплатониковъ; возьмемъ ли ученiе о „Сущемъ Вседипомъ“, опять мы найдемъ и у неоплатониковъ, и у новѣйшихъ нѣмецкихъ метафизиковъ; возьмемъ ли наиболѣе характерное ученiе Соловьева о мировой душѣ, опять найдемъ прототипъ этого ученiя и у Шеллинга, и у Маймона, и даже въ глубокой древности—у отца идеализма—Платона;—въ самомъ изображенiи Соловьевымъ всемирно-историческаго процесса развитiя вселенной, въ самыхъ понятiяхъ хаоса и первоматери, также можно усмотрѣть близкiя аналогии съ ученiемъ представителей нѣмецкой пантеистической метафизики: въ отношенiи взглядовъ на христіанство—то же самое большое сходство съ тѣми же философами, особенно съ Шеллингомъ.—Однимъ словомъ, говоримъ, всѣ части философи Соловьева, и основныя тезисы, и частныя пункты ея были уже извѣстны западной философи и до появленiя въ свѣтъ системы Соловьева; всѣ эти тезисы уже входили или звеньями, или клиньями въ какiя либо системы европейской философи, и потому философи нашего мыслителя никакъ уже не могла показаться Западу „новымъ словомъ“.

Другое дѣло по отношенiю къ русской философи: здѣсь система Соловьева сказала свое „новое слово“ и сдѣлала „новое дѣло“, то, чего до нея не было, именно, она представила собою впервые на русскомъ языкѣ глубоко-продуманную философскую систему, хотя и создавшуюся на почвѣ западныхъ понятiй и западныхъ исходныхъ точекъ философи, но представляющую собою въ своей сущности органическое цѣлое, и потому дававшее цѣльное мирозерцанiе.—И съ этой точки зрѣнiя мы можемъ сказать, что значенiе Соловьева для русской философи было выдающееся: *онъ былъ первымъ нашимъ самостоятельнымъ философомъ создавшимъ цѣльную, глубоко-*

мысленную философскую систему и вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко-критически относившимся ко всемъ явленіямъ иностранной философіи и подвергнувшимъ основательному разбору все одностороннія направленія, господствовавшія въ исторіи русской мысли въ эпоху выступленія Соловьева на философское поприще. И нѣтъ сомнѣнія, что критика Соловьевымъ этихъ одностороннихъ направленій, и особенно позитивизма, представляетъ собою одну изъ прямыхъ и очень серьезныхъ заслугъ Соловьева дѣлу русской философіи ¹⁾. Соловьевъ окончательно дискредитировалъ позитивизмъ и матеріализмъ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей, и этимъ самымъ расчистилъ почву для появленія у насъ глубокомысленныхъ идеалистическихъ системъ: и съ одной этой стороны значеніе Соловьева такъ велико, что мы смѣло можемъ вести съ него новый періодъ исторіи русской философіи. Но Соловьевъ не только подвергъ уничтожающей критикѣ одностороннія направленія Западной философіи, но и, — какъ справедливо сказалъ одинъ изъ его критиковъ (проф. Лопатинъ) — первый изъ всѣхъ русскихъ мыслителей сталъ писать не о чужихъ мнѣніяхъ по вопросамъ философіи, а о самыхъ этихъ вопросахъ, независимо отъ всякихъ мнѣній; и потому-то мы должны признать такое важное значеніе за его трудами. Его первая философская работа: „Кризисъ Западной философіи“ можетъ считаться и кризисомъ въ исторіи русской философіи; и съ года ея появленія въ свѣтъ (1874 г.) съ большими основаніями можно вести начало новаго критическаго періода исторіи русской философіи.

Но не одну критику позитивизма, не одно глубоко самостоятельное и критическое отношеніе къ Западно-европейской философіи, не одно созданіе первой цѣльной философской системы мы должны поставить въ заслугу Соловьеву. Нѣтъ, его

¹⁾ Тотъ фактъ, что Соловьевъ въ своихъ основныхъ взглядахъ на процессъ развитія западно-европейской философіи стоитъ въ большой зависимости отъ первыхъ славянофиловъ (Кирѣевскаго и Хомякова) не можетъ много умалять значенія Соловьева: заслуга его въ томъ, что онъ привелъ въ цѣлое и развилъ въ системѣ тѣ критическія воззрѣнія на западно-европейскую философію, которыя славянофилами высказывались лишь отрывочно.

заслуга гораздо глубже: есть такая сторона въ дѣятельности Соловьева, которая имѣетъ вѣчное, непрехоющее значеніе, и которая дѣлаетъ философію Соловьева глубоко-интересною не только для насъ, его соотечественниковъ, но и для всего христіанскаго человѣчества. Соловьевъ великъ, имѣетъ полное право на вниманіе къ нему всего христіанскаго человѣчества не какъ философъ, а какъ христіанинъ, пытавшійся еще разъ, въ тысячу и первый разъ на протяженіи девятнадцати вѣковъ осмыслить мыслью философа всѣ великіе міровые вопросы, рѣшеніе которыхъ дано христіанствомъ. Соловьевъ будетъ имѣть вѣчное значеніе, какъ христіанствующій мыслитель, пытавшійся продумать мыслью тѣ великіе догматы, которые онъ на вѣру принялъ отъ христіанства. На этой почвѣ христіанствующей философіи мы и должны установить значеніе философіи Соловьева; и значеніе его здѣсь очень велико: оно можетъ быть приравниваемо лишь къ самымъ выдающимся церковно-историческимъ явленіямъ. Мы можемъ найти лишь въ отдаленномъ прошломъ христіанской исторіи, глубоко аналогичное явленіе, глубоко-аналогичное имя: это имя было Оригенъ; это явленіе—была дѣятельность Оригена, какъ великаго апологета христіанства. Трудно подыскать эпохи, столь различныя между собою, какъ эпохи III и XIX вѣковъ нашей эры, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще труднѣе подыскать имена, столь близкія и родственныя между собою—и по внутреннему достоинству ихъ носителей, и по характеру дѣятельности этихъ послѣднихъ, какъ имена христіанскаго апологета III вѣка—Оригена и христіанствующаго философа XIX вѣка—Владимира Соловьева. Эллинско-еврейское общество Александріи III вѣка, и русско-европейское общество Россіи XIX вѣка: что, казалось бы, можетъ быть общаго между этими, столь различными обществами?.. А между тѣмъ, изъ этихъ, столь различныхъ обществъ, изъ этихъ, столь отдаленныхъ эпохъ, вышли дѣятели, столь близкіе другъ къ другу. Что же было общаго, что объединяло этихъ дѣятелей, жившихъ въ столь различныя эпохи и въ столь различныхъ мѣстностяхъ? Христіанство и его тайны съ одной стороны, желаніе осмыслить эти тайны—съ другой. Вотъ что, прежде всего, объединяетъ Оригена и

Соловьева, вотъ что общаго между этими христіанскими мыслителями, жившими одинъ отъ другого на протяженіи 16½ вѣковъ ¹⁾ Они оба были глубоко вѣрующіе христіане и оба были проникнуты стремленіемъ понять и умою, а не только воспринять сердцемъ, истины христіанства.

Но не въ одномъ этомъ, не въ исходныхъ только точкахъ міровоззрѣнія можемъ мы усмотрѣть сходство и аналогію между Оригеномъ и Соловьевымъ. Нѣтъ, сходство мы находимъ и въ общемъ характерѣ дѣятельности этихъ лицъ, и въ цѣляхъ ихъ, и средствахъ, и результатахъ ихъ дѣятельности, и даже въ характерѣ ихъ ошибокъ, и уклоненіи отъ истины, и наконецъ, даже въ томъ отношеніи, которое Вселенская Церковь имѣла и имѣетъ къ Оригену, и которое она можетъ имѣть къ Соловьеву. Разберемъ въ порядкѣ всѣ эти сходственныя черты между двумя великими мыслителями—христіанами. Прежде всего скажемъ о характерѣ и цѣли дѣятельности ихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь мы можемъ констатировать полное сходство между ними: дѣятельность Оригена была безспорно—прежде и болѣе всего, апологетическая—защитить христіанство отъ нападокъ язычниковъ съ одной стороны, и оградить церковь отъ разложенія, вносимаго еретиками, съ другой. Но собственно къ тому же сводится и дѣятельность Соловьева—къ защитѣ основъ и идеаловъ христіанства отъ современныхъ отрицателей его—язычествующихъ философовъ, христіанъ по имени, язычниковъ по убѣжденію, и—къ укрѣпленію внутренней ограды церкви отъ посягновенія современныхъ еретиковъ. Какъ сходны были у обоихъ апологетовъ цѣли отрицательнаго характера, такъ же были сходны и цѣли положительнаго характера; этими положительными цѣлями было—просвѣтить стремящихся къ оградѣ церкви Божіей и уже находящихся въ ней. Оригенъ и по самой своей профессіи, по своему первоначальному положенію въ христіанской церкви, и былъ именно учитель готовящихся воспринять тайны церкви Божіей (катехизаторъ); но и Соловьевъ ставилъ своею прямою цѣлью просвѣтить свѣтомъ

¹⁾ Время рожденія Оригена опредѣляется приблизительно въ 185 году, а годъ смерти въ 254 году.

истины тѣхъ своихъ современниковъ, которые, хотя и считались христіанами по имени, но, на самомъ дѣлѣ являлись чистыми язычниками не только по своимъ теоретическимъ, убѣжденіямъ, но часто и по своей жизни. Быть для этихъ христіанъ, незнающихъ Христа, проповѣдникомъ Вѣчной Истины, дойти до этихъ ослѣпленныхъ сердець, служить предъ ними, по выраженію одного критика, литургію оглашенныхъ, — т. е., быть для нихъ тѣмъ же огласителемъ, катехизаторомъ, чѣмъ былъ въ свое время для христіанъ III в.—Оригенъ, все это для русскихъ интеллигентовъ XIX в. выполнилъ Соловьевъ.

Одинаковыя цѣли обоихъ апологетовъ достигались обоими и средствами одинаковыми—путемъ раціональнаго выясненія тѣхъ истинъ, которыя составляли камень преткновенія для колеблющихся членовъ христіанства. Раціонализмъ,—вотъ что особенно сближаетъ обоихъ апологетовъ—древняго и новаго христіанства, и вотъ что, безспорно, составляетъ сущность ихъ умственнаго склада. И Оригенъ и Соловьевъ были чистые раціоналисты, несмотря на весь мистицизмъ ихъ натуръ.—Все, что намъ извѣстно о направленіи богословско-экзегетической школы древней Александріи, воспитавшей Оригена, даетъ основанія приписать ей характеръ крайняго раціонализма; но совершенно то же самое, безъ всякаго колебанія, мы можемъ приписать и той нѣмецкой идеалистической метафизикѣ, которая, болѣе всего, вліяла на Соловьева и дала ему схему для построенія своей собственной метафизики: раціонализмъ ея внѣ всякаго сомнѣнія. Исходя изъ раціоналистической философіи, оба, сравниваемые нами, христіанскіе апологеты и сами представляли изъ себя самые яркіе типы раціоналистовъ—и въ своемъ отношеніи къ Слову Божію, и въ своемъ стремленіи все объяснить соображеніями и доводами разсудка, все выразить логическими понятіями, даже то изъ откровеннаго Богомъ, что можетъ быть принимаемо лишь вѣрою.

Отсюда и уклоненія отъ строгой церковной догмы у обоихъ писателей—апологетовъ носятъ одинаковый характеръ: они оба уклонялись отъ истины тогда, когда, благодаря своему раціоналистическому складу мышленія, хотѣли выяснить вопросы, не подлежащіе компетенціи, разсудка (для Оригена—

вопросъ о соединеніи естествъ во Христѣ, для Соловьева вопросъ о твореніи изъ ничего).

Сходясь въ общемъ характерѣ своей дѣятельности, въ своихъ цѣляхъ, и средствахъ, избираемыхъ для достиженія этихъ цѣлей, сходясь далѣе въ характерѣ своихъ уклоненій отъ вселенской истины, оба наши великіе апологеты сходились даже въ частныхъ индивидуальныхъ чертахъ своихъ характеровъ: они оба были пламенные ревностные учителя и глашатаи истины, люди, проникнутые самымъ горячимъ стремленіемъ провести въ жизнь и свои высокіе идеалы, свои возвышенныя убѣжденія. Горя духовной ревностію быть свободными духомъ, оба они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были убѣжденными аскетами. И аскетизмъ ихъ былъ такъ послѣдователенъ и прямолинеенъ, что у одного изъ нихъ (Оригена), какъ извѣстно, выразился въ самой рѣзкой формѣ, противной природѣ и законно-осужденной Церковью, а у другого (Соловьева) выразился въ жизни, полной лишеній, тревогъ и рѣшительнаго презрѣнія ко всѣмъ ея удобствамъ и условностямъ.

Наконецъ, глубокую аналогію видимъ мы и въ отношеніяхъ къ обоимъ апологетамъ Церкви: и Оригенъ и Соловьевъ умерли въ общеніи съ Церковью, но и при жизни ихъ, и послѣ смерти, ихъ не безъ основанія многіе, и въ томъ числѣ представители церкви, считали далеко не православными,—прямо еретиками. Противъ Оригена, какъ извѣстно, даже и при жизни его, и особенно послѣ смерти, неоднократно собиравсь соборы, на которыхъ его сочиненія формально были осуждены, какъ еретическія. Въ наше время соборы болѣе не созываются; но нѣтъ сомнѣнія, если бы они собиравсь и рассматривали произведенія христіанскихъ мыслителей, то и сочиненія Соловьева во многихъ своихъ пунктахъ были бы осуждены церковью, хотя его самого, можетъ быть, и не признавали бы еретикомъ, какъ не признали еретикомъ въ свое время и Оригена, несмотря на то, что его сочиненія были признаны еретическими. Но аналогія отношеній Церкви къ обоимъ апологетамъ простирается далѣе: осуждая нѣкоторые пункты сочиненій Оригена, Церковь признавала за другими его пунктами значеніе глубокихъ и истинно-православныхъ

разъясненій таинственныхъ догматовъ христіанства, и нерѣдко пользовалась этими православными тезисами его ученія для своей борьбы съ еретиками. И нѣтъ сомнѣнія, что и въ будущемъ многими изъ апологетическихъ трудовъ не только Оригена, но и нашего отечественнаго апологета—Соловьева, будутъ пользоваться и тѣ христіанскіе мыслители, которые себя считаютъ безусловно православными, а обоихъ нашихъ апологетовъ еретиками, или даже вовсе не христіанами.

Мы разсмотрѣли тѣ стороны дѣятельности и тѣ черты личностей нашихъ апологетовъ, въ отношеніи которыхъ мы можемъ установить строгую аналогію между ними. Мы видѣли, что они и въ своей дѣятельности, и въ своихъ личностяхъ представляются настолько близкими и сродными другъ другу, что мы смѣло, безъ всякой нятяжки, можемъ нашего почившаго мыслителя называть Русскимъ Оригеномъ XIX вѣка.

Итакъ, каково же значеніе Соловьева, какъ нашего Оригена XIX вѣка? О значеніи его въ настоящее время мы уже говорили; намъ остается сказать, каково его значеніе въ будущемъ развитіи русской философской мысли. Это значеніе Соловьева въ будущемъ намъ представляется въ такомъ видѣ.

Пройдутъ годы, десятки лѣтъ, можетъ быть, даже сотни лѣтъ; память о Соловьевѣ, какъ публицистѣ, исчезнетъ; позабудутся всѣ его здѣсь несправедливыя антипатіи, позабудется недостатокъ безпристрастія, объективности въ изслѣдованіи историко-общественныхъ явленій; позабудутся также и всѣ его недочеты и промахи въ области вопросовъ историческихъ, юридическихъ и экономическихъ, но память о немъ, какъ глубокомысленномъ философѣ, пытавшемся проникнуть въ тайны Божественнаго міра, старавшемся осмыслить и рѣшить съ точки зрѣнія разума всѣ великіе міровые вопросы, разгадать всѣ великія загадки, вѣчно предстоящія человѣческому уму, останется. Правда, люди будущаго, наши потомки, будутъ знать, что Соловьевъ не рѣшилъ этихъ вопросовъ, но они извинятъ ему это, ибо они будутъ знать, что эти вопросы и не разрѣшимы, и не могутъ имѣть другого рѣшенія, кромѣ того, которое принесено людямъ съ неба. Но въ томъ и великая заслуга Соловьева, что онъ все-таки рѣ-

шалъ эти вопросы, что онъ отъ вопросовъ повседневныхъ обращался къ великимъ и вѣчнымъ вопросамъ духа, и чрезъ то—очищалъ людей, призывая ихъ „внутрь себя“.—Правда, люди будущаго будутъ знать и то, что Соловьевъ приступилъ къ испытанію и изслѣдованію тайнъ Божіихъ съ меньшимъ смиреніемъ и съ меньшею вѣрою въ слово Божіе, чѣмъ бы этого можно было ожидать отъ вѣрующаго христіанина, и съ большимъ довѣріемъ къ силѣ отвлеченнаго разсудка, чѣмъ бы это слѣдовало допустить съ точки зрѣнія строго-логическихъ требованій философіи, но и въ такомъ случаѣ все-же за Соловьевымъ останется слава и значеніе Русскаго Оригена XIX вѣка.

Александръ Никольскій.

КРИТИКА АЛЬФРЕДА ФУЛЬЕ

НРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ НИЦШЕ.

(Окончаніе *).

IV.

До сихъ поръ человѣчество смотрѣло на справедливость, какъ на самое элементарное условіе своего существованія и развитія. Ницше, подобно доктору Мольера, говоритъ: „мы измѣнимъ все это“; „справедливость ведетъ къ уничтоженію, къ упадку общества; несправедливость, неравенство, насиліе вотъ жизненные нервы общества. Сама жизнь по мнѣнію Ницше, есть „преступленіе, насиліе, грабежъ, разрушеніе“, словомъ она есть все, что мы вазываемъ несправедливостью. „Каждое мгновеніе пожираетъ предыдущее, всякое рожденіе есть смерть безчисленныхъ существъ; рождать, жить, убивать—синонимы. Вотъ почему настоящую культуру можно сравнить съ побѣдителемъ, обограннымъ кровью убитыхъ имъ людей и влекущимъ за собою триумфальный картежъ изъ массы побѣжденныхъ и рабовъ, прикованныхъ къ его колесницѣ“.

Но сколько бы ни было правды въ этой картинѣ печальныхъ условій животной жизни, мы всетаки должны замѣтить, что „убійство“—это метафора для означенія условій жизни неразумныхъ существъ, каковы растенія и низшія животныя. Если органическая жизнь и имѣетъ своимъ основаніемъ питаніе одного въ ущербъ другому, то жизнь разумныхъ существъ свободна отъ этого; видѣть и слышать, это уже не значить

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 23.

разрушать, любить и думать—еще менѣе похоже на разрушеніе и убійство. Наконецъ, воля и разумъ даны человѣку, безъ сомнѣнія, для того, чтобы онъ могъ при помощи ихъ контролировать свои инстинкты и разумно управлять ими, а не предоставлять имъ просторъ и свободу. Аргументація Ницше также хорошо говоритъ за антропофаговъ, какъ и за все общее наступаніе и войну. Весь смыслъ жизни—заключается въ питаніи; все, препятствующее и ослабляющее этотъ инстинктъ, есть отклоненіе отъ нормы; и, напротивъ, возбужденіе этого инстинкта до жестокости и свирѣпости—имѣетъ смыслъ и цѣнность для жизни; такъ что въ любой сценѣ каннибализма есть нѣчто величественное, „тропическое“, глубоко-жизненное. Не видимъ ли мы здѣсь человѣка хищника, раздирающаго подобнаго себѣ и утверждающаго свою жизнь на попраніи болѣе слабыхъ? Эти софизмы очень напоминаютъ Ницше.

Считая справедливость препятствіемъ для жизненности, Ницше, не могъ не назвать заблужденіемъ всѣ проекты преобразованія общества на началахъ справедливости. „Теперь всѣ увлекаются, говоритъ онъ, даже подъ знаменемъ науки мечтой о такомъ желательномъ состояніи общества, гдѣ совершенно не было бы эксплуатаціи“. „Это—по моему—похоже на то, какъ если бы кто нибудь обѣщаль улучшить жизнь, отнявъ у ней всѣ органическія отправления“. „Эксплоатація, продолжаетъ Ницше, не есть простой результатъ развращенности, несовершенства или первобытности общества, она принадлежитъ къ самому существу жизни, входитъ въ жизнь, какъ основная органическая функція и есть слѣдствіе истиннаго стремленія къ власти, а это—то стремленіе и составляетъ истинную жизнь. Вообразите себѣ такую общественную организацію, которая была бы оружіемъ не въ борьбѣ имѣющихъ силу людей,—а противъ всякой общей борьбы, нѣчто похожее на коммунистское „клише“, организацію, которая поставила бы за правило признавать всѣ воли одинаково равными: въ этомъ вы будете имѣть систему принципиально враждебную жизни, такая организація будетъ лѣйствіемъ разложенія, уничтоженія для человѣчества, покушеніемъ на будущее человѣка, симптомомъ изнеможенія, дорогой, ведущей къ полному уничтоженію“.

Система Ницше напоминает древнюю доктрину двухъ моралей: одной для сильныхъ,—другой для слабыхъ, одной для господъ, другой для рабовъ. Мораль, какъ и религія существуетъ только для народа; мы—великіе люди стоимъ выше всего этого.

Заратустра исполненъ самаго глубокаго презрѣнія ко всему тому, что онъ называетъ чернью.

„Жизнь есть источникъ радости, но вездѣ, гдѣ начинается появляться чернь,—всѣ фонтаны бываютъ заражены“.

„Я люблю все естественное, но не могу выносить этихъ искривленныхъ фізіономій, этой жажды нечистыхъ людей. Они заглядываютъ въ самую глубину источниковъ, тамъ отражается ихъ ненавистная улыбка *et me regarde*“.

„Пламя негодуетъ, когда воспаляются ихъ низкія сердца; самъ духъ возмущается и ропщетъ, когда чернь приближается“.

„Плодъ въ ихъ рукахъ дѣлается приторнымъ и переспѣлымъ; плодоносныя деревья гибнуть и иссыхаютъ подъ ихъ взглядомъ“.

„Я скорѣе согласился бы уйти въ пустыню и голодать тамъ съ дикими звѣрями, чѣмъ сидѣть у источника вмѣстѣ съ этими низкими людьми“.

Ницше совершенно упускаетъ изъ виду, что эта самая чернь и есть огромное поле подбора, гдѣ дѣйствуетъ выборъ, между тѣмъ, какъ всякая тѣсная и закрытая каста въ концѣ концовъ обречена на вымираніе.

Вообще весь этотъ ложный дарвинизмъ и преувеличенный ренанизмъ безъ „оттѣнковъ“ едва ли бы заслуживалъ вниманія, если бы не лучи поэзіи, которая въ уродливомъ и уродующемъ воображеніи Ницше преображаетъ самыя банальныя идеи.

Авторъ „Калибанъ“ и „Философскихъ діалоговъ“ этотъ завзятый скептикъ съ примѣсью вѣрующаго, этотъ великій иронистъ въ области філософіи и религіи былъ въ сущности однимъ изъ тѣхъ плясуновъ, искусныхъ въ эквилибристикѣ, способныхъ балансировать направо и налево при самой головокружительной высотѣ,—которыхъ такъ хвалитъ Заратустра. При этомъ невольно приходитъ на память удивительная фантазія, съ какой Ренанъ нарисовалъ намъ картину владычества на землѣ касты ученыхъ, которымъ должна повинно-

ваться вся остальная масса людей подъ угрозою смерти: повиненіе или смерть. „Я желалъ бы такого общества людей,—говоритъ Ницше, гдѣ всѣ члены были бы совершенны, неограничены и свободны отъ всякой необходимости предпринимать какія бы то ни было предосторожности; гдѣ всѣ члены сами себѣ дали бы названіе разрушителей, подвергли бы все своей критикѣ и самихъ себя принесли бы въ жертву истинѣ“;—т. е., той самой истинѣ, которой,—по словамъ того же Ницше,—не существуетъ! Итакъ, мечту Ренана, которой тотъ забавлялъ самого себя и хотѣлъ заинтересовать своихъ читателей—нѣмецкій мыслитель принимаетъ въ серьезъ.

Угрозу разрушенія, которою кроткій Ренанъ вооружаетъ свою ученую аристократію,—Ницше замѣняетъ настоящимъ разрушеніемъ, видя въ своихъ избранникахъ настоящихъ *опустошителей* земли. Онъ, какъ истинный нѣмецъ, поклонникъ стараго Одина, проповѣдуетъ настоящую любовь къ разрушенію. Въ стихотвореніи „Послѣднее желаніе“ Ницше вспоминаетъ объ одномъ изъ своихъ друзей, который, сражаясь вмѣстѣ съ нимъ въ 1870 г. торжествовалъ побѣду даже умирая:

„Въ часъ смерти завѣщаль онъ,
„Да, завѣщаль онъ разрушенье“

При этомъ воспоминаніи Ницше переходитъ къ самому себѣ и даетъ намъ свой послѣдній завѣтъ:

„Вотъ умереть такую бѣ смертью,
„Какую видѣлъ я тогда!
„О, побѣдитель, разрушитель!

Въ другомъ мѣстѣ Ницше высказываетъ желаніе, чтобы героическій человѣкъ за страхомъ и состраданьемъ испытывалъ радость вѣчнаго бытія, „которая въ сущности есть то же, что и радость разрушенія“. Какъ ясно проглядываетъ здѣсь въ *quasi* славянинѣ—настоящій германецъ! Разрушеніе возводится въ святой подвигъ, въ исполненіе вѣчной участи, въ моментъ вѣчнаго бытія, въ условіе вѣчнаго возвращенія. Если (бы?) Вандалы произвели гегельянскую метафизику, то они говорили бы не иначе, какъ словами Ницше. Мольтке и Бисмаркъ довольствовались тѣмъ, что на мѣсто судьбы или абсо-

лютнаго поставили провидѣніе и еще ранѣе Ницше стали пѣть старый хвалебный гимнъ войнѣ, святому опустошенію.

Продолжая развивать ученіе, которое Ренанъ чрезъ Виктора Кузена позаимствовалъ у Гегеля, Ницше говоритъ, что важность прогресса зависитъ отъ числа жертвъ, принесенныхъ для него. Цѣль оправдываетъ средства: „человѣчество, понимаемое въ смыслѣ массы,—принесшее себя въ жертву для одного вида людей—*больше сильныхъ*,—вотъ что можно назвать прогрессомъ.

Такая теорія права имѣетъ въ своемъ основаніи очень неопредѣленную идею *силы*, которая въ научномъ отношеніи не имѣетъ никакого смысла, потому что подъ нею можно разумѣть и физическую силу, и интеллектуальную, и силу воли и даже силу любви, такъ какъ любовь есть тоже сила. Итакъ, что же представляютъ изъ себя эти *сильные*, которымъ чело-вѣчество должно принести себя въ жертву? Можно ли ихъ считать простыми силачами или это—исполины мысли, а быть можетъ геркулы сердца? Но эти послѣдніе не примутъ жертвы другого, они скорѣе сами себя принесутъ въ жертву для ближняго. Такъ не успѣхомъ ли и побѣдой измѣряется сила? Тогда англичане, конечно, сильнѣе буровъ; у нихъ есть и громадныя батальоны и много денегъ; но вотъ вопросъ, можно ли съ увѣренностью сказать, что вотъ такіе-то люди и есть „герои“ въ сравненіи съ „чернью“.

Если англичане превосходятъ буровъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, то, быть можетъ, буры превосходятъ англичанъ въ другихъ отношеніяхъ, имѣющихъ большую цѣнность.

При отсутствіи всякаго критеріума и при совершенной путаницѣ идей какъ же можетъ Ницше—этотъ великій поклонникъ іерархіи—установить и опредѣлить степени своей іерархической лѣстницы? Вѣдь идеала нѣтъ: „нѣтъ ничего истиннаго, все позволено“. Итакъ, гдѣ же критеріумъ для установленія іерархіи? будетъ ли это простой *фактъ* установленія или, быть можетъ, наличная *сила*? Но если послѣднее, то вѣдь современная аристократія менѣе сильна, чѣмъ народъ, такъ что ее придется поставить *ниже* народа. Нѣтъ,—отвѣчаете вы,—аристократія умнѣе и лучше народа. Но если

таковы ваши доводы, то—значить—существуетъ наука, научная истина, существуетъ доброта извѣстнаго рода, которую можно узнать по тѣмъ или другимъ признакамъ;—отсюда видимъ, что не все позволено. При всемъ желаніи поставить насъ по ту сторону добра и зла Заратуста не можетъ сдѣлать этого и возвращается опять по сію сторону. Крылья его—крылья Икара.

V.

Самыя худшія изъ всѣхъ золъ, самыя главныя причины вырожденія и жизненныхъ аномалій,—по мнѣнію Ницше,—это—христіанская любовь и состраданіе. „Что вреднѣе какого бы то ни было порока?—Состраданіе къ слабымъ, обездоленнымъ, христіанство.—Да погибнуть слабые и неудачные! Пусть помогутъ имъ погибнуть!“

Еще Спиноза сказалъ, что „состраданіе само въ себѣ вредно и бесполезно“, но только „для души, которая признаетъ разумъ своимъ руководителемъ“. Подъ состраданіемъ Спиноза разумѣетъ нервную и способную чувствовать эмоцію, *страсть къ состраданію*. Великій умъ не забылъ прибавить: „нужно обратить вниманіе, что я говорю о людяхъ, которые руководствуются разумомъ, потому что если человѣкъ ни разумомъ, ни состраданіемъ никогда не побуждается на помощь ближнему, то онъ и не заслуживаетъ названія человѣческаго существа, такъ какъ въ такомъ человѣкѣ нѣтъ ничего похожаго на человѣка“. Этими словами Спиноза прямо говоритъ противъ Ницше. Стоическій ученый Спинозы, въ которомъ нѣтъ ничего почеловѣческаго, но все человѣческое, при руководствѣ разума былъ бы истиннымъ сверхчеловѣкомъ, но Ницше, какъ извѣстно, исполненъ самаго глубокаго презрѣнія къ тому, что называютъ разумомъ и что—по мнѣнію Ницше—есть только болѣе или менѣе извращенный инстинктъ. Одно, что занимаетъ Ницше и что стоитъ у него на первомъ планѣ,—это жизнь и нераздѣльное съ ней—жажда власти. Поэтому Ницше измѣрзаетъ цѣнность всѣхъ вещей—(цѣнность естественную, а не моральную, такъ какъ моральной цѣнности не существуетъ)—развитіемъ жизни. Съ этой точки зрѣнія грубость и даже жестокость являются естественными средствами защиты и охраны, какія прихо-

дится употреблять въ жизни; а состраданіе—это—великое искушеніе, которое угрожаетъ жизни и направляетъ ее по пути уничтоженія, жизненнаго нигилизма.

Нѣмецкіе писатели склонны къ крайностямъ; имъ нравятся все огромное, непропорціональное, которое они и смѣшиваютъ съ великимъ. „Будьте тверды“ даже въ добротѣ, крѣпки даже въ кротости, разсудительны даже въ сожалѣніи;—вотъ справедливая мысль, противъ которой никто и спорить не станетъ. но наставленіе: „будьте жестоки“—прямо нелѣпо и безобразно, что и бросается въ глаза съ перваго же взгляда. Чтобы видѣть ложность этой мысли,—достаточно только признать, что случайное сожалѣніе или сочувствіе не можетъ быть названо ни истинной христіанской любовью, ни истинной моралью философовъ; всѣмъ извѣстно, что такое симпатія или сочувствіе, заставляющее насъ понимать и даже чувствовать въ извѣстной мѣрѣ страданіе другого; это сочувствіе разсматриваемое только еще какъ механическая игра нервовъ не можетъ быть названо ни дѣйствительнымъ сочувствіемъ, ни состраданіемъ, ни благосклонностью. Истинное состраданіе начинается не тогда, когда я пассивно чрезъ дѣйствіе нервовъ страдаю вмѣстѣ съ вами, а тогда, когда я составилъ себѣ идеаль общества съ братскимъ отношеніемъ людей между собою, съ стремленіемъ раздѣлять страданія другого и, желая осуществить этотъ идеаль въ жизни,—захочу страдать вмѣстѣ съ вами. Тогда я страдаю совершенно добровольно и вмѣсто того, чтобы эгоистично удалять себя отъ страданій другого (какъ это нужно было бы сдѣлать по системѣ Лярошфуко и Ницше), я совершенно безкорыстно принимаю участіе въ страданіи ближняго; я стараюсь даже увеличить свое состраданіе, какъ будто отъ этого пропорціонально уменьшится ваше страданіе, какъ будто я, стоная подъ угнетающею васъ тяжестью, этимъ самымъ облегчаю вамъ нести ее, принимая часть тяжести на себя.—Но нельзя ли въ этомъ чувствѣ вывѣтъ,—какъ этого хотѣли Гоббесъ и Лярошфуко, скрытаго *страха*: какъ бы и со мной не случилось чего подобнаго, или же своего *собственнаго* горя въ горѣ другого? Но ни того, ни другого допустить нельзя. Въ страданіи другого меня зани-

маеть не мое горе и даже не исключительно горе другого, а нѣчто, стоящее выше насъ обоихъ, нѣчто объединяющее насъ; это нѣчто и есть идеаль всеобщей солидарности и даже всеобщей справедливости.

На самомъ дѣлѣ, въ страданіи, которому мы невольно подчиняемся,—какъ враждебной и грубой силѣ, есть нѣкотораго рода несправедливость и вотъ это болѣе или менѣе темное чувство несправедливости и заставляетъ насъ помогать своему ближнему, какъ члену одного съ нами общества. Даже если страданіе и заслужено, то я ставлю выше себя и страдающаго идею братства, соединяющую насъ и сближающую меня съ страданіемъ другого. Когда разрѣшаютъ мою скорбь, то я болѣе или менѣе понимаю верховную соединяющую мою и вашу волю идею.

Вотъ въ такомъ добровольномъ соединеніи и заключается истинное активное состраданіе; все же остальное мнѣ представляется неважнымъ, вѣшнымъ, случайно привходящимъ. Первое эгоистическое впечатлѣніе, какое естественно производитъ представленіе страданія другого на мою собственную чувствительность, есть не что иное, какъ хитрость корыстолюбія въ пользу безкорыстія: его можно назвать, какъ это хорошо опредѣлила англійская психологія,—рефлективнымъ воздѣйствіемъ одного мозга на другой—въ нѣдрахъ соціального организма; но мы знаемъ, что это—далеко не все и что самая соціальная организація основана на согласіи ея членовъ. Тѣ, которые повинуются первому движенію, носящему чисто фізіологическій характеръ, обыкновенно скоро же удаляютъ отъ себя зрѣлище страданій другого; этимъ они осуществляютъ на дѣлѣ систему Ляфешоуко; тѣ же, которые на животное движеніе природы отвѣчаютъ свободнымъ дѣйствіемъ, не отворачиваются отъ страданій ближняго, а стараются даже раздѣлить съ нимъ его скорби; первые повинуются нервамъ, вторые—сердцу. Итакъ, можно считать установленнымъ, что истинное, активное „тоническое“ утѣшающее состраданіе начинается только съ безкорыстнаго идеала справедливости, предъ которымъ мы всѣ равны, съ идеала милосердія, при которомъ мы всѣ—братья. Самъ Заратустра допускаеть „великое со-

страданіе, испытываемое совершенно добровольно и которое, можно сказать, навязываетъ самому себѣ, по въ этомъ движеніи Заратустра видитъ только скрытое стремленіе къ власти; но почему же онъ не хочетъ видѣть здѣсь стремленія къ справедливости или любви?

Несчастному Ницше недостаетъ того, что Сократъ называетъ великой наукой,—науки любви. Кромѣ того Ницше игнорировалъ цѣлую половину человѣчества—женщину. „Я не замѣчала, говоритъ сестра Ницше, у него ни малѣйшихъ слѣдовъ любовной страсти. Вся его дѣятельность поглощалась умственнымъ трудомъ, а для остального у него оставалась только простая, совершенно поверхностная любознательность. Болѣе поздно Ницше самъ, казалось, страдалъ отъ того, что не испыталъ любовной страсти“. По нашему мнѣнію отъ этого у него страдало не только сердце, но и умъ, и вся его философія, которой незнакомо вѣчно женственное, въ чемъ заключается вѣчная прелесть, вѣчная кротость, вѣчная доброта. Если бы этотъ новый Моисей любилъ и былъ любимъ, то онъ не спустился бы съ горы съ своею новою заповѣдью: „будьте жестоки“.

VI.

Совершенно справедливо замѣчено, что нельзя осуждать всей системы Ницше „подъ тѣмъ предлогомъ, что посредственные и безсильные приступы тщеславія—для оправданія стремленія къ эгоистическому наслажденію и экстравагантной претензіи на величіе—заставили Ницше написать нѣсколько изреченій—совершенно противоположныхъ по духу всей его системѣ“ (Лихтенберте). Между тѣмъ,—нужно согласиться и съ тѣмъ, что адепты Ницше совершенно не отдѣляютъ частныхъ изреченій отъ совокупности системы, когда отвергаютъ всякую вѣру въ добро и зло; это самое отрицаніе считается даже принципомъ доктрины. Потомъ, за отсутствіемъ какого бы то ни было признака, по которому можно было бы открыть въ себѣ „высшаго человѣка“, „сверхчеловѣка“, каждый имѣетъ право попытаться стать выше закона, каждый имѣетъ право попытаться совершить экскурсію по ту сторону добра и зла, ибо

только такимъ путемъ и можно узнать, способенъ ты или не способенъ на этотъ великій переходъ.

Поэтому безнравственность здѣсь нельзя назвать искаженіемъ и неумѣстнымъ приложеніемъ плохо истолкованныхъ научныхъ истинъ внѣ ихъ законной сферы; безнравственность есть выводъ или вѣрнѣе принципъ всей системы Ницше. Можно ли не назвать безнравственной системы, которая сама себя опредѣляетъ какъ имморалистичную? Если угодно,—говорите, что она истинна, что она—сообразна съ природой человека и что это—не въ пользу нравственности; но не говорите, что она—нравственна. Впрочемъ и самъ Ницше говорить, что его система предназначена для небольшого числа избранныхъ, и что она будетъ даже гибельной, если ей захотятъ послѣдовать всѣ, что толпа должна жить, повинуваясь закону.

„Изъ тѣхъ ли ты, которые имѣютъ право стряхнуть съ себя иго закона?“

„Есть много такихъ, которые, отвергнувъ прежнее рабство,—лишились съ этимъ всего, что придавало имъ хотя малую цѣнность“.

„Можешь ли ты назвать себя новой *силой* новымъ закономъ, новымъ движеніемъ, дорогой, обращающейся кругомъ самой себя? Можешь ли ты заставить звѣзды вращаться вокругъ себя?“

Вотъ именно къ самому Ницше и должны быть обращены эти вопросы. И если бы онъ не былъ ослѣпленъ безграничной самоувѣренностью, которая должна была перейти въ безуміе, если бы онъ даже вспомнилъ только принципы своей детерминистической философіи, то онъ самъ бы себѣ отвѣтилъ: нѣтъ, даже и въ тебѣ нельзя найти этой новой силы, все принадлежитъ вселенной, все принадлежитъ человечеству, нѣтъ перваго движенія и даже тотъ изъ твоихъ жестовъ, который ты считаешь принадлежащимъ исключительно тебѣ,—есть не болѣе, какъ кольцо безконечной цѣпи; нѣтъ дороги, вращающейся вокругъ себя, и даже солнечная система въ своемъ движеніи зависитъ отъ механизма движенія всей поднебесной; ты никогда не заставишь звѣзды вращаться вокругъ себя!

Ницше въ продолженіе всей своей литературной дѣятель-

ности самъ опровергалъ самого же себя. Его изреченія имѣютъ близкое сходство съ прорицаніями древнихъ оракуловъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь можно найти положительный и отрицательный отвѣтъ на одинъ и тотъ же вопросъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь возможенъ цѣлый десятокъ толкованій одного и того же выраженія. Не только стиль, но даже и самая мысль Ницше метафорична, аллегорична, символична и мифологична. Отсутствіе опредѣленій и доказательствъ имѣетъ, конечно, свою хорошую сторону: оно дѣлаетъ систему Ницше неприступной для критики, которая не можетъ здѣсь найти для себя болѣе или менѣе устойчивой точки отправленія; но такой методъ нельзя назвать простой уступкой со стороны истинной философіи въ пользу метафизической фантазіи или, если хотите, философскаго импрессионизма. Будемъ ли мы принимать моральныя идеи Ницше въ ограниченномъ смыслѣ или безусловномъ,—для насъ останется одинъ и тотъ же выборъ между двумя заключеніями: это—или общія истины, или—заблужденія.—не всегда даже оригинальныя, какъ это хотѣлось Ницше; поэтическая банальность смѣняетъ собою поэтическую экстравагантность и обратно, если не одно—такъ другое. Задача истиннаго гения заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы выдѣлить свое „я“, а наоборотъ въ томъ, чтобы забыть свое я и заботиться только объ абсолютной истинѣ, всеобщемъ благѣ. Рѣдкость такого самоотреченія и составляетъ оригинальность гения.

Подвергнутая философскому анализу—мораль Ницше разрѣшается въ массу антиномій. Все цѣнно—и однако Ницше устанавливаетъ градацію цѣнностей; все позволено, нѣтъ ничего запрещеннаго,—и однако Ницше кончаетъ признаніемъ авторитета и различія людей по ихъ достоинству; нѣтъ никакого смысла и цѣли на землѣ,—и однако Ницше желаетъ, чтобы его сверхчеловѣкъ сталъ цѣлью и смысломъ земли; нѣтъ ничего истиннаго,—и однако нужно найти или выдумать истинныя цѣнности; все—фатально—необходимо, все проходитъ и опять приходитъ,—и однако нужно создать что-то новое; эгоизмъ есть основаніе всей

жизни,—и однако нужна великая любовь—любовь къ жизни въ ея цѣломъ; жестокость—законъ жизни,—и однако нужно великое состраданіе; наслажденіе есть жизненный двигатель и инстинктъ,—и однако нужно желать страданія; всѣ страсти—благодѣтельны, и однако ихъ надо обуздывать и подчинять суровой выдержкѣ; нѣтъ никакого идеала,—и однако нужно жертвовать всѣмъ, даже самимъ собою, для жизни болѣе высокой, болѣе полной, болѣе идеальной. При всемъ этомъ жертва—излишня, потому что нельзя измѣнить теченія вещей, нельзя заставить ихъ „уклониться къ какому нибудь идеалу“, нельзя избѣжать неизбѣжнаго закона вѣчнаго возвращенія вещей. Такъ говорилъ Заратустра.

Для уничтоженія всѣхъ этихъ антиномій—нужно различать двоякій смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ, двоякую форму однихъ и тѣхъ же чувствъ. Самъ Ницше, чтобы избѣжать очевидной нелѣпости, долженъ былъ противопоставить то, что онъ называетъ великимъ и малымъ въ чувствахъ, тому, что всѣ и во всѣ времена привыкли называть общезвѣстнымъ и малоизвѣстнымъ. Благодаря такому маневру Ницше могъ при отрицаніи обыкновенной любви признавать великую любовь, при отрицаніи обыкновеннаго состраданія признавать великое состраданіе и т. д. Но почему же Ницше вмѣсто того, чтобы гордо выставлять себя борцомъ противъ всякой вообще нравственности, не противопоставляетъ обыкновенной морали—великую мораль. Ницше преслѣдуетъ своими насмѣшками обыкновенную науку и обыкновенныхъ ученыхъ,—простыхъ рабовъ, каменщиковъ (изъ которыхъ тѣмъ не менѣе каждый хотя и не будучи архитекторомъ, имѣетъ долю участія въ постройкѣ зданія), но нельзя сказать, чтобы Ницше не зналъ, что кромѣ этой науки есть другая высшая наука, обнимающая безконечный горизонтъ, будь то въ пространствѣ или во времени, наука, позволяющая намъ схватывать не одни только „мелкіе факты“ или маленькіе законы, но и великія черты почтенной фигуры космоса. Ницше смѣется также надъ обыкновенной философіей и до небесъ превозноситъ великую философію, Ницше—изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Паскалемъ говорятъ,

что краснорѣчіе смѣется надъ краснорѣчіемъ, философія смѣется надъ философіей; странно только,—почему Ницше, говоря своимъ языкомъ, не прибавилъ: мораль смѣется надъ моралью (разумѣется великая мораль надъ обыкновенной, условной).

Вообще же говоря,—Заратустра не перешелъ по ту сторону истиннаго и ложнаго, радости и печали,—по ту сторону страданія и любви; и подъ наружной формой имморалиста намъ открывается великій, хотя, къ несчастію, надменный моралистъ.

Переводъ В. Дроздова.

Къ вопросу: чѣмъ иногда является критика въ наше время.

Отвѣтъ на два письма г. Ал. Т. (напеч. въ „Нар. Образ.“, за тек. годъ, кн. 5—6 и 7—8).

На нашу статью подъ заглавіемъ: „Чѣмъ должна быть критика и чѣмъ иногда является она въ наше время“ (напеч. въ ж. „Вѣра и Разумъ“, за тек. г., въ №№ 9 и 11) одинъ изъ критиковъ въ „Нар. Образ.“, г. Ал. Т., откликнулся двумя письмами. По тому вздору, какимъ несполнены эти письма, они не заслуживали бы никакого вниманія; но они представляютъ собою настолько характерный образчикъ того прискорбнаго явленія въ нашей критической литературѣ, какое мы отмѣчаемъ въ упомянутой своей статьѣ, что мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Въ своихъ „письмахъ“ г. Ал. Т. не только остался вѣренъ себѣ, вѣренъ тому направленію, какое мы изобличаемъ въ своей статьѣ, но даже превзошелъ все, что можно было ожидать отъ него. Много горькой правды изъ всего того, что мы говорили въ своей статьѣ о г. Ал. Т. и его сподвижникахъ, г. Ал. Т. проглотилъ молчаливо, и нашелся сказать въ своихъ письмахъ сравнительно о немногомъ; но во всемъ, что онъ говоритъ, мы находимъ только всяческія извращенія правды и истины и разныя софистическія ухищренія, рассчитанныя на то, чтобы морочить читателей „Народнаго Образованія“.

Такъ, въ первомъ письмѣ г. Ал. Т. мы отмѣтимъ слѣдующее:

1. Г. Ал. Т. говоритъ, что мы, какъ на примѣръ унадка дѣла критики въ наше время, указываемъ на библіографическій отдѣлъ „Нар. Образ.“ — Это невѣрно. Въ подзаголовкѣ нашей статьи, который приводится и самимъ г. Ал. Т., прямо сказано, что статья написана по поводу критическихъ отзывовъ *нѣкоторыхъ* критиковъ въ ж. «Нар. Образ.».

2. Еще болѣе невѣрнымъ нужно признать заявленіе г. Ал. Т., какое мы встрѣчаемъ въ концѣ его перваго письма, — что мы къ своей статьѣ дѣлаемъ нападеніе на *журналъ* «Нар. Образ.». Въ этомъ заявленіи г. Ал. Т. непростительно смѣшиваетъ свое дѣло и дѣло нѣкоторыхъ своихъ сподвижниковъ съ дѣломъ цѣлаго журнала.

3. Невѣрно передаетъ г. Ал. Т. и смыслъ того упрека, какой мы дѣлаемъ нѣкоторымъ критикамъ въ „Нар. Образ.“ Онъ пишетъ, будто, по

нашему мнѣнію, взгляды нѣкоторыхъ критиковъ въ „Нар. Образ.“ могутъ принести учителямъ только (?) несомнѣнный вредъ, и вредъ этотъ заключается въ томъ, что у критиковъ замѣтно основное, руководящее стремленіе совсѣмъ эмансипировать дѣло учительства въ церк.—прих. школахъ отъ современной науки о *воспитаніи и обученіи*“.—Въ этихъ словахъ г. Ал. Т., во 1-хъ, допустилъ передержку, вставивши въ нашу рѣчь слово *только*; можетъ быть, для г. Ал. Т. вставка этого слова казалась пустякомъ, однако она значительно измѣняетъ смыслъ сказаннаго намп. Во 2-хъ, если мы и высказываемъ въ нашей статьѣ, что нѣкоторые критики въ «Нар. Образ.», какъ намъ кажется, въ учебно-воспитательное дѣло школы могутъ вносить вредъ несомнѣнный, то этотъ вредъ мы усматривали не въ однихъ *взглядахъ*, какіе проповѣдуютъ эти критики, не въ одномъ томъ, что у этихъ критиковъ замѣтно основное, руководящее стремленіе совсѣмъ эмансипировать дѣло учительства въ церк.-прих. школахъ отъ современной науки о воспитаніи и обученіи; этотъ вредъ мы усматриваемъ вмѣстѣ и въ тѣхъ *сужденіяхъ и приговорахъ*, какіе высказываютъ эти критики, т. е. во всей совокупности того, что дѣлаютъ эти критики и недостатки чего мы разоблачаемъ на всемъ пространствѣ нашей статьи.

4. Нашъ упрекъ, какой мы дѣлаемъ нѣкоторымъ критикамъ въ «Нар. Образ.», г. Ал. Т. называетъ страннымъ и нелѣпымъ, потому что этотъ упрекъ имѣетъ за себя недостаточныя основанія: основывается только на выдержкахъ изъ статьи г. Вишневекаго, изъ рецензій св. Θ. Арх. и изъ рецензій г. Ал. Т. Противъ того, что всѣ выдержки приводятся нами правильно, г. Ал. Т. не говоритъ ни слова; опъ только заявляетъ, что «на подобныхъ выдержкахъ никакъ нельзя построить обвиненіе». Почему же? спросимъ мы. Если нужно согласиться съ тѣмъ, что мы высказываемъ въ своей статьѣ (а не согласиться съ этимъ нельзя),—что дѣло критики вообще и, въ частности и особенности, дѣло критики въ педагогическихъ журналахъ требуетъ самаго серьезнаго и самаго осмотрительнаго отношенія къ себѣ, то представляется вполне яснымъ, что и одно какое нибудь неосторожное, необдуманное слово въ критикѣ по справедливости можетъ заслуживать большого упрека; тѣмъ болѣе справедливымъ и основательнымъ нужно признать всякое обвиненіе, когда оно направляется противъ какихъ либо странныхъ и нелѣпыхъ взглядовъ, высказываемыхъ и защищаемыхъ цѣлымъ рядомъ критиковъ. А наше обвиненіе именно и строится на выдержкахъ, которыя мы приводимъ изъ нѣлаго ряда критиковъ.

5. Въ частности, желая оправдать г. Вишневекаго отъ того упрека, какой мы дѣлаемъ ему, г. Ал. Т. приводитъ изъ его статьи слѣдующее мѣсто: „Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ того заключенія, будто учителямъ вовсе не нужно знакомство съ теоріей воспитанія. Напротивъ, было бы весьма желательно, чтобы тѣ учителя, которые не могли изучить этой науки въ школѣ, имѣли возможность восполнить этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи“. Но, приведя это мѣсто, г. Ал. Т. умалчалъ о той *оговоркѣ*, какую г. Вишевскій непосредственно сейчасъ же присоединяетъ къ этому мѣсту, а въ этой оговоркѣ, какъ мы и указывали въ своей статьѣ, г. Вишевскій съ проніей осуждаетъ русскихъ педагоговъ за то, они, трактуя о воспитаніи души человѣческой, различаютъ въ ней способно-

сти: умъ, волю, чувство, и въ области умственной способности различаютъ процессы: сужденіе, умозаключеніе и пр.,—осуждаетъ потому, что, по предположенію г. Вишневаго, на эти клѣточки (умъ, воля, чувство) подблани человѣческую душу иѣмцы и что эти клѣточки, какъ придуманныя иѣмцами, совсѣмъ не подходятъ къ «нашимъ живымъ деревенскимъ ребятамъ и парижкамъ». Такимъ образомъ, признавая желательнымъ, чтобы учителя имѣли знакомство съ наукой о воспитаніи, г. Вишневаго, очевидно, подъ послѣдней разумѣетъ какую-то особенную, никогда небывалую науку, спеціально приспособленную къ «нашимъ живымъ деревенскимъ ребятамъ и парижкамъ». Только знакомство съ *такой* наукой г. Вишневаго признаетъ полезнымъ для учителей. Но можно ли *эту* науку, приспособленную спеціально для деревенскихъ ребятъ и парижекъ, назвать *наукой* въ настоящемъ смыслѣ этого слова?

6. Желая оправдать другого критика въ „Нар. Образ.“, св. Ѳ. Арх., г. Ал. Т. говоритъ, что этотъ критикъ «ни однимъ словомъ не отвергаетъ значенія для школы научной педагогикѣ и методикѣ». — Но какъ же нужно понимать то основное требованіе, къ которому св. Арх. сводитъ всю свою рецензію о книгѣ Благоправова, — что для законоучителя церк.-прих. школы должна быть своя соответствующая методика? Если для законоучителей церк.-прих. школы должна быть *своя* методика, для законоучителей земской и министерской школы — своя, для законоучителей коммерческой и ремесленной школы — своя, то можно ли тутъ подъ методикой разумѣть научную дисциплину? Какъ научная дисциплина, говоримъ мы въ своей статьѣ, методика должна быть свободной и самостоятельной въ рѣшеніи собственныхъ, подлежащихъ ей вопросовъ, — въ опредѣленіи метода, формы, приѣмовъ преподаванія тѣхъ или другихъ учебныхъ предметовъ, и то рѣшеніе вопросовъ, къ какому приходитъ методика путемъ свободного строго-научнаго своего развитія, должно имѣть одинаковую силу и значеніе для каждой школы. Требовать же, чтобы для каждой школы была своя особенная методика, значило бы требовать, чтобы методика въ отношеніи къ каждой школѣ рѣшала подлежащія ей вопросы различно; но сообразно ли это съ достоинствомъ методикѣ, какъ научной дисциплинѣ?

7. Желая оправдать самого себя, г. Ал. Т. хочетъ показать, что если въ своей рецензіи о книгѣ прот. Свѣтца онъ и признавалъ излишнимъ всѣ разсужденія о методахъ, то это только по отношенію къ этой книгѣ, а не вообще. — Но вотъ подлинныя слова, которыя принадлежатъ г. Ал. Т.: „всѣ эти разсужденія о методахъ... вводятся собственно по почину и по подражанію (часто несознательному) иностранныхъ методикамъ по предметамъ первоначальнаго обученія; особый трактатъ о нихъ терпимъ въ какомъ нибудь обширномъ курсѣ дидактики и можетъ быть введенъ ради системы и ради полноты изложенія“. Эти слова не допускаютъ никакаго перетолкованія: всѣ разсужденія о методахъ могутъ быть только *терпимы* и терпимы *ради системы и ради полноты изложенія*; значитъ, для самаго дѣла преподаванія они не нужны. Ссылка г. Ал. Т. на то, что «даже семинаристъ третьяго класса не станетъ отвергать полезности ученія о методахъ», нимало не помогаетъ ему: вѣдь въ своей статьѣ мы и хотѣли показать именно то, что нѣкоторые критики въ „Нар. Образ.“ выступаютъ съ такими странными взглядами, которые непростительны даже для семинариста третьяго класса.

8. Относительно побужденія, заставившаго насъ выступить съ своей полемической статьей, г. Ал. Т. высказываетъ предположеніе: «не раздраженъ ли г. Страховъ той рецензіей, которая была помѣщена въ «Нар. Образ.» о его собственной методикѣ Закона Божія». Въ этомъ предположеніи г. Ал. Т. хорошо выдалъ себя,—онъ сознавалъ достоинство своей рецензій и чувалъ, какое впечатлѣніе могла произвестъ она. Только это впечатлѣніе онъ не совсемъ точно назвалъ словомъ «раздраженіе»; такія критическія произведенія, какъ рецензія г. Ал. Т., могутъ возбуждать больше, чѣмъ простое чувство раздраженія.

9. Высказавъ предположеніе относительно побужденія, заставившаго насъ выступить съ своей полемической статьей, г. Ал. Т. затѣмъ выражаетъ ожиданіе, что во второй половинѣ своей статьи мы должны выступить съ полемикой именно противъ него, и строить такое умозаключеніе: «если, говоритъ онъ, г. Страховъ въ настоящее время (т. е. въ первой половинѣ нашей статьи) занялъ повидному неприступную позицію, начавши вѣщать отъ лица науки и якобы защищать ее отъ рецензентовъ «Нар. Образ.», то во второй части своей статьи онъ, наоборотъ, долженъ будетъ *защищаться предъ лицомъ науки*». Тутъ логика, очевидно, совсемъ покинула г. Ал. Т. По заявленію самого г. Ал. Т., мы обвиняемъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими критиками именно *оъ недостаткѣ научности*, и однако, по умозаключенію г. Ал. Т., выходитъ, что, защищая себя отъ нападеній этого критика, мы должны защищаться *предъ лицомъ науки*. Г. Ал. Т. *есть* *лицо науки*? Странно, если не сказать: просто смѣшно.

Во второмъ письмѣ г. Ал. Т., касающемся спеціально нашей «методики» Закона Божія, мы отмѣтимъ слѣдующее:

1. Г. Ал. Т. прежде всего заявляетъ, будто намъ «хочется думать, что наша «Методика» представляетъ собою классическій трудъ». Дѣлать такое заявленіе г. Ал. Т. не имѣлъ никакого основанія и никакого права. Въ своей статьѣ мы *только* защищаемъ вѣрность и основательность того, что высказываемъ въ своей методикѣ и что г. Ал. Т. оспариваетъ; по защищать свою книгу отъ несправедливыхъ упрековъ развѣ значитъ—быть высокаго мѣнія о себѣ и защищаемую книгу считать классическимъ произведеніемъ? Только крайне своеобразная логика г. Ал. Т. можетъ принимать одно за другое.

2. Г. Ал. Т. говоритъ далѣе, что онъ «указалъ на новый взглядъ относительно поступательной системы, выработанный современной практикой и вошедшій даже въ новые учебники» (цит. «методика» Смирнова) и что мы «просто отказываемся *понять это новое пониманіе* поступательной системы» (курсивъ нашъ). На это мы скажемъ, во 1-хъ, что для рѣшенія методологическихъ вопросовъ брать въ руководство то, что встрѣчается въ практикѣ обученія, нельзя,—не практика должна руководить методикой, а методика практикой. Во 2-хъ, что касается «новыхъ учебниковъ» по методикѣ (которые, кстати сказать, въ послѣднее время стали появляться какъ грибы въ урожайные годы), то мы скажемъ, что въ этихъ «новыхъ учебникахъ» мы привыкли встрѣчать и болѣе диковинныя вещи, чѣмъ тотъ новый взглядъ, какой черпаетъ г. Ал. Т. изъ методики Смирнова. Въ методическомъ руководствѣ г. Сосновскаго, заслужившемъ полнаго одобренія со стороны критика въ «Нар. Образ.»,

г. Н. В., мы находимъ, напр., такіе *новые* взгляды, что совѣстный способъ преподаванія Закона Божія долженъ быть признанъ непригоднымъ и однако преподаваніе Закона Божія должно быть въ подробностяхъ совѣстнымъ,—что методъ *раздѣльнаго* обученія чтенію и письму ближе всего подходитъ къ методу *совѣстнаго* обученія письму-чтенію и т. п. Изъ другихъ «новыхъ учебниковъ» по методикѣ ничѣмъ не выдѣляется и методика г. Смирнова, и ни въ какомъ отношеніи она не можетъ быть выдаваема за авторитетъ, хотя и заслужила одобреніе со стороны г. Ал. Т. Тотъ новый взглядъ на поступательную систему, который мы находимъ въ этой методикѣ и за который въ своей безпомощности такъ охотно ухватился г. Ал. Т., заключается въ слѣдующемъ: «При поступательной системѣ преподаванія Закона Божія каждый предметъ изучается отдѣльно, въ цѣломъ составѣ. Такъ молитвы изучаются отдѣльно отъ св. исторіи и катихизиса, катихизисъ также приходится самостоятельно... Но поступательная система вовсе не требуетъ того, чтобы сначала непременно изучались всѣ молитвы, потомъ св. исторія, далѣе катихизисъ и богослуженіе; *порядокъ изученія предметовъ можетъ быть и иной*» (курсивъ нашъ). Классическимъ мѣстомъ въ этомъ опредѣленіи поступательной системы является послѣднее выраженіе: его можно понимать, какъ вамъ будетъ угодно,—оно открываетъ самый широкій просторъ, предоставляющій возможность изучать предметы Закона Божія въ какомъ угодно порядкѣ. Эту—то широту взгляда и усвоилъ себѣ г. Ал. Т., и удивляется, почему мы не можемъ принять этотъ *новый* взглядъ. Быть можетъ, скоро въ «новыхъ» методикахъ мы встрѣтимся съ тѣмъ, что, напр., понятіе „синтезъ“ въ нихъ будетъ толковаться такъ, что подъ это понятіе можно будетъ подводить и «анализъ»; быть можетъ, и къ такому толкованію г. Ал. Т. примкнетъ охотно. Но мы напередъ говоримъ, что откажемся принять такой „новый“ взглядъ, потому что твердо держимся того, что каждое понятіе должно имѣть одинъ опредѣленный смыслъ.

3. Мы теперь переходимъ къ такому пункту въ письмѣ г. Ал. Т., который можно назвать шедевромъ его критическаго искусства. Приводя нашу рѣчь о постепенномъ ходѣ развитія дѣтской души, г. Ал. Т. заключаетъ ее нашими же словами: «во всей этой рѣчи очень ясно и вполне опредѣленно указывается (а не *оказывается*, какъ вышло въ передачѣ г. Ал. Т.) весь тотъ планъ, по которому должно вестись *дѣло рел. воспитанія* дѣтей. Сообразно съ этимъ планомъ, далѣе въ своей методикѣ мы опредѣляемъ и самые приемы и частныя средства этого *воспитанія*». Такъ дѣйствительно говоримъ мы. Относительно этой нашей рѣчи г. Ал. Т. раздражается такимъ внушительнымъ замѣчаніемъ: „этотъ планъ, говоритъ онъ, нигде не годенъ, не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія, а только искусственно придуманъ авторомъ методики“. Почему этотъ планъ нигде не годенъ? „По этому плану, продолжаетъ г. Ал. Т., невозможно ни вести *преподаваніе* (курсивъ нашъ), ни построить *методику, какъ учебный предметъ*. Тотъ учитель, который вознамѣрится бы, послуживши автору (т. е. насъ), располагать свое *преподаваніе* сообразно съ его планомъ, скоро увидѣлъ бы всю невозможность этого дѣла“. Относительно этого пункта письма г. Ал. Т. мы рѣшительно недоумѣваемъ, что тутъ: или крайнее непониманіе, или намѣренное извращеніе? Тотъ нашъ планъ, который приводитъ г. Ал. Т., ясно и опредѣленно касается

ред. *воспитанія* (я только воспитанія), а его г. Ал. Т. относитъ къ *преподаванію* Закона Божія, говоритъ, что по этому плану невозможно вести ни *преподаваніе*, ни *построить методикѣ*, какъ учебный предметъ. Ну скажите по совѣсти, г. Ал. Т., можно ли такъ вести дѣло критики? Можно ли то, что мы ясно и опредѣленно относимъ къ одному дѣлу, приурочивать такъ произвольно къ другому дѣлу? Или, быть можетъ, ред. *воспитаніе* и *преподаваніе Закона Божія* г. Ал. Т. считаетъ за *одно и то же*? Но мы, по крайней мѣрѣ, совѣмъ не смѣшиваемъ го и другое дѣло и объ одномъ дѣлѣ говоримъ въ одномъ отдѣлѣ нашей книжки, а о другомъ—въ другомъ отдѣлѣ, и тотъ планъ, который г. Ал. Т. признаетъ совѣмъ негоднымъ для *преподаванія*, у насъ изложенъ въ первомъ отдѣлѣ книги и, повторимъ, относится *только* къ воспитанію.

4. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Г. Ал. Т. не ограничился однимъ шедевромъ, но даритъ насъ и еще другими. Онъ, далѣе, говоритъ: «такой послѣдовательности въ психическомъ развитіи дѣтей, въ какой формѣ она излагается г. Страховымъ, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Съ великою напвостію это подтверждаетъ и самъ г. Страховъ. Авторъ приводитъ выдержки изъ Селли, Прейера, Эггера, Дарвина, Тидемапа; эти выдержки прямо указываютъ, что всѣ способности: мысль, чувство, воля обнаруживаются уже въ первые четыре года жизни ребенка. Такимъ образомъ авторъ наивно опровергаетъ самого себя».—Во всей этой тирадѣ заключается самого грубаго свойства софизмъ, и разоблачить его очень нетрудно. Допустимъ, что „всѣ способности: мысль (есть ли это способность?!), чувство, воля обнаруживаются уже въ первые четыре года жизни ребенка“; значитъ ли это, что въ этотъ періодъ эти способности не представляютъ никакой послѣдовательности и постепенности въ своемъ развитіи? значитъ ли это, что ребенокъ уже съ самыхъ поленокъ и размышляетъ, и проявляетъ свою волю? Если г. Ал. Т. въ двадцать лѣтъ имѣлъ уже бороду, то значитъ ли это, что ею онъ обладалъ съ самыхъ первыхъ дней своей жизни? А вѣдь все дѣло, которое мы защищаемъ и доказываемъ выдержками изъ разныхъ психологовъ, заключается именно въ томъ, что „различныя силы и потребности души, на развитіи которыхъ должно основываться и создаваться все дѣле ред. воспитанія, *начинаютъ раскрываться* не сразу и не всѣ одновременно, но одни раньше, другія позже, и что схема воспитанія должна согласоваться съ самымъ ходомъ раскрытія этихъ силъ и потребностей. Селли, котораго самъ г. Ал. Т. раньше признавалъ *настоящимъ* психологомъ, говоритъ: «вся схема развиванія должна согласоваться съ *естественнымъ порядкомъ* развитія способностей; способности, развивающіяся первыми, должны быть упражняемы раньше» (Осп. нач. психол., рус. пер. изд. 1887 г. стр. 58). Многими выдержками изъ разныхъ психологовъ мы доказали въ своей статьѣ, что изъ всѣхъ силъ души раньше всего, *съ самаго перваго года жизни*, пробуждается жизнь сердца, чувства, и въ связи съ этимъ изъ интеллектуальныхъ способностей проявляется дѣятельность воображенія. Что касается способности размышленія, то мы указывали, что самой ранней стадіей развитія въ дѣтяхъ обдуманыхъ процессовъ этой способности Селли считаетъ время приблизительно съ *четвертаго года жизни* ребенка. Что касается нравственно практическихъ интересовъ и потреб-

ностей, то мы говорили, что они, какъ предполагающіе непрѣменно уже достаточное развитіе воли и какъ зависящіе въ своихъ проявленіяхъ и отъ достаточнаго развитія интеллекта, и отъ неменьшаго развитія чувствованій, могутъ получать силу *позже* всѣхъ другихъ потребностей души—и эстетическихъ, и умственныхъ. Вотъ что мы доказывали и доказали, это мы и хотѣли доказать, это будемъ и всегда отстаивать; какъ же г. Ал. Т. могъ говорить, что доказываніемъ этого мы наивно опровергаемъ самихъ себя? Въ чемъ же мы доказываніемъ этого опровергаемъ самихъ себя? Если бы въ результатъ нашего доказыванія вышло то, что „такой послѣдовательности въ психическомъ развитіи дѣтей, въ какой формѣ она излагается нами, на самомъ дѣлѣ нѣтъ“, тогда дѣйствительно мы опровергали бы самихъ себя; но у насъ въ результатъ получается, что *эта послѣдовательность есть*, что одно раскрывается у дѣтей *съ самаго перваго года* ихъ жизни, *другое*—приблизительно *съ четвертаго года*, *третье*—еще *позже*.—Согласитесь, г. Ал. Т., что такіе приемы, какіе вы употребляете противъ насъ, нельзя отнести къ совсѣмъ чистымъ средствамъ полемики.

5. Г. Ал. Т. говоритъ далѣе: „къ чему то, что относится къ началу перваго дѣтства, притягивать къ воспитанію и обученію дѣтей старшаго и школьнаго возраста“.—Что тутъ опять: крайнее непониманіе, или намеренное извращеніе? Во 1-хъ, то, что мы говоримъ объ основахъ и средствахъ рел. воспитанія, относится и мы относимъ не къ одному только началу перваго дѣтства, а ко всему такъ назыв. дошкольному періоду дѣтской жизни. Во 2-хъ, то, что мы относимъ къ этому періоду дѣтской жизни, мы *и не думали* „притягивать“ къ старшему—*школьному* возрасту; „притягиваніе“ это принадлежитъ самому г. Ал. Т. Въ первомъ отдѣлѣ нашей „методики“ мы говоримъ о рел. воспитаніи, и что здѣсь говорится, относится къ дошкольному возрасту; во второмъ отдѣлѣ говоримъ объ обученіи религіи или преподаваніи Закона Божія, и это относится къ школьному возрасту. Въ настоящемъ случаѣ удивительнѣе всего то, какъ это г. Ал. Т. ухитрился „притянуть“ къ школьному возрасту все сказанное нами въ первомъ отдѣлѣ нашей методики, когда весь этотъ отдѣлъ, посвященный рел. воспитанію, всѣмъ своимъ содержаніемъ подразумѣваетъ дошкольный возрастъ, когда онъ совсѣмъ не касается воспитательнаго вліянія законоучителя въ школѣ и касается только тѣхъ вліяній, какія могутъ дѣйствовать на дѣтей въ ихъ дошкольной домашней жизни!

6. Г. Ал. Т. далѣе дѣлаетъ намъ упрекъ въ томъ, что мы «безотчетно пользуемся понятіями», и въ доказательство указываетъ на встрѣчающееся въ нашей книгѣ выраженіе: „нормальная категорія катихизиса“, восклицая по поводу этого выраженія: „какъ будто есть еще не нормальная категорія!“—Прежде всего замѣтимъ, что это выраженіе не такъ неудачно, какъ это кажется г. Ал. Т. Напрасно онъ такъ узко и ограниченно понимаетъ дѣло, думая, что терминъ „нормальный“ весь смыслъ и все значеніе имѣетъ только въ противопоставленіи чему нибудь не нормальному. Не распространяясь объ этомъ много, укажемъ только примѣръ: по уставу духовныхъ семинарій въ Харьковской семинаріи и въ другихъ семинаріяхъ есть «нормальные» классы; значитъ ли это, что въ Харьковской и другихъ семинаріяхъ должны быть и *ненормальные* классы? Говорятъ также о нормальномъ курсѣ обученія, о нормальномъ возрастѣ для по-

ступленія въ школу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ терминъ „нормальный“ не слѣдуетъ понимать въ противопоставленіи чему нибудь ненормальному, а употребляется въ смыслѣ: представляющій норму чего нибудь или для чего нибудь. Въ этомъ смыслѣ этотъ терминъ можетъ быть приложенъ и къ категоріямъ катихизиса (вѣра, надежда, любовь). Но самое главное, что должно сказать относительно этой попой вылазки противъ насъ г. Ал. Т., это то, что его выстрѣлъ совсѣмъ не попалъ въ цѣль. Дѣло въ томъ, что то выраженіе, по поводу котораго г. Ал. Т. такъ цѣлостно отзывается о насъ, онъ отыскалъ въ томъ мѣстѣ нашей книги, гдѣ мы разбираемъ взглядъ Шпрскаго на преподаваніе катихизиса; это выраженіе употреблено у Шпрскаго (см. «о препод. З. Б.», стр. 138), и естественно, что, разбирая его взглядъ, и мы употребили это выраженіе, — Г. Ал. Т. находитъ „страннымъ“ и выраженіе: „существенныя составныя части катихизиса“, но не поясняетъ, почему это кажется ему страннымъ. А любопытно было бы знать это.

7. „Книга г. Страхова, говоритъ далѣе г. Ал. Т., написана слогомъ полусхоластической философіи“. — Съ перваго раза это можетъ вызвать недоумѣніе, какъ это принять: за комплиментъ или за упрекъ, потому что едва ли кто, и даже самъ г. Ал. Т., можетъ сказать, что это за „полусхоластическая“ философія, когда она существовала и какими свойствами отличалась „слогъ“ этой философіи. Вообще же въ сужденіяхъ о слогѣ, скажемъ словами самого г. Ал. Т., „многое, конечно, зависитъ отъ личнаго вкуса“. Г-ну Ал. Т. напр. кажется, что фраза: «эти неправильности должны быть исправлены» представляетъ то же самое, что и фраза: «лампа влетитъ, потому что она повѣшена»; но мало ли что кажется и можетъ показаться ему! Намъ же думается, что даже семипаристъ не только уже третьяго класса, но и перваго можетъ видѣть всю разницу между этими выраженіями. По поводу недовольства г. Ал. Т. нашимъ „слогомъ“ мы уже говорили и теперь повторимъ, что другіе и притомъ болѣе достойные представители критики относительно того, какъ мы пишемъ, высказывали совсѣмъ иное сужденіе, и даже въ самомъ „Нар. Образ.“ объ этомъ можно найти такой отзывъ: „Г. Страховъ вообще отличается ясностію, раздѣльностію и отчетливостію мысли, и, кромѣ того, возможною краткостію и сжатостію ея выраженія“ („Нар. Образ.“, 1898 г., кн. V, стр. 171).

8. Теперь мы переходимъ съ самому любопытнѣйшему пункту изъ втораго письма г. Ал. Т. Въ отношеніи къ намъ, какъ мы уже разъ замѣчали, г. Ал. Т. прибѣгаетъ къ тому не совсѣмъ чистому средству полемики, что при всякомъ случаѣ старается навязать намъ то, чего намъ никогда не принадлежало; такъ и относительно нашего „литературнаго стиля“ онъ заявляетъ, что мы „очень высокаго мнѣнія“ о немъ, что такіе напр. наши обороты, какъ: „эти неправильности должны быть исправлены“, мы считаемъ „образцовымъ“. На самомъ дѣлѣ г. Ал. Т. ничѣмъ не можетъ доказать, чтобы мы гдѣ нибудь и когда нибудь выражали „высокое мнѣніе о своемъ литературномъ стилѣ“, чтобы гдѣ нибудь и когда нибудь какое-либо свое выраженіе мы выдавали за „образцовое“; мы просто только отстаивали справедливость и правильность того, что говорили мы, отъ разныхъ несправедливыхъ упрековъ г. Ал. Т., но защищаться противъ несправедливыхъ обвиненій развѣ значитъ быть высокаго мнѣнія о себѣ? Но вотъ самъ г. Ал. Т. дѣйствительно отваживается при-

мо и открыто заявить, какъ высоко онъ думаетъ о своемъ искусствѣ литературнаго изложенія,—съ поразительною самонадѣянною онъ рѣшается выступить предъ читателями „Нар. Образ.“ въ роли учителя этого искусства и торжественно преподаетъ имъ *образецъ* того, какъ изложенное нами въ одномъ мѣстѣ нашей книги „можно выразить проще и доступнѣе“. Приводимъ цѣлымъ этотъ образецъ „простоты и доступности“ литературнаго изложенія.

„Все содержаніе религіи, которое усваиваетъ дитя въ школѣ и дома, должно быть воспринято имъ при посредствѣ его природныхъ способностей: ума, сердца и воли; но при религіозномъ обученіи этимъ способностямъ дается болѣе трудная задача, чѣмъ при изученіи обычныхъ предметовъ: ребенку нужно углубляться въ то, что не имѣетъ очевидности и чувственной наглядности и что не можетъ вполне быть переведено на языкъ отвлеченныхъ понятій. Поэтому, сначала ученику нужно окрѣпить разсудкомъ, приобрести запасъ мыслей и чувствъ, и тогда съ нимъ можно разсуждать по вопросамъ вѣры и доводить его до сознанія необходимости истинъ и догматовъ религіи, хотя содержаніе ихъ по прежнему остается недоступно внутреннимъ ощущеніямъ, а только умопостигается и чувствуется“.

Относительно этого *образца* прежде всего замѣтимъ, что онъ выражаетъ не совсѣмъ то, что высказываемъ мы въ нашей книгѣ. Но это мы оставимъ въ сторонѣ. Разсмотримъ этотъ образецъ лишь со стороны изложенія,—посмотримъ, можно ли дѣйствительно признать его тѣмъ образцомъ, за какой выдаетъ его г. Ал. Т., т. е. образцомъ „простоты и доступности“ литературнаго изложенія.

„Все содержаніе религіи, говоритъ г. Ал. Т., должно быть воспринято при посредствѣ ума, сердца, воли“.—Что содержаніе религіи можетъ восприниматься умомъ и сердцемъ, это можно принять; но какъ содержаніе религіи можетъ восприниматься волей? Можно ли волю назвать *способностью воспріятія* какого либо содержанія? Это не такъ просто и доступно, какъ думаетъ г. Ал. Т.

„При реал. обученіи, говоритъ г. Ал. Т., этимъ способностямъ дается болѣе трудная задача, чѣмъ при изученіи обычныхъ предметовъ“.—Что это за *обычные* предметы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь г. Ал. Т.? Развѣ Законъ Божій не *самый обычный* предметъ обученія?

„При реал. обученіи, говоритъ г. Ал. Т., ребенку нужно углубляться въ то, что не имѣетъ очевидности и чувственной наглядности и что не можетъ вполне быть переведено на языкъ отвлеченныхъ понятій“.—Понятно ли въ этихъ словахъ, что тутъ разумѣетъ г. Ал. Т.? Какъ это ребенокъ долженъ *углубляться* въ то, что недоступно для его усвоенія? Можно ли признать „простымъ и доступнымъ“ это выраженіе: „не можетъ вполне быть переведено на языкъ отвлеченныхъ понятій“? И къ чему тутъ въ отношеніи къ религіи упоминаніе объ *отвлеченныхъ* понятіяхъ? Объекты религіи—Богъ, безсмертная душа, загробный міръ,—безъ сомнѣнія, могутъ быть объектами *понятій*, но эти понятія будутъ никакъ не отвлеченныя, а самыя—такъ сказать—конкретнѣйшія.

„Сначала ученику, говоритъ г. Ал. Т., нужно окрѣпить разсудкомъ, приобрести запасъ мыслей и чувствъ, и тогда съ нимъ можно разсуждать по вопросамъ вѣры“.—Если еще говорить о запасѣ мыслей, то можно ли говорить о „запасѣ чувствъ“? Что это такое: запасъ чувствъ? Потому,

запасъ *какихъ* мыслей и чувствъ ученику сначала нужно приобрѣсти, чтобы можно было разсуждать съ нимъ по вопросамъ вѣры? Все это едва ли можно признать простымъ и доступнымъ для пониманія.

„Содержаніе ихъ (истинъ и догматовъ религіи), говорятъ г. Ал. Т., по прежнему остается недоступно вибшимъ ощущеніямъ, а только умопостигается и чувствуется“.—Что тутъ нужно разумѣть подъ „прежнимъ“, на что ссылается г. Ал. Т.? Зачѣмъ тутъ упоминаніе о *внѣшнихъ* ощущеніяхъ? Можно ли признать удачнымъ употребленіе такихъ словъ, какъ „умопостигается“? Можно ли это выраженіе: „содержаніе истинъ и догматовъ религіи *только умопостигается и чувствуется*“ согласить съ тѣмъ, что выше сказалъ г. Ал. Т.,—что „все содержаніе религіи должно быть воспринято при посредствѣ ума, сердца и воли?“ Если содержаніе истинъ и догматовъ религіи *только умопостигается и чувствуется*, то, очевидно, въ дѣлѣ усвоенія этого содержанія не остается никакого мѣста для воли. Также: раньше г. Ал. Т. сказалъ, что содержаніе религіи „не можетъ вполнѣ быть переведено на языкъ отвлеченныхъ понятій“, теперь онъ говоритъ, что это содержаніе „умопостигается“,—какъ согласить одно съ другимъ?

Итакъ, разобранный нами *образецъ* г. Ал. Т., хотя онъ состоитъ всего только изъ десятка строкъ, какъ мы видимъ, представляетъ собою цѣлое море неточныхъ, малообдуманныхъ, невразумительныхъ и трудно согласимыхъ между собою выраженій.

9. Нельзя не отмѣтить въ письмахъ г. Ал. Т. и то, что онъ, приводя подлинныя мѣста изъ нашей книги, допускаетъ въ нихъ замѣну однихъ словъ другими, отчего смыслъ сказаннаго нами, конечно, долженъ измѣняться—и не въ нашей выгоду. На одинъ примѣръ мы уже указывали. Въ выдержкѣ, какую г. Ал. Т. дѣлаетъ изъ 34 стр. нашей книги, допущены слѣдующія замѣны однихъ словъ другими:

<i>у насъ сказано:</i>	<i>у г. Ал. Т.</i>
„Дѣйствуя на умъ, сердце и <i>стремленія</i> человѣка, религія даетъ... объекты для нихъ, которые въ ея области относятся все къ <i>сверхчувственному</i> міру, тогда какъ внѣ религіи тѣ же силы души <i>проявляются</i> и развиваются только по отношенію къ предметамъ непосредственно соприкасающагося <i>съ нами</i> условнаго бытія. Понять и обнять человѣку силами своего духа предметы видимаго бытія по сравнению доступнѣе, нежели <i>возвыситься</i> и т. д.	<i>стремленіе</i> <i>сверхъестественному</i> <i>проясняются</i> <i>съ ними</i> <i>возносятся</i>

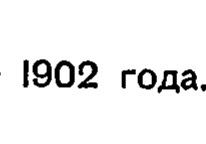
Въ заключеніе спросимъ: ну можно ли такъ вести дѣло критики, какъ это дѣлаетъ г. Ал. Т.? Не лучше ли ему совсѣмъ бросить свое критическое ремесло, ибо ясно, что оно ему не по плечу.

Н. Стржковъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Денабря № 24. 1902 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Журналы съѣзда духовенства, Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1902 г.—Отчетъ о мѣстныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ харьковскаго епархіальнаго преосвященнаго поступило къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что въ память выздоровленія Его Императорскаго Величества отъ постигшей въ 1900 г. болѣзни 1) староста Успенской церкви слободы Маньковки, Купянскаго уѣзда, харьковской епархіи, крестьянинъ Кирвиль Емецъ пріобрѣлъ для приходской церкви: бархатную на престольную одежду, бархатныя священническія ризы и шелковую катапетасму, а также устроилъ горнее мѣсто, върасходовавъ на все это изъ собственныхъ средствъ 500 руб. 2) староста Митрофаніевской церкви слободы Демьяновки, той же епархіи купецъ Венедиктъ *Кирпеев* пожертвовалъ 1000 рублей на сооруженіе въ приходской церкви серебряныхъ ризъ къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя и Божіей Матери.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева о такомъ выраженіи вѣрноподданнческихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 7-й день ноября 1902 года, Собственноручно начертать: „*Прочелъ съ удовольствіемъ*“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20—29 ноября 1902 г. постановлено: предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ разрѣ-

шать собственную властію, по соображенію съ пользою учебнаго дѣла, ходатайства учителей церковно-учительскихъ школъ о перемѣщеніи съ одного предмета на другой въ одной и той же школѣ, съ тѣмъ, чтобы о каждомъ случаѣ такого перемѣщенія было доводимо до свѣдѣнія учявшаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта.

Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Объ упорядоченіи взиманія установленнаго сбора съ лицъ, получившихъ Высочайшія награды.

На основаніи 191 ст. Т. I Учрежд. Орд. (изд. 1892 г.) на улучшение богоугодныхъ и обществу полезныхъ заведеній установленъ особый сборъ съ лицъ, пожалованныхъ орденами, обращаемый въ орденскій капиталъ. Взысканіе это должно быть проведено изъ содержанія: третного—*при первой выдачѣ* и изъ мѣсячнаго—*въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ*, съ тѣмъ, что если начальствамъ мѣсть служенія пожалованныхъ лицъ взысканіе это въ положенные сроки не проведено, то сами начальства отвѣтствуютъ платежемъ того, что слѣдовало (ст. 193 Т. I Учрежд. Орд. изд. 1892 г.).

Нынѣ Канцлеръ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ увѣдомилъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, что деньги за пожалованіе орденами, какъ это оказывается на практикѣ, не только не взыскиваются въ опредѣленные сроки, но несмотря на однократныя подтвержденія, означенныя деньги остаются не взысканными и по истеченіи сихъ сроковъ. Находя такое положеніе взысканія денегъ въ орденскій капиталъ несогласнымъ съ закономъ, баронъ Фредериксъ просилъ содѣйствія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода къ тому, чтобы начальствующія лица мѣсть и учрежденій по духовному вѣдомству относились къ взысканію слѣдующихъ за ордена денегъ съ большимъ вниманіемъ и точнымъ исполненіемъ закона и, въ случаѣ невзысканія въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, со времени пожалованія слѣдуемыхъ денегъ съ самихъ кавалеровъ, обращали бы эти взысканія на лицъ, виновныхъ въ неисполненіи требованія закона. Независимо отъ сего и Александровскій Комитетъ о раненыхъ, слѣдящій за поступленіемъ денегъ въ инвалидный капиталъ за пожалованіе медалями, нерѣдко обращается въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго

Синода съ подтвержденіемъ объ уплатѣ недопмоекъ, числящихся за лицами, награжденными медалями.

Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи предложенія Г. Оберъ-Прокурора по сему предмету, опредѣленіемъ отъ 28-го октября сего года за № 15, предписалъ по духовному вѣдомству: при представленіи лицъ духовнаго и свѣтскаго званія къ Высочайшимъ наградамъ имѣть въ виду правоспособность представляемыхъ къ награжденію лицъ къ уплатѣ слѣдуемыхъ за награды денегъ въ опредѣленные закономъ сроки; въ случаѣ же, если по удостоеніи представленныхъ лицъ Высочайшими наградами, послѣднія по какимъ либо причинамъ откажутся отъ уплаты за пожалованные имъ знаки отличія денегъ, то представлявшія начальства или учрежденія сами отвѣтствуютъ платежомъ того, что слѣдовало (Срв. ст. 193 Т. I Учр. Орд., изд. 1892 г.).

О вышевзложенномъ, по приказанію Его Высокопревосходительства, симъ объявляется по вѣдомству Православнаго Исповѣданія для надлежащаго свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ.

Отъ Харьковского Епархіального Училищнаго Совѣта.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 9 декабря н. г., послѣдовавшей на журналѣ Епархіального Училищнаго Совѣта, воспрещено окружнымъ о.о. благочиннымъ церквей на будущее время обращать въ учебные часы школьныя зданія во временныя помѣщенія, для открытія въ нихъ благочинническихъ съѣздовъ и всякихъ другихъ засѣданій, неимѣющихъ отношенія къ церковно-школьному дѣлу.

Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1902 года.

Журналъ № 1-й. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ 9 часовъ утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища, и, по молитвѣ, избравъ, посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателемъ съѣзда священника Алексѣя Станиславскаго, а дѣлопроизводителемъ единогласно священника Спмеона Недѣлку, предварительно слушали журнальныя постановленія предъидущаго Съѣзда, съ резолюціями на нихъ Его Высоко-

преосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана и Преосвященнѣйшаго Иннокентія, и принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Съѣзда духовенства.

1. Разсматривали вѣдомости за 1901 годъ: а) вѣнчиковую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей изъ епархіального завода церквамъ училищнаго округа. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

2. Слушали прошеніе священника сл. Ново-Млинска, Купянскаго уѣзда, Іоанна Лободина о прощеніи ему долга въ количествѣ ста тридцати рублей за содержаніе его сына въ училищномъ общежитіи и дозволеніи ему на будущее время платить за содержаніе сына по положенію о дѣтяхъ духовенства. Справка 1. Обучающійся въ духовномъ училищѣ, сынъ священника Іоанна Лободина—Николай родился въ бытность его отца въ свѣтскомъ званіи. Справка 2. Съѣздомъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшмъ въ 1896 году, постановлено: за содержаніе въ училищѣ дѣтей духовенства, рожденных до поступленія ихъ родителей въ духовное званіе, взимать плату однако съ дѣтьми свѣтскаго званія. *Постановили:* освободить священника Іоанна Лободина, въ виду его многосемейности и бѣдности, отъ уплаты 130 руб. долга за содержаніе его сына въ училищномъ общежитіи, если Правленіе училища найдетъ возможнымъ эту сумму покрыть изъ училищныхъ остатковъ.

3. Слушали докладъ Правленія училища о пожертвованіи почетнымъ блюстителемъ П. Н. Лещинскимъ въ настоящемъ году 1685 рублей, въ томъ числѣ: а) на ремонтъ церкви училища 1000 руб., б) на покрытіе расхода по устройству духовнаго концерта въ пользу Братства Св. Амвросія Медиоланскаго—200 руб., в) на выдачу воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ семь году, въ память Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія, по экземпляру „Полнаго Собранія проповѣдей и сочиненій“ почившаго—200 рублей, г) на угощеніе и развлеченіе учениковъ на святкахъ Рождества Христова и Пасхи—200 рублей и д) на нѣкоторыя нужды училища 85 руб. *Постановили:* выразить искреннюю благодарность духовенства Сумскаго училищнаго округа почетному блюстителю П. Н. Лещинскому за его щедрое пожертвованіе на нужды училища и воспитанниковъ онаго.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „18 октября 1902 года. Утверждается“.

Журналъ № 2-й, сентября 19 дня. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти человѣкъ, прибывъ въ собраніе въ 6 часовъ вечера, по молитвѣ,

1. Слушали докладную записку помощника смотрителя Сумскаго духовнаго училища, священника Іакова Матусевича, подавную имъ на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ коей онъ испрашиваетъ пособіе въ размѣрѣ 160 руб. изъ училищныхъ средствъ, каковымъ пользовались его предшественники, и послѣдовавшую на докладной запискѣ резолюцію Его Высокопреосвященства слѣдующаго содержанія: „Къ разсмотрѣнію Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, совмѣстно съ резолюціею моею на рапортѣ Преосвященнѣйшаго Стефана относительно прибавокъ къ содержанію лицъ, служащихъ въ духовныхъ училищахъ“.

Справка. Предсѣдатель Правленія училища заявилъ, что рапорта Преосвященнаго Стефана съ резолюціею Его Высокопреосвященства на немъ въ Правленіе училища не поступало. *Постановили:* отложить обсужденіе докладной записки помощника смотрителя, священника Іакова Матусевича, впредь до полученія резолюціи Его Высокопреосвященства относительно прибавокъ къ содержанію лицъ, служащихъ въ духовныхъ училищахъ, послѣдовавшей на рапортѣ Его Преосвященства, Стефана Епископа Сумскаго.

2. Разсматривали составленную Правленіемъ училища смѣту прихода и расхода по содержанію училища въ 1903 году и объяснительную къ ней записку, при чемъ оказалось, что общая сумма расхода 1903 года предположена въ 29699 руб. 1 к., сравнительно со смѣтою 1902 года расходъ уменьшенъ на 2238 руб. 55 коп., но въ то же время и предположенный приходъ сравнительно съ 1902 годомъ долженъ уменьшиться на 620 руб. и составить сумму въ 29703 руб. 43 к. в, такимъ образомъ, долженъ получиться отъ суммъ, вмѣющихъ поступить въ 1903 году, остатокъ въ 4 руб. 42 коп. При разсмотрѣніи смѣты замѣчено, что въ статьѣ „по продовольствію пищею“ нѣтъ разграниченія предположенныхъ расходовъ по содержанію пищею воспитанниковъ и лицъ, служащихъ въ училищѣ и вмѣющихъ право пользоваться училищнымъ столомъ, при чемъ указано 300 дней продовольствія воспитанниковъ, что не отвѣчаетъ дѣйствительности. *Постановили:* смѣту, составленную Правленіемъ училища, какъ соответствующую

ющую въ статьяхъ прихода и расхода дѣйствительнымъ поступленіямъ и требованіямъ училищнымъ, принять и просить Правленіе училища на будущее время въ смѣтѣ по содержанію воспитанниковъ пищею указывать соотвѣтствующее число дней и сумму расхода—отдѣльно по продовольствію воспитанниковъ и лицъ служащихъ въ училищѣ и пользующихся училищнымъ столомъ.

3. Слушали заявленіе депутата Съѣзда духовенства, священника Николая Авксентьева объ избраніи изъ депутатовъ Съѣзда комиссіи для подсчета суммы по счетамъ, приложеннымъ къ отчету за 1901 г. и роспискамъ въ книгѣ расхода за сей годъ, дѣйствительно израсходованной. *Постановили:* избрать въ составъ членовъ Комиссіи для вышеуказанной цѣли священниковъ: Арсенія Любарскаго, Николая Авксентьева и Іоанна Бравловскаго, пригласивъ къ участію въ ея работѣ члена временно-ревизионнаго комитета священника Виктора Флоринскаго.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „18 октября 1902 года. Утверждается“.

Журналъ № 3 ѳ, сентября 20 дня. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти человекъ, прибывъ въ собраніе въ 9 часовъ утра, по молитвѣ,

1. Разсматривали отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Сумскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ источниковъ за 1901 годъ и докладъ временно-ревизионнаго комитета о повѣркѣ сего отчета, въ коемъ комитетъ отмѣтиль, что годовой отчетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ не соотвѣтствуетъ счетамъ, приложенныхъ къ нему, такъ напр. а) по счетамъ значится, что куплено муки 1 сорта 10 пуд. 15 фун. на сумму 19 руб. 60 к., а въ годовомъ отчетѣ показано 5 пуд. 10 ф. на сумму 9 руб. 50 к., б) мыла—по счетамъ 34 пуд. $1\frac{3}{4}$ ф. на сумму 131 руб. 12 к., а по счету—11 пуд. 30 ф. на сумму 45 р. 80 к., в) сапогъ елецкихъ по счетамъ 99 паръ на сумму 396 р., а въ отчетѣ—146 паръ на сумму 584 руб., г) по счетамъ дровъ поступило $36\frac{3}{4}$ саж. на сумму 1182 руб., въ годовомъ отчетѣ $43\frac{3}{4}$ с. на сумму 1246 руб. и др. Съѣздъ въ засѣданіи провѣрилъ неправильности отчета, отмѣченныя временно-ревизионнымъ комитетомъ. *Постановили:* признать отчетъ Правленія училища за 1901 годъ по нѣкоторымъ статьямъ составленнымъ неправильно, расходъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ произведеннымъ не по смѣтному назначенію и просить Правленіе училища исправить отчетъ

и представить оный будущему Съѣзду духовенства Сумскаго училищнаго округа.

2. Слушали актъ, составленный комиссіей, избранной Съѣздомъ духовенства для подсчета суммъ, поступившихъ изъ мѣстныхъ источниковъ въ 1901 году по содержанію духовнаго училища, въ которомъ комиссія указываетъ, что изъ книги расхода и приложенныхъ къ отчету оправдательныхъ документовъ видно, что всего израсходовано въ теченіе отчетнаго года 28762 руб. 2 коп., при чемъ усмотрѣно, что въ число оправдательныхъ документовъ вошли нѣкоторые счета и расписки не только за отчетный годъ, но и за предыдущій 1900 и послѣдующій 1902 г. *Постановили:* имѣя въ виду, что: а) ни отчетомъ съ приложенными къ нему оправдательными документами, ни объяснительною запискою Правленіе училища не устанавливаетъ ясно, на какую именно сумму отъ 1901 года осталось неоплаченныхъ счетовъ и въ какой суммѣ имѣется дефицитъ по содержанію училища, что можетъ повториться и при представленіи отчета за текущій 1902 годъ; б) что неясность экономическаго положенія училища вносятъ нежелательную неопредѣленность отчетности и путаницу при описаніи статей расхода оправдательными документами, и в) готовность духовенства въ случаѣ нужды покрыть дефицитъ по содержанію училища съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ суммы, ассигнуемыя на извѣстный годъ, своевременно и расходовались по назначенію, просить Правленіе училища по истеченіи сего 1902 года, собрать всѣ безъ исключенія счета, какіе окажутся къ 1-му января 1903 г. не оплаченными средствами, поступившими на содержаніе училища въ теченіе 1902 г. и при непремѣнномъ участіи членовъ временно-ревизіоннаго комитета выяснить: какая сумма составляетъ дефицитъ училища къ указанному сроку, т. е. 1 января 1903 г. и въ видѣ особаго доклада представить имѣющему быть экстренному Съѣзду духовенства Сумскаго училищнаго округа.

3. Имѣли сужденіе о назначеніи времени экстреннаго и очереднаго Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа. *Постановили:* экстренный Съѣздъ духовенства назначить на 4 февраля 1903 года, а очередной—на 27 сентября.

На семь журналовъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: 18 октября 1902 г. Утверждаются ст. 1, 2 и 3.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклас-
сныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ
въ 1902 году.

(Оковчаніе *).

Факторы развитія и образованія человѣка: физическая природа, человѣческая среда и намѣренное планомерное вліяніе человѣка: взрослого на ребенка. Воспитаніе: сущность его и задачи. Сила и предѣлы воспитанія.

Воспитанникъ. Свойства его природы и необходимость познанія его. Индивидуальности питомца: различіе дѣтей по поламъ, темпераментамъ, энергіи и направленію психическихъ силъ, возрасту. Особенности среды и національныя.

Воспитатель. Неразрывность учительства съ воспитательствомъ. Умственная и нравственная зрѣлость воспитателя. Необходимость для него и средства непрерывнаго самообразованія и самовоспитанія. Педагогическій тактъ и христіанская живая любовь къ дѣтямъ.

Воспитаніе физическое и задачи его. Гигіеническія наставленія воспитателя и заботы его объ охраненіи здоровья питомцевъ. Пища, одежда питомцевъ. Свѣтъ, воздухъ и температура школьныхъ помѣщеній. Неукоснительная бдительность за чистотою и опрятностію школы и учениковъ. Освѣженіе воздуха и провѣтриваніе школьныхъ помѣщеній. Размѣры школьныхъ комнатъ. Гигіеническое устройство классной мебели. Типы школьныхъ партъ.

Развитіе организма питомцевъ системою движеній. Гимнастика, какъ система равномернаго развитія организма. Гигіеническое значеніе игръ, ручного труда, экскурсій и сельско-хозяйственныхъ занятій.

Охраненіе первой системы и воспитаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ. Приспособленіе учебной работы къ возрасту, силамъ и способностямъ учащихъся. Благвременная смѣна умственныхъ и физическихъ упражненій. Школьная гигиена зрѣнія и слуха. Школьный уходъ за больными. Тайныя болѣзни. Спартанская школа Рингеле.

Духовное воспитаніе. Воспитаніе познавательной способности: чувственнаго воззрѣнія. Развитіе способности рѣчи. Воспитаніе фантазіи: образовательное значеніе въ этомъ отношеніи игръ. Система образовательныхъ игръ Фребеля и его „дѣтскіе сады“. Сказ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 23.

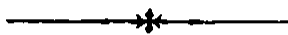
ка. Воспитаніе способности разсудка, памяти (по Ушинскому), разума.

Нравственно-религіозное воспитаніе, задачи его въ образованіи навыковъ и нравственнаго характера. Факторы сего воспитанія: семья и школа (воспитательныя средства той и другой) въ ихъ взаимномъ отношеніи. Религіозное чувство и разумное направле- ніе и образованіе его живыми примѣрами и уроками Закона Бо- жія. Охраненіе религіознаго чувства питомцевъ отъ сантимента- лизма, лицемѣрія и нетерпимости. Время и объемъ сообщенія свѣ- дѣній о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ. Миссіонерскій элементъ въ церковной школѣ.

Необходимость воспитанія нравственнаго характера въ школѣ практически мѣропріятіями. Система ихъ представляетъ школь- ную дисциплину.

Воспитательная дисциплина и воспитательное управленіе. Либе- рализмъ и сервилитизмъ въ воспитаніи. Одностороннія крайности въ томъ и другомъ. Дисциплина, дѣйствующая въ духѣ воспитатель- наго управленія.

Орудія школьной дисциплины. Воспитатель, олицетворяющій въ себѣ школу, его авторитетъ и любовь къ нему дѣтей, строгость его къ самому себѣ. Школьное обученіе, какъ дисциплинирующая си- ла, дисциплинирующая и мысль, и волю питомца. Вышнія фор- мы школьной дисциплины: надзоръ, занятіе дѣтей, приказаніе (умѣстно ли и для какого возраста кодифицированіе правилъ школьной дисциплины), награжденіе, наказаніе и виды его (суж- деніе современной педагогикѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ), пріученіе.

Теорія обученія—общая дидактика. Цѣль и основы обученія. Общія формы обученія: акроматическая и эротематическая. Ра- ціональность широкаго примѣненія эвристической формы обуче- нія. Принципъ наглядности въ обученіи и историческій очеркъ развитія принципа наглядности. Способы и границы пользованія симъ принципомъ наглядности. Частныя приемы акроматиче- скіе: разсказъ и описаніе, раскрытіе предмета, объясненіе и доказы- вательство. Частныя приемы эротематики: существо вопросовъ и отвѣ- товъ и формы ихъ. Задачи, речетивы и экзамены. Обостреніе вопроса объ экзаменахъ въ послѣднее время, разборъ сужденій за и противъ нихъ. Разрѣшеніе этого вопроса въ книгѣ: „ученье и учитель“.

Методика Закона Божія. Преподаваніе священной исторіи въ связи съ библейскимъ текстомъ. Пропедевтический характеръ Ветхаго Завета. Обращеніе вниманія на ученіе Господа Иисуса Христа. Нравоучительный характеръ библейскихъ повѣствованій. Библейскія карты, географія и археологія въ ихъ отношеніи къ учительству. Преподаваніе катихизиса въ связи съ другими предметами Закона Божія. Изученіе текстовъ. Наученіе связной передачѣ содержанія катихизиса. Благоразумная умѣренность въ уставности и таинственномъ толкованіи богослуженія. Практическая постановка въ изученіи его. Изученіе церковной исторіи эпизодическое, какъ живое преемство великихъ дѣятелей и богопросвѣщенныхъ святыхъ мужей.

Методика русскаго языка. Старинное изученіе его, исключительно формальное—грамматическое. Реформированіе сего приема А. Коменскимъ, Песталоцци, Дистервегомъ, Жакото и Кельнеромъ. Изученіе языка связывается съ чтеніемъ классной книги. Чтеніе, какъ основа усвоенія грамматическихъ формъ и стили языка. Качества чтенія: правильность, сознательность и выразительность. Декламация и теорія этого искусства. Способы и приемы чисто практическаго изученія грамматики. Способы упражненія въ грамматическихъ и стилистическихъ письменныхъ работахъ: планообразность слухъ работъ. Характеръ и тонъ преподаванія словесности.

Методика ариеметики. Старинный односторонне-объективный способъ преподаванія ариеметики. Песталоцциевскій методъ преподаванія. Примирительное направленіе въ ариеметическихъ методахъ Дистервега, Генцеля и Грубе. Достоинства и недостатки метода Грубе: вѣрность и цѣлесообразность основныхъ положеній этой методики. Необходимость и правила вагляднаго и умственнаго упражненія въ счисленіи и вычисленіи. Нумерация в четыре дѣйствія надъ числами отвлеченными и составными именованными въ предѣлѣ известной данной величины. Дроби, происхожденіе ихъ, правильныя и неправильныя дроби, сокращеніе, увеличеніе и уменьшеніе ихъ, приведеніе дробей къ одному знаменателю. Простейшіе приемы ознакомленія съ началами алгебры. Ознакомленіе съ измѣреніемъ, направленнымъ исключительно къ практическому примѣненію и въ связи съ черченіемъ.

Методика географіи. Цѣли ея во второклассной школѣ. Объемъ и характеръ изученія отечественной географіи. Формы географическаго преподаванія: акроматическая и эвристическая. Мѣсто и

размѣры примѣненія этой второй формы. Географическія пособия и сборники. Географическая популярная литература. Наглядныя пособия, карты, способы ознакомленія съ ними учащихся, картинныя географическія и способы пользованія ими. Экскурсіи и важное значеніе ихъ въ области изученія природы. Коллекціи. Оживленіе географическаго преподаванія элементами другихъ предметовъ.

Методика исторіи. Образовательное значеніе исторіи. Общій характеръ и цѣль преподаванія ея во второклассной школѣ. Отечественная исторія, главнѣйшіе воспитательные ея элементы. Правила преподаванія исторіи. Наглядность, живость и теплота чувства въ историческихъ повѣствованіяхъ. Эпизодическій способъ изученія ея. Хронологія, историческая географія, археологія въ отношеніи къ изученію исторіи. Литературныя пособия, популярныя чтенія, экскурсіи.

Методическія указанія по сямъ предметамъ были иллюстрированы на трехъ пробныхъ урокахъ г.г. курсистовъ.

О. Героеей Николадзе проэктировалъ свой урокъ по Закону Божію по объясненію 8-го члена символа вѣры. Катихизическій матеріалъ былъ удачно разработанъ при помощи воспроизведенія молитвъ, священной исторіи и данныхъ изъ богослуженія. Курсистами была указана полезность оживленія изученія катихизиса агіографическимъ элементомъ и высказаны сужденія о пособияхъ.

Аванасій Диденко проэктировалъ свой урокъ для 1-й группы 2-го отдѣленія о дѣленіи обыкновенныхъ дробей, начавши съ дѣленія 5 на 7 и объясняя происхожденіе дроби на примѣрѣ дѣленія одного хлѣба пяти лицамъ. Во второй половинѣ урока онъ произвелъ обратное дѣйствіе дѣленія дроби на цѣлое. Въ своемъ урокѣ г. Диденко обнаружилъ живую практику очень опытнаго преподавателя и приемы его были одобрены всѣми слушателями. Были высказаны сужденія о сравнительномъ достоинствѣ методологическихъ пособій.

Курсистъ Владиміръ Валагуринъ предложилъ свой примѣрный урокъ изъ области русскаго языка по этимологіи. Предметомъ своимъ онъ взялъ выясненіе понятія о мѣстоименіяхъ личныхъ путемъ практическимъ. На примѣрахъ, взятыхъ изъ прочитанной статьи, онъ опредѣлилъ названія этихъ мѣстоименій. Курсисты по поводу этого урока обсуждали возможныя варіаціи этого приѣма и

объ объемѣ грамматики для второклассныхъ школъ. Выказано было большинствомъ желаніе курсъ второклассныхъ школъ сдѣлать четырехгодичнымъ при прежней программѣ.

Б. Въ отдѣленіи, въ которомъ изучалась физика, химія и гигиена.

1. По физикѣ штатнымъ преподавателемъ Императорскаго наже-скаго корпуса, Яковомъ Игнатьевичемъ Ковальскимъ дано было 45 часовыхъ уроковъ по слѣдующей программѣ:

Введеніе: значеніе свѣдѣній о тѣлахъ и явленіяхъ природы для народныхъ школъ вообще и для второклассныхъ школъ въ частности. Необходимость опытовъ и наблюденій. Цѣль и характеръ предстоящихъ чтеній и практическихъ занятій на педагогическихъ курсахъ. Нѣкоторыя методическія и дидактическія указанія относительно занятій въ двухклассныхъ, второклассныхъ и учительскихъ школахъ.

I. Твердыя тѣла.

Стекло, его свойства и обработка стеклянныхъ трубокъ. *Металлы* (железо, сталь, чугунъ, бѣлая жечь, мѣдь, олово, свинецъ, платина и алюминій). Ихъ внѣшній видъ и физическія свойства. Дѣйствіе теплоты на металлы: взмѣненіе объема ихъ и плавленіе; приготовленіе сплавовъ; паяніе и луженіе; нѣкоторыя практическія примѣненія.

II. Жидкости.

Ртуть, вода, деревянное масло, керосинъ, спиртъ (винный и древесный), бензинъ и эфиръ. Ихъ внѣшній видъ, свойства и удѣльный вѣсъ. Обращеніе со ртутью и очищеніе ея. Жидкости, смѣшивающіяся между собою и несмѣшивающіяся. Раствореніе твердыхъ тѣлъ въ жидкостяхъ и выдѣленіе твердаго тѣла изъ раствора. Кристаллизація. Очищеніе поваренной соли, а вмѣстѣ съ этимъ характеристика свойствъ поваренной соли и нѣкоторыя свѣдѣнія о соляныхъ озерахъ и минеральныхъ источникахъ. Раствореніе металловъ въ ртути; амальгамированіе и золоченіе черезъ огонь; приготовленіе зеркалъ (при помощи амальгамы и химическимъ способомъ). Летучесть и горючесть нѣкоторыхъ жидкостей. Предосторожности при обращеніи съ керосиномъ, спиртомъ, бензиномъ и эфиромъ. Устройство лампъ для этого рода жидкостей. Расширеніе жидкостей отъ нагрѣванія. Термометры.

III. Воздухъ, какъ образецъ тѣлъ газообразныхъ.

Повсемѣстное присутствіе воздуха. Сжимаемость и упругость

его. Давленіе атмосферы и барометры. Необходимость воздуха для дыханія и горѣнія.

IV. Обще выводы изъ всего предыдущаго матеріала.

Три состоянія тѣлъ; распредѣленіе вещества въ тѣлахъ. Частичныя силы. Различныя виды притяженія: атомное, частичное, тяжесть и всемірное тяготѣніе. Законы всемірнаго тяготѣнія. Нѣкоторыя методическія указанія для школъ двухклассныхъ и второклассныхъ.

V. Тяжесть и дѣйствіе ея на тѣла твердыя, жидкія и газообразныя.

Направленіе отвѣсное и горизонтальное; отвѣсъ и ватерпасъ. Вѣсъ тѣлъ и единицы вѣса (русскія и международныя). Вѣсы и взвѣшываніе (провѣрка вѣсовъ). Законъ Паскаля и давленіе, производимое жидкостью вслѣдствіе вѣса. Давленіе жидкости на тѣла, погруженныя въ нее. Законъ Архимеда. Плаваніе тѣлъ и способы опредѣленія удѣльнаго вѣса. Равновѣсіе однородныхъ и разнородныхъ жидкостей въ сообщающихся сосудахъ. Тѣла газообразныя и законъ Бойля—Мариотта. Примѣненіе къ газамъ закона Паскаля и Архимеда.

VI. Магнитизмъ и электричество.

Магниты естественныя и искусственныя. Полюсы и взаимодѣйствіе ихъ. Магнитная индукція. Способы намагничиванія. Земной магнитизмъ.

Возбужденіе электричества треніемъ. Два рода электричества и взаимодѣйствіе между ними. Проводники и непроводники электричества. Возбужденіе электричества вліяніемъ. Сгущеніе электричества; дѣйствія электрическаго разряда. Гроза.

Различіе между электричествомъ статическимъ и динамическимъ. Электрическій токъ и способы его полученія прѣ помощи гальваническихъ элементовъ.

Дѣйствія электрическаго тока: электромагнитныя, тепловыя, свѣтovyя и химическія.

Возбужденіе токовъ токамп и магнитами.

VII. Основные вопросы изъ области космографіи.

Шаровидность земли, горизонтъ и небесная сфера.

Суточное вращеніе земли и, какъ результатъ этого, видимое суточное вращеніе небесаго свода. Главнѣйшія доказательства

суточного вращенія земли в разборъ недоразумѣній, возникающихъ при допущеніи суточного вращенія земли. Данныя изъ механики, необходимыя для пониманія и разъясненія явленій суточного вращенія земли.

Годовое движеніе землѣ; доказательства существованія этого движенія и данныя изъ механики, необходимыя для пониманія и разъясненія явленій годового движенія земли. Видимое перемѣщеніе солнца, какъ результатъ годового движенія земли. Распределеніе солнечнаго свѣта и теплоты на земной поверхности. Лучи свѣта и теплоты; отраженіе, преломленіе, поглощеніе и испусканіе лучей (попутно при этомъ было обращено вниманіе на плоскія и вогнутыя зеркала, на разложеніе свѣта на цвѣта, на сферическія стекла и устройство простѣйшихъ оптическихъ приборовъ). Цвѣтъ неба. Заря и сумерки. Миражи. Радуга.

Нагрѣваніе суши, воды и воздуха (одновременно съ этимъ были демонстрированы опыты относительно хорошихъ и дурныхъ проводниковъ теплоты и относительно переноса теплоты нагрѣтыми частицами воды и воздуха).

VIII. Въ заключительныхъ чтеніяхъ была демонстрирована та коллекція приборовъ и другихъ пособій, которая предназначена училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для разсылки во второклассныя школы, и сдѣланы нѣкоторыя общія указанія относительно желательной постановки преподаванія во второклассныхъ школахъ.

Кромѣ того въ дополнительныхъ чтеніяхъ, происходившихъ по праздникамъ, слушателямъ былъ демонстрированъ весь процессъ фотографированія.

Кромѣ 45 лекцій курсисты имѣли по физикѣ 120 часовъ вечернихъ практическихъ занятій. Задача лектора на вечернихъ занятіяхъ заключалась въ ознакомленіи курсистовъ съ приемами устройства простѣйшихъ физическихъ приборовъ. На этихъ практическихъ занятіяхъ курсисты научились обрабатывать стеклянныя трубки, т. е., гнуть ихъ, вытягивать и проч., готовить пробки для составленія приборовъ, плавить олово и свинецъ, готовить сплавъ, паять и вообще собирать и готовить для опытовъ наиболѣе простые приборы. Кромѣ того они ознакомились съ приемами фотографированія и въ удобное по состоянію погоды время занимались наблюденіями надъ луной, Сатурномъ и Юпитеромъ.

2. По естествознанію штатнымъ преподавателемъ Император-

скаго Папескаго Корпуса Иваномъ Ивановичемъ Полянскимъ прочтано было 40 лекцій по слѣдующей программѣ:

I. Химія съ минералогіей.

1-й урокъ. Общее понятіе о химически-простыхъ и сложныхъ тѣлахъ и химическихъ явленіяхъ: соединенія, разложенія и обмѣна; отличіе химическихъ соединеній отъ механическихъ смѣсей. Показать опыты: смѣсь порошка сѣры (сѣрнаго цвѣта) и желѣза, изъ которой желѣзо отдѣляется при помощи воды или магнита, и химическое соединеніе того и другого, получаемое нагрѣваніемъ указанной смѣси на желѣзной пластинкѣ; разложеніе окиси ртути на ртуть и кислородъ; отложеніе слоя мѣди на желѣзной пластинкѣ изъ раствора мѣднаго купороса, при чемъ вмѣсто мѣднаго получается желѣзный купоросъ (обмѣнъ или замѣщеніе). Раздѣленіе простыхъ тѣлъ на металлы и неметаллы (металлоиды) по ихъ внѣшнимъ нагляднымъ физическимъ свойствамъ на примѣрахъ кислорода, сѣры, желѣза и т. под.

2-й урокъ. Изученіе свойствъ кислорода: опыты сожиганія въ немъ угля, сѣры и желѣза. Кислородъ въ большомъ количествѣ долженъ быть полученъ изъ смѣси бертолетовой соли съ перекисью марганца или прокаленнымъ пескомъ; собирать его въ широкогорлыя бутылки надъ ванною съ водою. (Ради экономіи времени запасъ кислорода можетъ быть сдѣланъ до урока). Общее понятіе о горѣніи, какъ соединеніи тѣлъ съ кислородомъ; медленное горѣніе или окисленіе. Продукты соединенія тѣлъ съ кислородомъ; окислы кислотные и основные; кислоты, щелочи, соли. Показать цвѣтныя реакціи кислотъ и щелочей съ лакмусомъ, причемъ воспользоваться полученнымъ продуктомъ соединенія сѣры съ кислородомъ въ водѣ; нейтрализовать соляную кислоту ѣдкимъ натромъ и получить отсюда кристаллическую поваренную соль выпариваніемъ.

3-й урокъ. Водородъ и его свойства. Опыты: добываніе водорода дѣйствіемъ цинка или желѣза (гвоздей) на сѣрную кислоту; помѣщеніе горячей лучинки или восковой свѣчи въ цилиндрѣ (опрокинутомъ) съ водородомъ, причемъ водородъ зажжется и будетъ горѣть на мѣстѣ соприкосновенія съ воздухомъ, а свѣча внутри водорода потухнетъ; горѣніе струи водорода подъ стекляннымъ колоколомъ или утюгомъ, причемъ образуются капли воды. Гремучій газъ; получить его наложеніемъ другъ на друга и затѣмъ переменнымъ опрокидываніемъ двухъ цилиндровъ, изъ которыхъ одинъ наполненъ кислородомъ, а другой водородомъ;

взорвать гремучій газъ, отнимая цилиндры другъ отъ друга надъ пламенемъ спиртовой лампы.

4-й урокъ. Азотъ и его свойства. Получить азотъ сжиганіемъ спирта (взятаго посредствомъ намоченной имъ ваты) подъ стекляннымъ колоколомъ надъ известковою водою; показать, что зажженная лучина (опущенная подъ колоколъ чрезъ его горлышко) тухнетъ въ азотѣ. Составъ воздуха. Упомянуть о соединеніяхъ азота съ кислородомъ и полученіи ихъ въ воздухѣ, во время грозы. Азотная кислота и амміакъ. Азотную кислоту показать готовую, а амміакъ получить въ газообразномъ состояніи изъ смѣси хлористаго аммонія (напатыри) съ гашеною известью: смѣсь помещается въ колбѣ, откуда амміакъ выдѣляется, при нагрѣваніи, по газоотводной трубкѣ и собирается въ сухой опрокинутой бутылѣ; раствореніе амміака въ водѣ: полученіе такъ пазываемаго нашатырнаго спирта.

5-й урокъ. Хлоръ и соляная кислота. И то и другое можно показать на урокъ готовыми; на практическихъ же занятіяхъ добыть хлоръ изъ соляной кислоты дѣйствіемъ на нее перекиси марганца и хлористо-водородный газъ—дѣйствіемъ сѣрной кислоты на хлористый натрій (поваренную соль); и то и другое собирать въ бутылкахъ съ горломъ кверху. Замѣчаніе о бромѣ и іодѣ. Повтореніе предыдущаго.

6-й урокъ. Сѣра кристаллическая и аморфная; ея добываніе. Напомнить опытъ горѣнія сѣры въ кислородѣ; получить аморфную сѣру выливаніемъ струи расплавленной въ колбѣ или пробиркѣ обыкновенной сѣры въ холодную воду (расплавленная первоначально сѣра при дальнѣйшемъ нагрѣваніи застываетъ, потомъ снова расплавляется, послѣ чего ее и слѣдуетъ выливать). Сѣрная кислота; сѣроводородъ. Получить послѣдній дѣйствіемъ сѣрной кислоты на сѣрнистое желѣзо, напомнивши при этомъ объ образованіи сѣроводорода въ природѣ при разложеніи органическихъ веществъ. Фосфоръ желтый и красный; его добываніе изъ костей. Приготовленіе спичекъ. Напомнить опытъ сжиганія фосфора въ кислородѣ. Упомянуть о фосфорной кислотѣ и соединеніяхъ фосфора съ водородомъ.

7-й урокъ. Углеродъ и его видоизмѣненія: уголь, графитъ, алмазь. Различные виды углей: древесный и каменный уголь—магнитъ, антрацитъ, торфъ; условія образованія и распространеніе послѣднихъ въ природѣ; добываніе ихъ. Въ качествѣ аналогіи съ образованіемъ углей въ природѣ, какъ продукта разложепія

органическихъ веществъ безъ доступа воздуха, сдѣлать сухую перегонку дерева (сухія березовыя лучинки въ тугоплавкой изогнутой пробиркѣ) для полученія угля и попутно горючихъ продуктовъ разложенія—газообразныхъ и жидкихъ. Повтореніе предыдущаго.

8-й урокъ. Соединенія углерода съ кислородомъ: угарный и углекислый газы. Получить послѣдній дѣйствіемъ соляной кислоты на мраморъ или мѣль; собрать его въ цилиндръ и показать, что онъ тяжелѣе воздуха и что горѣніе въ немъ невозможно, т. е. передить его изъ одного цилиндра въ другой и опустить въ него зажженную лучинку. Замѣчаніе о соединеніяхъ углерода съ водородомъ: газообразныхъ, жидкихъ (нефть) и твердыхъ; сказать нѣсколько словъ о добываніи нефти. Опытъ: собрать въ болотѣ болотный газъ, т. е. выдѣляющіеся со дна болота, когда идешь по нему, пузырьки этого газа, и сжечь его.

9-й урокъ. Общая характеристика главнѣйшихъ металловъ. Выяснить, почему металлы, за исключеніемъ благородныхъ, не встрѣчаются или почти не встрѣчаются въ природѣ въ чистомъ видѣ. Наглядно показать это опытами окисленія желѣза и мѣди на воздухѣ (особенно при накаливаніи) и калия на воздухѣ и въ водѣ (въ послѣднемъ случаѣ получается пламя освобождающагося изъ воды водорода). Воспроизвести типы соединеній металловъ съ неметаллами: окислы, соли, сѣрнистые металлы. Эта часть урока будетъ имѣть значеніе повторенія предыдущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ введеніемъ въ слѣдующіе затѣмъ уроки минералогіи, такъ какъ минералы суть или окислы металловъ, или соли, или же сѣрнистые металлы. Наиболѣе подробному ознакомленію частными свойствами главнѣйшихъ металловъ и добыванію ихъ изъ рудъ или росыпей удобнѣе посвятить отдѣльный урокъ въ концѣ минералогіи.

10-й урокъ. Понятіе о минералѣ и горной породѣ—простой и сложной. Происхожденіе и распредѣленіе горныхъ породъ. Общая характеристика свойствъ минераловъ, помимо ихъ химическаго состава: форма кристаллическая и аморфная, твердость (замѣчаніе о скалѣ твердости, которая должна имѣться въ коллекціи), цвѣтъ, блескъ, спайность, удѣльный вѣсъ, растворимость въ водѣ. Все демонстрировать на минералахъ.

11-й урокъ. Каменная (поваренная) соль; ея распространеніе въ природѣ и добываніе. Селитра; ея роль въ питаніи растений. Демонстрировать богатство селитры кислородомъ (чѣмъ обуслови-

вается ея примѣненіе при приготовленіи пороха) вспышкой ея на раскаленномъ углѣ или въ пробиркѣ, гдѣ селитра расплавляется и въ нее затѣмъ бросается кусочекъ сѣры. Гипсъ; его примѣненіе въ скульптурѣ.

12-й урокъ. Известь негашеная и гашеная, известнякъ, мѣль, мраморъ, известковый туфъ; сталактиты и сталагмиты. Опыты: дѣйствіе воды на негашеную известь, выдѣленіе изъ известняковъ углекислаго газа дѣйствіемъ кислотъ (капля кислоты на поверхности минерала). Сказать о роли организмовъ въ образованіи известняковъ и показать известковыя раковины какихъ-либо животныхъ и отпечатки ихъ на плитахъ известняка.

13-й урокъ. Кварцъ—его кристаллическія и аморфныя разновидности: кварцъ бѣлый (молочный) и розовый, горный хрусталь, дымчатый хрусталь, аметистъ, кремь, яшма. Полевой шпатъ съ его разновидностями. Слюда черная и бѣлая. Сравненіе всѣхъ пройденныхъ минераловъ по химическому составу, твердости (черченіе минераловъ другъ-другомъ и находящимися въ скалѣ твердости), цвѣту, растворимости въ водѣ. Химическій составъ долженъ быть указываемъ схематично, напр., кварцъ есть окисель кремнія, полевой шпатъ—соединеніе окисловъ кремнія, алюминія и какого-либо непостояннаго третьяго окисла (калія, натрія и т. п.), бѣлая слюда есть соединеніе окисловъ алюминія, кремнія и калия, въ черной слюдѣ мѣсто окисла калия занимаетъ окисель магнія; негашеная известь есть окисель кальція, гашеная—окисель кальція + вода, известнякъ—окисель кальція + углекислый газъ и т. д.

14-й урокъ. Сложныя горныя породы: примѣромъ массивныхъ породъ указать гранитъ (финляндскій и сердобольскій), примѣромъ слоистыхъ породъ—гнейсъ. И тотъ и другой состоятъ изъ указанныхъ въ предшествующемъ урокѣ минераловъ. Обломочныя породы—песокъ и глина; цементированныя-песчаникъ. Происхожденіе массивныхъ, слоистыхъ и обломочныхъ породъ и ихъ распредѣленіе въ земной корѣ. Свойства глины и ея разновидности. Опыты: насыщенная водою глина не пропускаетъ болѣе воды—вода въ глиняномъ сосудѣ; глина вбираетъ красящія пахучія и жирныя вещества: пропусканіе чрезъ трубку съ глиною, поставленную вертикально и съ нижняго конца обернутую тряпкой (чтобы глина не высыпалась), воды, окрашенной въ какую-нибудь краску (напримѣръ, сандалъ) и неприятно пахучей жидкости (напр. разложившейся мочи), выведеніе жирныхъ пятенъ гли-

ною; глина вбираетъ въ себя много воды: равное по вѣсу количество песку и глины обливается водою и послѣ того взвѣшивается.

15-й урокъ. О почвѣ. Составъ и происхожденіе почвы. Виды почвъ: черноземная, глинистая, песчаная, известковая, мергельная или рухляковая, супесчаная и суглинистая, лессовая, солончакъ-вая. Обработка и удобрение почвы. На практическихъ занятіяхъ сдѣлать анализъ почвы: удалить влагу просушиваніемъ, органическія вещества—прокаливаемъ, примѣсь известняка-кислотою, глину и песокъ раздѣлить отмучиваніемъ; послѣ каждой операціи произвести взвѣшиваніе.

16-й урокъ. Добываніе золота изъ росыпей и желѣза изъ рудъ; доменная печь. Сравнить свойства и практическое примѣненіе желѣза, чугуна и стали. Сказать кратко о платинѣ, серебрѣ, мѣди, свинцѣ, оловѣ, ихъ добываніи и практическомъ примѣненіи. Говори о рудахъ, нужно сдѣлать только ихъ общую характеристику, не перечисляя въ отдѣльности. Руда есть такое соединеніе металла съ другими тѣлами, откуда металлъ сравнительно легко добывается; главное мѣсто принадлежитъ здѣсь соединеніямъ металловъ съ кислородомъ (окислы) и сѣрою (сѣрнистые металлы); этого для учениковъ достаточно.

II. Б О Т А Н И К А.

17-й урокъ. Общій взглядъ на разнообразіе растительной жизни на землѣ. Раздѣленіе растений на цвѣтковые и споровыя. Устройство сѣмени и раздѣленіе цвѣтковыхъ на одно-дву-и много-дольныя. Вышнее устройство частей растенія: стебель и его подземныя видоизмѣненія (корневище, луковица, клубень). Корень, главные и придаточные корни, корневые волоски. Листъ простой и сложный. Все показать на растеніяхъ.

18-й урокъ. Цвѣтокъ: его части и назначеніе каждой изъ нихъ. Кратко охарактеризовать типичныя соцвѣтія (кисть, колосъ, сережку, початокъ, шишку, зонтикъ, головку, корзинку), не заставляя учениковъ заучивать ихъ, а имѣя въ виду лишь то, чтобы соцвѣтія не смѣшивались съ отдѣльными цвѣтами. Устройство плода, его типичныя виды: сѣмянка, орѣхъ, бобъ, стручекъ, коробочка, костянка, ягода. Все разсмотрѣть въ натурѣ.

19-й урокъ. Разсмотрѣть устройство 2—3 однодольныхъ и столькихъ же двудольныхъ растеній, какія имѣются подъ руками. Цѣль урока—выяснить принципы систематики; самую же систематику, т. е. знакомство съ наиболѣе типичными семействами растеній,

всецѣло отнести на практическія занятія. При этомъ нужно научить, какъ пользоваться опредѣлителемъ растений.

20-й урокъ. Внутреннее (микроскопическое) устройство растений. Кѣтка: ея составныя части и дѣленіе. Понятіе объ одно-кѣточныхъ и много-кѣточныхъ организмахъ. Разнообразіе кѣтокъ, въ зависимости отъ функціи и положенія ихъ въ организмѣ. Рассмотрѣть нѣсколько примѣровъ подъ микроскопомъ.

21-й урокъ. Соединеніе кѣтокъ въ ткани: кожицу, паренхиму и сосулисто-волокнистые пучки. Распредѣленіе тканей въ отдѣльныхъ органахъ: стеблѣ, корнѣ и листѣ. Показать все подъ микроскопомъ. На практическихъ занятіяхъ ученики сами должны сдѣлать нѣсколько препаратовъ: получить тонкіе срѣзы изъ частей растенія бритвою, положить ихъ въ глицеринъ между предметнымъ и покровнымъ стеклами и заклеить асфальтовымъ лакомъ.

22 – 23-й уроки. Жизнь растений. Проростаніе растенія изъ сѣмени. Питаніе взрослыхъ растеній: элементы пищи и образующіеся изъ нихъ органическіе продукты. Роль хлорофилла и значеніе свѣта въ образованіи послѣднихъ. Опыты и наблюденія: посадить въ землю сѣмена гороха, фасоли, кукурузы, ржи или какія-либо другія и, вырывая изъ земли молодыя растенія на различныхъ ступеняхъ развитія, наблюдать за появленіемъ и постепеннымъ измѣненіемъ всѣхъ частей растенія; обратить вниманіе на превращеніе у фасоли сѣмянодолей въ первую пару листьевъ. Дать прорости какъ-либо сѣменамъ на влажномъ войлокѣ или на влажномъ прокаленномъ пескѣ и затѣмъ высушить ихъ вмѣстѣ съ ростками (для удаленія восавной воды) и взвѣсить, для доказательства того, что зародышъ пользуется только запасными веществами сѣмени и что вначалѣ проростанія происходитъ не увеличеніе, а уменьшеніе вѣса. Выростить кукурузу въ питательномъ растворѣ (безъ почвы); наблюдать надъ послѣдствіями отсутствія въ растворѣ отдѣльныхъ элементовъ: калия, желѣза, азота и т. д. Доказать присутствіе діастаза въ сѣменахъ солода дѣйствіемъ профильтрованного настоя послѣдняго на жидкій крахмальный клейстеръ въ присутствія кислоты въ корнѣ-слѣдами послѣдняго на мраморной доскѣ, зарытой въ почву, на который посажены сѣмена, или на двустворчатой раковинѣ. Доказать, что растеніе получаетъ углеродъ не изъ почвы, а изъ углекислоты воздуха, причемъ, отщепляя отъ послѣдняго углеродъ, выдѣляетъ кислородъ: посадить растеніе подъ стекляннымъ колпакомъ, гдѣ нѣтъ углекислаго газа (онъ поглотивъ поставленною подъ колпакъ известковою водою),

но въ ночь подмѣшанъ уголь; съ другой стороны, положить свѣжихъ листьевъ въ стаканъ, наполненный водою и опрокинутый въ стеклянную банку тоже съ водою (чтобы изъ стакана вода не могла вылиться): въ первомъ случаѣ растеніе не будетъ обогащаться углеродомъ, а во вторыхъ оно извлечетъ его изъ углекислаго газа, раствореннаго въ водѣ, доказательствомъ чего послужатъ выдѣляющіеся пузырьки кислорода.

24-й урокъ. Пути, направленіе и причина передвиженія воды съ растворенными въ ней минеральными веществами и ассимилированными органическими веществъ по растенію. Осмосъ, испареніе воды, корневая сила. Для наблюденія надъ осмосомъ, нужно 1) опустить въ воду стеклянный цилиндръ, наполненный насыщеннымъ растворомъ сахара и обвязанный съ обѣихъ концовъ пузыремъ, 2) опустить мѣшочекъ изъ пузыря съ растворомъ танина въ растворъ хлорнаго желѣза. Испареніе воды и его вліяніе хорошо наблюдать въ приборѣ, представляющемъ U—образную трубку, на днѣ которой имѣется ртуть, а надъ нею въ одномъ колѣнѣ налита вода и вставлено растеніе съ листьями: ртуть въ этомъ колѣнѣ, вслѣдствіе испаренія воды растеніемъ, будетъ подниматься. Для наблюденія надъ корневою силою надѣть на стебель со срѣзанною верхушкою, но хорошо развитою и неповрежденною корневою системою стеклянную трубку: въ послѣдней будетъ подниматься сокъ растенія. Просверлить въ одномъ растеніи древесину, не нарушая, по возможности, коры, а въ другомъ, наоборотъ, сдѣлать кольцеобразную вырѣзку въ корѣ, не нарушая древесины: въ первомъ случаѣ растеніе завянетъ и тѣмъ покажетъ, что вода съ растворенными въ ней минеральными веществами движется изъ почвы вверхъ по древесинѣ растенія; во второмъ случаѣ растеніе будетъ утолщаться только выше вырѣзки, откуда слѣдуетъ, что органическія вещества движутся сверху, гдѣ приготавлиются, внизъ по корѣ.

25-й урокъ. Дыханіе растеній; сравненіе этого процесса съ поглощеніемъ растеніемъ углекислоты. Направленіе роста стебля и корня (вслѣдствіе неодинаковой упругости коры); гелиотропизмъ и геотропизмъ. Опыты: горящая лучина, опущенная въ цилиндръ, на днѣ котораго 12—24 лежатъ проростающія сѣмена, тухнетъ отъ углекислаго газа; полоска коры, снятая со свѣжаго молодого стебля, въ силу упругости (обусловливающей ростъ стебля кверху) укоротится. Сдѣлать наблюденіе, что при одностороннемъ освѣщеніи стебель наклоняется къ свѣту.

26-й урокъ. Размноженіе растеній. Безполое размноженіе: естественное (почками, усамы, корневищами, луковичами, клубнями) и искусственное (черенками, отводкою, прививкою); половое размноженіе и роль насѣкомыхъ при этомъ. Сдѣлать наблюденіе надъ всѣми указанными способами размноженія; между прочимъ, изолированно посадить мужскіе и женскіе экземпляры двудомныхъ растеній и нѣкоторые изъ женскихъ цвѣтовъ оплодотворить пылью, а другіе оставить, наблюдая, что изъ того и другого выйдетъ.

27-й урокъ. Споровыя растенія. Папоротники, мхи, хвощи, водоросли: общее понятіе на немногихъ примѣрахъ (орлякъ, кукушкинъ ленъ, хвощъ лѣсной, спирогира) о ихъ формѣ, строеніи и способахъ размноженія. Все демонстрировать растеніями; споры, спирогиру и т. п. рассмотреть подъ микроскопомъ.

28-й урокъ. Грибы. Общее понятіе объ ихъ устройствѣ и питаніи, въ отличіе отъ питанія хлорофильныхъ растеній. Грибы гнилостныя и паразитныя. Описать устройство одного изъ высшихъ грибовъ и обратить особенное вниманіе на грибы паразитныя, причиняющіе болѣзни растеній: ржавчинныя грибы, головневые, плѣсневые, спорынья и т. п.; указать извѣстныя способы борьбы съ ними. Познакомиться съ ихъ строеніемъ посредствомъ микроскопа. Дать общее понятіе о дрожжахъ и броженіи.

29-й урокъ. Бактеріи—болѣзнетворныя, гнилостныя и нитрофицирующія. Выясненіе условій зараженія болѣзнетворными бактеріями и указаніе предохранительныхъ отъ зараженія мѣръ. Для примѣра познакомить съ бактеріями—чахоточной, тифозной, холерной и сибирской язвы. Опыты: сдѣлать культуру сѣнной бактеріи и рассмотреть ее подъ микроскопомъ; повторить опытъ Пастера: прокипятить бульонъ въ колбѣ съ плотно вставленной, загнутой внизъ длинной трубкой и оставить его стоять: бульонъ останется чистымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ удалена загнутая часть трубки (препятствующая паденію изъ воздуха въ колбу зародышей бактерій), послѣ чего онъ помутнѣетъ и покроется плѣсенью (отъ развившихся микроорганизмовъ); загнутую трубку можно замѣнить гигроскопическою ватою.

III. Зоология.

30-й урокъ. Общій типъ организаціи млекопитающихъ животныхъ: скелеть, мышцы, органы кровообращенія, дыханія, выдѣленія и нервная система; назначеніе всѣхъ указанныхъ частей. Рассмотрѣть все это на примѣрѣ какого либо хищнаго животного

(кошки или собаки) и при этомъ, за одно, указать главнѣйшія отличительныя особенности хищныхъ.

31-й урокъ. Общая характеристика главнѣйшихъ отрядовъ млекопитающихъ, съ указаніемъ наиболѣе извѣстныхъ ихъ, представителей: насекомоядныя (ежъ, землеройка, выхухоль, кротъ), рукокрылыя (летучая мышь), грызуны (бѣлка, сусликъ, хорь, мышь, кроликъ, заяцъ, бобръ), парно-копытныя (корова, верблюдъ, олень, лось), непарнокопытныя (лошадь), хоботныя (слонъ), ластоногія (тюлень, моржъ), сумчатыя (кенгуру), птицевѣри (утконосъ), китообразныя (кашалотъ, китъ). Преимущественное вниманіе обратить на животныхъ наиболѣе полезныхъ и вредныхъ человѣку и на способы борьбы съ послѣдними. Необходимо имѣть скелеты нѣкоторыхъ животныхъ и рисунки. Вскрыть какое либо животное и рассмотреть его внутренности.

32-й урокъ. Птицы. Главнѣйшія особенности въ ихъ организаціи, по сравненію съ млекопитающими. Самая общая характеристика главнѣйшихъ отрядовъ птицъ, съ указаніемъ нѣкоторыхъ представителей: бѣгающія (страусъ), хищныя (орлы, соколы, ястребы, совы), плавающія (утки, гуси, лебеди), голенастыя (аисты, цапли, журавли, кулики), лазящія (дятлы, кукушки), голубиныя, воробьиныя (пѣвчія птицы). Птицы наиболѣе полезныя и вредныя. Черелеты птицъ. Рисунки, скелеты и вскрытіе какой либо птицы.

33-й урокъ. Пресмыкающіяся и земноводныя. Общая характеристика на примѣрахъ ящерицы, гадюки (при этомъ сказать о предохранительныхъ мѣрахъ отъ зараженія при укушеніяхъ змѣй) и лягушки. Вскрыть лягушку и рассмотреть ея организацію.

34-й урокъ. Рыбы. Общая характеристика ихъ организаціи на примѣрѣ окуня, котораго нужно вскрыть. Рыбы костистыя и хрящевыя. Употребленіе рыбы и рыбные промыслы.

35-й урокъ. Общій типъ организаціи насекомыхъ на примѣрѣ жука. Развитіе насекомыхъ. Пчелы: раздѣленіе и образъ жизни ихъ; пчеловодство, съ которымъ познакомиться на ближайшей пасѣкѣ. Образъ жизни муравьевъ. Бабочки вообще и шелководныя въ частности; шелководство. Общее замѣчаніе объ остальныхъ отрядахъ насекомыхъ. Обратитъ вниманіе на насекомыхъ вредныхъ (саранча, прусику, кобылка, гессенская муха, пилильщикъ, бузъка, моль и др.) и на способы борьбы съ ними.

36-й урокъ. Паукообразныя: паукъ крестовикъ, тарантулъ, скорпионъ. Ракообразныя: вскрыть и рассмотреть организацію рѣчного рака.

37-й урокъ. Черви: кольчатые (пѣвка дождевой червь), круглые (трихина, аскарида, острица), плоскіе (солитеръ, ланцетъ, двуустка). Ихъ организація и развитіе. Условія зараженія паразитными червями и предохранительныя мѣры. На практическихъ занятіяхъ дать мясо, зараженное трихинами и финками (это мясо сохранять въ спирту) и научить, какъ, при помощи лупы, узнавать его.

38-й урокъ. Моллюски. Общая характеристика на примѣрѣ каракатицы, устрицы (или беззубки) и слизня садового, которыхъ рассмотреть на практическихъ занятіяхъ. О раковинахъ моллюсковъ. Замѣчаніе о морской звѣздѣ.

39-й урокъ. Кишечнополоствыя животныя: гидра, медуза, кораллы. Происхожденіе коралловыхъ острововъ и рифовъ. Губки. Найти гидру въ болотной водѣ и рассмотреть живую подъ лупой.

40-й урокъ. Простѣйшія животныя. Амеба и корненожки съ раковинами. Роль простѣйшихъ при образованіи мѣла. Инфузоріи: найти ихъ въ водѣ (стоящей, гниющей), при помощи лупы и микроскопа. Размноженіе простѣйшихъ и ихъ распространеніе въ природѣ. Дать общую картину упрощенія организаціи животныхъ по мѣрѣ перехода отъ млекопитающихъ къ простѣйшимъ и разъяснить, какъ возможно совмѣщеніе всѣхъ жизненныхъ отправленій въ одноклѣточномъ организмѣ.

Кромѣ теоретическихъ лекцій, по естествознанію, такъ же какъ и по физикѣ, употреблено было до 110 часовъ на вечернія практическія занятія курсистовъ и на научныя экскурсіи.

3. По гигиенѣ въ связи съ анатоміей и физиологіей человѣческаго тѣла докторомъ медицины Яковомъ Яковлевичемъ Трутовскимъ прочитано было 15 лекцій, содержаніе которыхъ было слѣдующее:

Лекція 1.

- 1) Опредѣленіе анатоміи, физиологіи и гигиены.
- 2) Дѣленіе человѣческаго тѣла на части и костяной его остовъ.
- 3) *Сочлененія* костей. Механическое строеніе костей.
- 4) *Мышцы* человѣческаго тѣла: ихъ расположеніе, строеніе, сократительность.
- 5) *Работа* мышцъ и согласное дѣйствіе различныхъ мышечныхъ группъ.
- 6) *Нервы*, черепной и спинной мозгъ. Функція этихъ органовъ.
- 7) *Симпатическая* нервная система.
- 8) *Органы чувствъ*: кожа, ея строеніе и ея физиологическое зна-

ченіе. Волоса, ихъ фізіологическое значеніе. Кожное сало. Значеніе его для организма. Потъ. Подкожная влѣтчатка. Кровеносные сосуды кожи в ея первы. Чувство осизавія. Цвѣтъ кожи.

9) *Глазъ и зрѣніе*. Устройство глаза: вѣки, роговая оболочка, передняя камера глаза, соединительная оболочка, радужная оболочка, хрусталикъ, сосудистая оболочка, сѣтчатая оболочка и зрительный нервъ. Мышцы глаза. Рѣсничное тѣло, мышца суживающая и расширяющая зрачекъ. Аккомодация глаза. Близорукость в дальнорукость. Причины развитія той и другой. Исправленіе этихъ недостатковъ. Значеніе слезъ. Болѣзни вѣкъ. Гигіена глазъ. Болѣзни глазъ: трахома, бленоррея глаза. Оспа.

Лекція II.

Ухо. Строеніе его. Наружный слуховой проходъ, среднее ухо, барабанная перепонка, слуховыя косточки, внутреннее ухо, Евстаіева труба, ушная сѣра, продыравленіе барабанной перепонки: истеченіе изъ уха—глухота; гигиена уха; осторожное съ нимъ обращеніе; не тянуть за уши; не быть по уху; не копать въ ушахъ. Упражненіе зрѣнія и слуха.

10) *Лицо* и его выраженіе. Отраженныя движенія. Тоническое состояніе мышцъ и нервовъ.

11) *Носъ*. Слизистая оболочка. Обоняніе.

12) *Гортань*; рѣчь. *Шея*, кадыкъ, дыхательное горло. Голововыя связки, параличи ихъ. Рѣчь. Щитовая железа. Ея фізіологическое значеніе. Зобъ. Его распространеніе. Припадки Базедовой болѣзни. Гигіена шеи. *Грудная полость*. *Легкія*. Ихъ строеніе. Ихъ оболочки: слизистая и серозная. Механизмъ дыханія.

Лекція III.

Ротъ и языкъ. Его строеніе, сосочки языка. Чувство вкуса. Зубы, число ихъ. Молочныя и постоянныя зубы. Гигіена зубовъ. Жевательныя мышцы. Слюнныя железы. Глотка. Пищеводъ. Желудокъ. Строеніе его. Движеніе его. Железы желудка. Двѣнадцатиперстная кишка. Поджелудочная железа. Печень. Желчный пузырь. Тонкія кишки. Строеніе ихъ. Ворсинки. Длина желудочно-кишечнаго канала. Прямая кишка.

Обмѣнъ силъ и веществъ. Калорія. Физическія и химическія силы. Понятіе объ элементахъ и горѣніи. Питательныя вещества: бѣлковыя, жировыя и крахмалистосахаристыя. Составъ и количество пищи. Измѣненіе количества пищи въ зависимости отъ дѣятельности, отъ пола, отъ беременности, отъ возраста (дѣти ѣдятъ по отношенію къ вѣсу въ 2—3 раза больше взрослыхъ). Пища и

пищевыя средства: растительныя и животныя. Молоко. Зерна растеній. Мясо. Рыба. Овощи. Вегетарьянцы и ихъ діета. Постная пища. Растительное масло. Вкусовые вещества. Чай, кофе, какао. Напитки, вода. Растительные соки и ихъ броженіе; продуктъ броженія: спиртъ. Слабые, средніе и крѣпкіе напитки: хлѣбные и плодовые. Количество спирта въ квасѣ (1—2%), пивѣ (3—6%), винахъ (10—15%), водкѣ (40%), коньякѣ и ромѣ (60%). Опьяненіе. Хроническое пьянство. Преступленіе, какъ результатъ пьянства.

Лекція IV.

Пищевареніе. Физическая сторона пищеваренія. Измельченіе пищевыхъ веществъ, глотаніе. Движеніе перистальтическое и антиперистальтическое. Химизмъ пищеваренія: ротовое пищевареніе, желудочное пищевареніе. Ферменты вообще. Пептоны. Пищевая кашица. Панкреатическое пищевареніе. Значеніе желчи. Дезинфицирующее ея вліяніе. Защитительная роль печени для организма. Кишечное пищевареніе. Всасываніе кашицы. Ворсинка и ея строеніе. Удобоваримость различныхъ пищевыхъ веществъ: хлѣбныхъ зеренъ, картофеля; усвояемость бѣлаго хлѣба. Усвояемость чернаго хлѣба. Млечный сокъ и лимфа. Млечные и лимфатическіе сосуды. Лимфатическія тѣльца и железы. Воспаленіе и нагноеніе.

Лекція V.

Заболѣванія органовъ пищеваренія. Недостатокъ пищи, избытокъ ея. Несвоевременность приемовъ пищи. Подагра. Порча пищи. Порча молока. Чистота его полученія. Жемчужная болѣзнь. Дѣтская холера. Брюшной тифъ. Настоящая холера. Порча мяса. Трихинны. Отравленіе мясомъ, рыбой, сыромъ и колбасами. Рожки-спорынья. Злая корча. Кукуруза—пеллагра. Фальсификація пищевыхъ продуктовъ. Гигіена приемовъ пищи. Приятность пищи. Цынга. Слишкомъ горячая пища—катарры слизистыхъ оболочекъ. Слишкомъ холодная пища. Консервированіе пищевыхъ продуктовъ: солонья, соленая рыба. Сушеніе; сухарный поносъ. Соленіе овощей. Заливаніе въ масла и маринады.

Лекція VI.

1. *Кровь*. Составныя ея части: кровяныя тѣльца и плазма. Количество кровяныхъ тѣлецъ. Ихъ свойства. Происхожденіе. Селезенка. Костный мозгъ. Свертываемость крови. Причина этого явленія. Красящее вещество крови. Химическія свойства гемоглобина. Отравленіе овисью углерода. Количество крови. Переливаніе крови.

2. Сердце. Анатомія его. Аорта, большіе сосуды. Артерій и вены. Капилляры. Ихъ свойства. Расположеніе сосудовъ. Схема кровообращенія. Большой и малый кругъ кровообращенія.

3. Дыханіе. Его механизмъ.

Лекція VII.

Малокровіе, его проявленія, предупрежденіе и лѣченіе. Пороки сердца и сосудовъ. Ожиреніе сердца. Сердечные тоны. Ихъ выслушиваніе.

Болѣзни органовъ дыханія: насморкъ острый и хроническій. Катарръ гортани и дыхательныхъ путей. Эмфизема легкихъ и ихъ воспаленіе. Чихотка легкихъ, ея распространенность и участіе въ общей смертности. Причины развитія чихотки. Бугорокъ и бактеріа Коха. Курорты. Дезинфекція легкихъ.

Дыхательные шумы. Постукиваніе и выслушиваніе легкихъ. Механизмъ усиленнаго и затрудненнаго дыханія. Одышка.

Лекція VIII.

Моча. Значеніе ея для организма. Составъ ея. Мочевые органы: почка, ея строеніе. Мочеточники и мочевой пузырь. Воспаленіе почекъ. Каменная болѣзнь. Гигіена мочевыхъ органовъ.

Родовая дѣятельность. Роды. Уходъ за новорожденнымъ и роженицами. Кормленіе новорожденныхъ и ихъ матерей.

Происхожденіе болѣзней и охрана здоровья. Бактеріи. Токсины и антитоксины. Приготовленіе ихъ. Прививка бѣшенства. Антидифтеритная сыворотка. Сопротивляемость организма. Работа, какъ упражненіе. Ремесла годныя для упражненія: столярное, плотничное, токарное. Подвижныя игры. Спортъ: 1) общаго характера; 2) спеціальнй. Гимнастика: 1) безъ отягощенія. Френкелевскій способъ лѣченія tabis'a; 2) съ отягощеніемъ; 3) гимнастика съ аппаратами. Уходъ за тѣломъ. Ванны, души. Обтиранія; значеніе ихъ при различныхъ нервныхъ заболѣваніяхъ. Горячія ванны, паровыя ванны. Бани.

Лекція IX.

Воздухъ, его физическія свойства и химическій составъ. Движеніе воздуха и его причины. Вѣтры. Циклоны и антициклоны. Климатъ и акклиматизація. Механическія примѣсы къ воздуху. Значеніе углекислаго газа. Вліяніе спертаго, жидкого воздуха.

Солнцъ. Значеніе его для жизни и здоровья.

Почва. Населенія земной коры. Участіе въ ихъ образованіи растений и животныхъ. Составъ почвы: песокъ и глина. Порозность почвы и почвенная вода. Колодцы и болота. Сырая и сухая почва.

Почва, удобная для жилья. Болотистыя мѣста. Загрязненіе рѣкъ. Значеніе растительности.

Жилище. Матеріалъ для постройки жилищъ. Вмѣстимость жилищныхъ помѣщеній и устройство фундамента. Подполье и полъ въ избѣ, хатѣ и городскихъ домахъ. Стѣны, потолокъ, крыша, двери и окна. Меблировка и содержаніе сельскихъ избъ и городскихъ домовъ. Обеззараживаніе жилищъ.

Лекція X.

Отопленіе. Комнатныя печи. Воздухогрѣбныя печи. Центральное отопленіе. Вентиляція естественная и искусственная въ связи съ отопленіемъ.

Освѣщеніе—искусственное жилищныхъ помѣщеній.

Удаленіе нечистотъ вообще. Отношеніе къ нимъ почвы. Отхожія и помойныя ямы. Отхожія мѣста. Земляные и торфяные клозеты. Канализація сточная и сплавная. Утилизированіе нечистотъ. Сожиганіе ихъ.

Лекція XI.

Вода. Качества хорошей воды. Вода ключевая, колодезная, рѣчная, морская, минеральная. Очищеніе воды. Водоснабженіе. Устройство водопроводовъ и пользованіе ими.

Одежда. Проходимость одежды для воздуха и теплопроводимость одежды. Содержаніе и обеззараживаніе одежды. Форма одежды и пользованіе ею. Корсеты. Обувь. Одѣваніе въ зависимости отъ пола, возраста, времени года и т. п.

Лекція XII.

Базары, рынки. Бойни. Надзоръ за мясомъ и молокомъ. Промышленныя заведенія. Свалочные пункты. Загрязненіе нечистотами рѣкъ и мѣры противъ этого. Кладбища. Общественная и взаимная помощь въ острой и затяжной нуждѣ. Борьба съ нищенствомъ. Борьба съ пьянствомъ.

Лекція XIII.

Рабочій трудъ вообще. Продолжительность работы. Условія производства работы. Среда и орудія. Положеніе тѣла. Работа женщннъ и дѣтей. Ночная работа. Обезпеченіе рабочихъ. Обученіе ихъ и развлеченія. Сельскія работы.

Лекція XIV.

Убогіе, дряхлые и дѣти-сироты. Приюты и воспитательные дома. Народная медицина. Амбулаторіи и больницы.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ: I. *Травматическія поврежденія.* Ушибы, растяженія, вывихи, переломы, раны про-

стыя и отравленныя, Кровотеченія. II. *Физическія вліянія*. Солнечный ударъ. Тепловой ударъ. Пораженіе молніей. Ожогн. Обморокъ. Отличіе мнимой смерти отъ истинной. Оживленіе. Искусственное дыханіе. Замерзаніе. III. *Удушья*. Утопленіе, особые при немъ приемы искусственнаго дыханія. IV. *Отравленія* разными ядами. Угораніе. Оньяненіе. V. *Припадки* отъ внутреннѣхъ причинъ: обморокъ, ударъ, падучая, клякушество. VI. *Заразныя болѣзни вообще*: лихорадка, сифлисъ; острия сыпя; дифтеритъ; коклюшъ. Оспопрививаніе. Тифъ. Cholera. Чума. Международныя мѣры. Собачье бѣшенство, сибирская язва, сапъ, ящуръ.

Лекція XV.

Воспитаніе и обученіе вообще. Первоначальное воспитаніе. Домашнее образовательное воспитаніе. Школьное образовательное воспитаніе. Общія его задачи. Школы вообще. Школьныя болѣзни. Мѣстоположеніе школъ. Величина, освѣщеніе и отопленіе классныхъ комнатъ. Школьные столы и классныя принадлежности. Побочныя части школьнаго зданія. Продолжительность школьныхъ занятій и ихъ распредѣленіе по днямъ и годамъ. Врачебно-санитарный надзоръ за школами и школьниками. Школьныя лѣтнія колоніи и дѣтскія санаторіи.

Къ этой главѣ предлагается: 1) росписаніе лекцій; 2) записки Ал. Ил. Пузыревскаго по элементарной теоріи музыки, отлитографированныя и розданныя курсистамъ пѣвческаго отдѣленія; 3) статья его же: „Главные моменты въ исторіи развитія церковнаго пѣнія на западѣ и на востокѣ до IX в. и въ Россіи до половины XIX ст.“ и 4) лекціи по химіи, отлитографированныя и розданныя курсистамъ естественнаго отдѣленія.

VI. Образцовые уроки и демонстраціи чтеній.

Такъ какъ на курсахъ преслѣдовались не методическія пѣли, а научныя, направленныя къ ознакомленію самихъ учителей съ нѣкоторыми предметами, преподающимися во второклассныхъ школахъ, то и образцовыхъ уроковъ на нихъ было сравнительно мало, именно: 4 образцовыхъ урока по теоріи пѣнія, 1 урокъ по Закону Божію, 1—по русскому языку и 1—по арифметикѣ.

Уроки по теоріи пѣнія вѣдены были самымъ лекторомъ, Ал. Ил. Пузыревскимъ—16, 17, 18 и 20 іюля. Сначала выбраны были мальчики изъ учениковъ образцовой школы при Семинаріи, при чемъ показано было, какъ испытываются способности дѣтей и опредѣляется слухъ. На самыхъ урокахъ дѣти были научены чтенію нотъ въ области тетрахорда и подготовлены къ изученію гаммы.

Уроки сопровождались замѣчаніями о правильномъ и неправильномъ преподаваніи. Преподаватель особенно старался на опытѣ показать, какъ учитель можетъ сбить отъ природы правильное музыкальное чувство дѣтей и фальшивое пѣніе ихъ отнести къ винѣ учениковъ и наоборотъ, какими приемами можно исправить эту ошибку. Указаны также были причины, вызывающія неравномѣрный счетъ рукою.

Урокъ по Закону Божію данъ былъ курсистомъ Имеретип. епарх. священникомъ Героеемъ Николадзе. Содержаніемъ урока служило объясненіе 8-го члена Символа вѣры. Катихизическій матеріалъ былъ удачно разработанъ при помощи молитвъ, священной исторіи и данныхъ изъ богослуженія.

Урокъ по русскому языку данъ былъ курсистомъ Донской епархіи Владиміромъ Валагурянымъ. Предметомъ урока служило выясненіе понятія о мѣстоименіяхъ путемъ практическимъ. На примѣрахъ, взятыхъ изъ прочитанной статьи, учитель опредѣлилъ названія этихъ мѣстоименій.

Урокъ по ариметикѣ данъ былъ курсистомъ Воронежской епархіи Аванасіемъ Диденко—объ образованіи дробей и дѣленіи дроби на цѣлое число.

Образцовые уроки, хотя и немногочисленные, вносили замѣтное оживленіе въ занятія и давали мѣсто взаимному обмѣну мыслей.

На лекціяхъ по физикѣ, естествознанію и гигиенѣ образцовыхъ уроковъ не было, но за то здѣсь научныя свѣдѣнія, сообщавшіяся курсистамъ, обильно демонстрировались на практическихъ занятіяхъ, экскурсіяхъ и моделяхъ.

На лекціяхъ по физикѣ на опытахъ курсистамъ были объяснены и показаны различныя свойства тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, дѣйствіе теплоты на тѣла, свѣтовые, магнитныя и электрическія явленія. На *вечернихъ занятіяхъ* курсисты ознакомлены съ приемами устройства простѣйшихъ приборовъ, научились обрабатывать стеклянныя трубки, гнуть ихъ, вытягивать, готовить пробки для составленія приборовъ, плавятъ олово и свинецъ, готовятъ сплавъ, паятъ и вообще собирать и готовить для опытовъ наиболѣе простые приборы.

На лекціяхъ по естествознанію, а также на *вечернихъ занятіяхъ* и *экскурсіяхъ* курсистамъ на опытахъ были объяснены явленія и законы по химіи и ботаникѣ, реакціи химическаго соединенія, разложенія и обмѣна, добываніе кислорода, водорода и другихъ газовъ, явленія горѣнія, способъ очищенія воды; по бота-

никѣ слушатели занимались изученіемъ внѣшняго и внутренняго микроскопическаго строенія растительныхъ и животныхъ тканей и жизни растений и т. д. и сами они научились производить всѣ означенные опыты.

Лекція по гигиенѣ иллюстрировались при помощи различныхъ анатомическихъ картинъ, моделей и скелета.

VII.

Эккурсіи слушателей курсовъ.

Эккурсіи слушателей Харьковскихъ курсовъ устраивались или съ цѣлями религіозно-патріотическими, или съ цѣлями научными.

1. Съ цѣлями религіозно-патріотическими устроена была 28-го іюля въ Воскресенье поѣздка въ Спасовъ Скитъ на мѣсто крушенія Царскаго поѣзда 17 Октября 1888 года. Курсисты и сопровождавшіе ихъ члены распорядительной комиссіи прибыли въ Спасовъ Скитъ въ 9 часовъ утра къ началу литургіи. Литургію слушали въ церкви всемвѣстиваго Спаса, устроенной около мѣста крушенія поѣзда. Затѣмъ, напившись чаю въ помѣщеніяхъ Скита, курсисты подъ руководствомъ инспектора курсовъ, Ректора Семинаріи Протоіерея Іоанна Знаменскаго, осмотрѣли соборъ, устроенный въ память чудеснаго спасенія Государя Императора, Александра Александровича, и всего Его семейства вблизи мѣста крушенія поѣзда, часовню, устроенную на самомъ мѣстѣ крушенія, бесѣдку, поставленную на томъ мѣстѣ, гдѣ Государыня Императрица Марія Феодоровна ухаживала за ранеными, самое мѣсто крушенія поѣзда, деревянную церковь, устроенную въ Скитѣ и другія достопримѣчательности Скита и его окрестностей. Затѣмъ Ректоромъ Семинаріи прочитана была у собора предъ мѣстомъ крушенія Царскаго поѣзда брошюра относительно этого событія, послѣ чего Ректоромъ Семинаріи въ сослуженіи священника—курсиста о. Михаила Надванова отслужена была въ соборѣ панихида по покойномъ Государѣ Александрѣ III, Великому Князѣ Георгіѣ Александровичѣ и всѣмъ, убиеннымъ при крушеніи Царскаго поѣзда, а послѣ панихиды благодарственный Господу Богу молебенъ съ произношеніемъ многолѣтія Государю Императору Николаю Александровичу и всему Царствующему Дому. Въ 6 часовъ вечера курсисты прибыли обратно въ Харьковъ.

2. Съ учебными цѣлями сдѣланы были слѣдующія эккурсіи:

а) 7 и 8 іюля курсисты, подъ руководствомъ преподавателя И. П. Полянскаго, посѣтили Университетскій ботаническій садъ,

гдѣ имъ показавы были пчеловодный и шелководный музей и рассказано о культурѣ карликовыхъ деревьевъ.

б) 14 и 15 іюля курсисты осматривали зоологическій музей и музей изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета.

в) 21 іюля курсисты, въ сопровожденіи членовъ распорядительной коммисіи, ѣздили на сельскохозяйственную ферму, находящуюся въ 12 верстахъ отъ г. Харькова. Здѣсь на фермѣ преподаватель земледѣльческаго училища Сергѣй Александровичъ Ляпидевскій прочиталъ курсистамъ лекцію по пчеловодству, въ которой кратко сообщилъ слушателямъ слѣдующія свѣдѣнія по пчеловодству: три вида обитателей улья, описаніе матки и отличіе ея отъ рабочей пчелы; описаніе рабочихъ пчелъ и ихъ обязанности въ ульѣ; описаніе трутней и ихъ назначеніе; ограниченіе ихъ вывода и уничтоженіе; образованіе вошины; производство меда; необходимость цвѣтня и воды; роеніе естественное и искусственное; неудобства естественнаго роенія и необходимость его предупрежденія; уходъ за пчелами со времени ихъ перваго облета до приготовленія къ зимовкѣ. Потомъ слушатели приглашены были на пасѣку, гдѣ имъ показаны были различныя системы ульевъ: неразборные, линейные, рамочные Берлеппа, Левицкаго, Зубарева, Русскаго общества пчеловодства и Дадана. Съ пасѣки слушатели перешли въ шелководню, гдѣ имъ рассказано было о выводкѣ, развитіи и кормленіи шелковичнаго червя, выработкѣ имъ шелковой нити, образованіи коконовъ и замариваніи ихъ; затѣмъ курсистамъ показаны были коконы и нѣсколько ихъ было размотано на станкѣ. Затѣмъ, пообедавши, курсисты перешли въ помещеніе молочнаго производства, гдѣ имъ показаны были тѣмъ же С. А. Ляпидевскимъ сепараторы и объяснено ихъ устройство, причемъ тотчасъ же было произведено отдѣленіе молока отъ сливокъ; показаны были приборы для сбиванія масла и объяснено ихъ устройство. Отсюда курсисты приглашены были на скотный дворъ, гдѣ тѣмъ же преподавателемъ показаны были породы рогатаго скота, лошадей, овецъ и свиней, разводимыхъ на фермѣ. Такимъ образомъ курсисты пробыли на фермѣ почти цѣлый день съ 9 ч. утра до 6 ч. вечера, получивши хотя краткія, но основательныя свѣдѣнія по пчеловодству, шелководству, скотоводству и молочному хозяйству.

г) 22 іюля съ 5 ч. до 8 ч. преподавателемъ физики Яковомъ Игнатьевичемъ Ковальскимъ съ курсистами, раздѣленными на 3 группы, сдѣлана была экскурсія на городскую электрическую стан-

цію, гдѣ г. Ковальскимъ даны были объясненія о добываніи электричества, храненіи его въ аккумуляторахъ, пользованіе имъ для освѣщенія: показана была Вольтова дуга. объяснено примѣненіе электричества къ рабочимъ станкамъ и многія другія явленія, связанныя съ электричествомъ.

VIII

Поведеніе слушателей курсовъ.

Къ учебнымъ занятіямъ почти всѣ слушатели относились вполне добросовѣстно и усердно. На утренніе и вечерніе уроки являлись своевременно и въ полномъ составѣ, во время уроковъ не позволяли себѣ ни выходить изъ аудиторій, ни заниматься посторонними дѣлами; большая часть слушателей вели запись лекцій почти по всѣмъ предметамъ.

Въ часы свободные отъ занятій слушатели курсовъ вели себя скромно. Въ теченіи шестинедѣльнаго пребыванія ихъ въ г. Харьковѣ не было случаевъ нарушенія ими внѣшняго порядка ни въ здаціяхъ семинаріи, ни внѣ ихъ. Вообще значительное большинство слушателей курсовъ отличалось скромностію и усердіемъ къ дѣлу, вслѣдствіе чего занятія на курсахъ во все время ихъ продолженія шли стройно, энергично и безъ нарушенія порядка.

IX.

Помѣщеніе слушателей курсовъ и ихъ содержаніе.

Внѣшняя жизнь курсистовъ обставлена была наибольшими удобствами. Въ ихъ распоряженіе для дневныхъ занятій были предоставлены въ семинарскихъ корпусахъ 6 просторныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ комнатъ съ такимъ же корридоромъ, 9 спальныхъ комнатъ, столовая, 2 просторныхъ свѣтлыхъ зала для чтенія лекцій и три такихъ же зала для вечернихъ практическихъ занятій. Въ ихъ распоряженіи находилась семинарская баня, а для прогулокъ—семинарскіе сады и вообще все обширное семинарское помѣстье. Столъ курсистовъ, не заключаая въ себѣ никакихъ излишествъ и роскоши, былъ во все время курсовъ исправнымъ, будучи приготовляемъ изъ свѣжаго и питательнаго матеріала. Обѣды ихъ всегда состояли изъ трехъ блюдовъ, а ужинъ изъ одного блюда. Кроме того два раза въ день курсисты пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ гигиеническихъ условий здоровье курсистовъ во все время продолженія курсовъ было вполне удовлетворительно. Только два—три курсиста болѣли, но болѣзнь ихъ не имѣла ничего общаго съ курсами.

X.

Исполненіе сметы по устройству курсовъ.

На устройство курсовъ для учителей второклассныхъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году Училищнымъ Совѣтомъ при Свят. Синодѣ назначено было 17250 р. По статьямъ сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) на путевые расходы учителей 7000 р.; 2) на продовольствіе пищею 200 чел. въ теченіе 6 недѣль 3150 р.; 3) на утренній и вечерній чай на 200 ч. по 2 р. — 400 р.; 4) на содержаніе помѣщеній, освѣщеніе, прислугу, кухню, стирку бѣлья и пр. 1500 р.; 5) на вознагражденіе распорядительной комиссіи 650 р.; 6) на вознагражденіе лекторовъ и преподавателей 2500 р.; 7) на одного лаборанта и двухъ его помощниковъ 500 р.; 8) на учебныя пособія 400 р.; 9) на приобрѣтеніе приборовъ и матеріаловъ для физическихъ опытовъ 500 р. и добавочныхъ 350, — итого 850 р.; 10) на мелочные расходы 100 р. всего 17250 р.

Смѣта эта выполнена слѣдующимъ образомъ: 1) на проѣздъ курсистовъ изъ Харькова къ мѣстамъ ихъ службы выслано 2446 р. 18 к., дѣйствительно же выдано 2494 р. 47 к., по требовательнымъ спискамъ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ, выдано болѣе на 48 р. 29 к.

2) На продовольствіе пищею отпущено на 200 ч. 3150 р. дѣйствительно же израсходовано 3258 р. 47 к., израсходовано болѣе на 108 р. 47 к., такъ какъ дѣйствительно содержалось 215 чело-вѣкъ курсистовъ и служителей.

3) На утренній и вечерній чай на 200 ч. ассигновано 400 р., дѣйствительно же израсходовано на 215 ч. 430 р., на 30 р. болѣе.

4) На содержаніе помѣщеній, освѣщеніе, прислугу, кухню, стирку бѣлья 1500 р., дѣйствительно же израсходовано 1250 р. 79 к., на 249 р. 21 к. менѣе.

5) На вознагражденіе распорядительной комиссіи израсходована ассигнованная сумма 650 р.

6) На вознагражденіе лекторовъ и преподавателей ассигновано 2500 р., дѣйствительно же израсходовано 1845 р., на 655 р. менѣе.

7) На вознагражденіе лаборанта и 2 его помощниковъ израсходована ассигнованная сумма въ 500 р.

8) На учебныя пособія ассигновано 400 р., дѣйствительно же израсходовано 282 р. 92 к., менѣе на 117 р. 8 к.

9) На приобрѣтеніе приборовъ и матеріаловъ для физическихъ опытовъ ассигновано 850 р., дѣйствительно же израсходовано 1112 р. 16 к., болѣе на 262 р. 16 к. Передержка произошла вслѣдствіе

того, что комиссія должна была уплатить только за доставку съ вокзала и по накладнымъ за провозъ различныхъ матеріаловъ и приборовъ, доставлявшихся для курсовъ 445 р. 66 к.

10) На мелочные расходы ассигновано 300 р., дѣйствительно же израсходовано 215 р. 52 к., на 84 р. 48 к. менѣе.

Кромѣ того израсходовано на устройство экскурсій въ Спасовъ Скитъ и на сельско-хозяйственную ферму 265 р. 70 к. и на лѣчение больныхъ курсистовъ 27 р., итого 292 р. 70 к.

Такимъ образомъ по ст. 1, 2, 3, 9 и на экскурсій и лѣчение курсистовъ перерасходовано 741 р. 62 к., по статьямъ же 4, 6, 8 и 10 израсходовано менѣе смѣты на 1106 р. 51 к.

Всего же распорядительною комиссіею по устройству курсовъ израсходовано 12332 р. 3 к.

XI.

О мѣсахъ, посѣщавшихъ педагогическіе курсы.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, во время открытія и во все время продолженія курсовъ находился въ С.-Петербургѣ въ Св. Синодѣ; но въ день открытія курсовъ Его Высокопреосвященство почтвлъ инспектора курсовъ, Ректора Семинаріи Протоіерея Іоанна Знаменскаго, телеграммою слѣдующаго содержанія: „Желая полного успѣха открывшимся курсамъ, призываю на всѣхъ трудящихся благословеніе Божіе. Архіепископъ Флавіанъ“.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Стефанъ, Епископъ Сумской, викарій Харьковской Епархіи, изволялъ принять участіе въ открытіи курсовъ совершеніемъ Господу Богу молебствія, и затѣмъ неоднократно посѣщалъ курсы. Онъ присутствовалъ на лекціяхъ теоріи церковнаго пѣнія, педагогики, физики и химіи, на вечернихъ практическихъ занятіяхъ курсистовъ по физикѣ и химіи и неоднократно пріѣзжалъ въ Семинарію для наблюденія небесныхъ свѣтилъ въ телескопъ.

Нѣкоторые члены Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Харьковскаго отдѣленія, г. Епархіальный наблюдатель, В. О. Давыденко, и священники, интересующіися дѣломъ народнаго образованія, посѣщали педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ школъ, съ интересомъ слѣдя за преподаваемыми на нихъ предметами.

XII.

Закрытіе курсовъ.

3-го августа въ субботу закончены были учебныя занятія и 4-го августа, съ разрѣшенія Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Су-

подъ состоялось закрытіе курсовъ. Въ этотъ день литургія въ Семинарской церкви в благодарственный Господу Богу молебень совершены были Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ. Послѣ богослуженія слѣдовалъ актъ. Актъ начался пѣніемъ молитвы Царю Небесный, послѣ которой инспекторомъ курсовъ прочитанъ былъ отчетъ о курсахъ. Затѣмъ всѣми курсистами прочтѣнъ былъ догматикъ 4-го гласа: *Иже тебе ради*. По окончаніи догматика г. лекторомъ физики Як. Игн. Ковальскимъ демонстрированъ одинъ изъ 100 физическихъ кабинетовъ, приготовленныхъ къ отсылкѣ во второклассныя школы, и затѣмъ инспекторъ курсовъ отъ лица распорядительной комиссіи высказалъ курсистамъ благодарность за усердное отношеніе къ занятіямъ и просилъ ихъ приложить тѣ свѣдѣнія, которыя получены ими на курсахъ, къ дѣлу развитія второклассныхъ школъ.

Инспекторъ курсовъ, Предсѣдатель Харьковскаго Епархіального училищнаго Совѣта, Ректоръ Семинаривъ Прот. Іоаннъ Знаменскій.

Епархіальныя извѣщенія.

Вакантныя мѣста.

Священническія:

Спасской ц. Стрѣльцовскаго конск. завода, Старобѣльскаго уѣзда.
Николаевской ц. сл. Кругляковки, Купянскаго уѣзда.

Діаконскія:

Вознесенской ц. с. Зелюковки, Старобѣльскаго уѣзда.
Покровской ц. с. Пассековки, Волчанскаго уѣзда.
Дмитріевской ц. с. Святодимтріевки, Старобѣльскаго уѣзда.
Успенской ц. с. Камышеватой, Валковскаго уѣзда.
Преображенской ц. сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Троицкой ц. с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
Николаевской ц. с. Тацюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.
Петро Павловской ц. с. Отрады, Зміевскаго уѣзда.
Ворисо-Глѣбской ц. с. Водянаго, Зміевскаго уѣзда.
Арх.-Михайловской ц. с. Соколова, Зміевскаго уѣзда.
Космо-Даміановской ц. с. Ъздоцкаго, Богодуховскаго уѣзда.
Іоанно-Богословской ц. с. Яикова-Рога, Ахтырскаго уѣзда.

Николаевской ц. с. Старого, Сумскаго уѣзда

Троицкой ц. с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

Вознесенской ц. г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.

Николаевской ц. с. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда.

Пророко-Ильинской ц. с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда.

Вознесенской ц. с. Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда.

Николаевской ц. з. г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.

Николаевской ц. с. Семеновки, Изюмскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Землетрясеніе въ Андижанѣ.—Некрологъ.—Объявленія.

Всѣ газеты въ половинѣ декабря были наполнены извѣстіями о землетрясеніи въ Ферганской области (въ закаспійскомъ краѣ), которое причинило бѣдъ болѣе, чѣмъ недавно бывшее землетрясеніе въ Шемахѣ. Цвѣтушій городъ области Андижанъ съ окрестными селеніями 3 декабря разрушенъ до основанія. Газеты сообщаютъ слѣдующія подробности объ этой катастрофѣ.

Передъ землетрясеніемъ почти всю Ферганскую долину окутала туманъ и наблюдался свѣлый вѣтеръ. 3 декабря, въ 9 часовъ утра, былъ первый толчекъ. Почва колебалась волнообразно, и самый феноменъ продолжался двѣ—три секунды. Черезъ полчаса ударъ повторился; онъ былъ такъ силенъ, что зданія стали валиться. Открывались стѣны, летѣли крыши, падали заборы. Населеніе въ паникѣ выскакивало на улицы, а кто не успѣлъ выскочить, былъ засыпанъ обломками строеній. Поднялся плачъ и стонъ, который буквально раздиралъ душу. Кое-гдѣ уцѣлѣли стѣны и на нихъ красовались удержавшіяся вывѣски. Очень красивое зданіе русско-китайскаго банка обратилось въ груды руинъ. Казенныя зданія представляютъ огромныя кучи мусора. Вокзалъ въ развалинахъ. Рельсы на полотнѣ дороги скручены, изогнуты и исковерканы, какъ тонкая проволока. Ударъ шелъ сперва вертикально, и вагоны, подброшенные вверхъ, падая обратно, уже не попадали на рельсы. Въ теченіе 15 минутъ непрерывно подземные удары смѣнялись, разметывая и разрушая все, что уцѣлѣло отъ перваго сотрясенія земли. Все теченіе катастрофы сопровождалось непрерывнымъ подземнымъ гуломъ, а на поверхности земли шелъ дождь и непрерывно дулъ вѣтеръ. Перепуганное населеніе металось на улицахъ. Дѣти, старики, больные, покинувшіе жилища и тѣмъ самымъ спасшіе себя жизнь, не находили мѣста, гдѣ укрыться отъ непогоды.

Центръ землетрясенія находится въ шести верстахъ южнѣе Анджаана. Здѣсь образовалась трещина, изъ которой вылетали столбы воды, песка и грязи. Высота подъема земли опредѣляется очевидцами такъ:—сваи моста черезъ Шаръ Хайсай трижды поднимались на аршинъ. Полоса наибольшаго разрушенія имѣетъ, приблизительно, видъ сектора, основаніе котораго направлено къ югу отъ Анджаана. Радиусъ верстъ въ 25, при гораздо меньшей ширинѣ. Всѣхъ построекъ разрушено въ уѣздахъ: андижанскомъ—свыше 12,000, маргеланскомъ—2,000, опскомъ—1,000. Людей погибло:—въ Анджанѣ—3,000, въ волостяхъ: сатемской—700 человекъ, ярбашинской—600, айтынкульской—650, мангирской—200, коканъ-кишлакской—600, ассихинской—300. Обиліе жертвъ объясняется тѣмъ, что многіе мусульмане спали послѣ ночи, проведенной въ молитвѣ, вслѣдствіе поста „тразы“. Голодные туземцы сидятъ на развалинахъ, безропотно перенося испытаніе. Несмотря на увѣщаніе, андижанцы отказываются покинуть городъ, составляющій центръ плодороднѣйшей области. Передвиженіе 10-ти-тысячнаго бѣдствующаго населенія можетъ вызвать нежелательныя послѣдствія на мѣстахъ новаго заселенія, поэтому помощь предположено оказать на мѣстѣ. Необходимо дать возможность перезимовать до наступленія новыхъ работъ могущихъ поправить положеніе. Царская милость 50 тыс. руб. произвела бодрящее дѣйствіе. Русскіе частью выѣхали, частью живутъ въ вагонахъ, приспособленныхъ подъ жилье. Положеніе русскихъ несравненно лучше, нежели участь туземцевъ. Можно опасаться возникновенія болѣзней среди туземцевъ, живущихъ впроголодь подъ открытымъ небомъ. Необходима широкая помощь и снабженіе одеждою, хлѣбомъ, водою, которой въ городѣ нѣтъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Одинъ изъ духовныхъ сыновей почившаго священника Покровской церкви гор. Богодухова о. Павла Григорьевича Леонтовича, почетный гражданинъ Николай Вертьяковъ прислалъ въ редакцію нашего журнала слѣдующія строки, посвященныя памяти своего духовнаго отца

23 августа сего 1902 года послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни сердца скончался, на 63-мъ году жизни, священникъ Покровской церкви гор. Богодухова отецъ Павелъ Григорьевичъ Леонтовичъ. Не смотря на то, что всѣ знавшіе покойника и любившіе его, а таковыми были, можно съ увѣренностью сказать, всѣ его духовные дѣти—прихожане, жи-

дали такого печальнаго исхода болѣзни, вѣсть о смерти, облетѣвшая мигомъ весь городъ, поразила всѣхъ и у многихъ вызвала слезы. Какъ то не хотѣлось вѣрить, что нѣтъ уже съ нами о. Павла, что не услышимъ больше голоса нашего Батюшки! Сбумѣлъ онъ привлечь къ себѣ наши сердца и быть не по имени только отцомъ, а истиннымъ утѣшителемъ въ горѣ, совѣтникомъ въ несчастіѣ, всегда готовымъ „душу отдать за други своя“...

Назначенъ и рукоположенъ во священника къ Покровской церкви г. Богодухова покойный былъ Преосвященнымъ Нектаріемъ въ 1862 г. 14 сентября. Полный силъ и энергіи, молодой батюшка всѣ свои силы отдавалъ служенію храму и его прихожанамъ. При поступленіи о. Павла храмъ нашъ былъ деревянный и очень ветхій. Благодаря же энергіи о. Павла и умѣнью расположить къ пожертвованіямъ даже нѣкоторыхъ московскихъ благотворителей, у насъ былъ выстроенъ и благоустроенъ самый обширный и благолѣпный въ г. Богодуховѣ храмъ. Этотъ благолѣпный храмъ былъ его любимымъ дѣтищемъ покойнаго; рядомъ съ нимъ о. Павелъ и погребенъ, согласно выраженному въ его духовномъ завѣщаніи желанію. 18 мая 1902 г. волею Высокопреосвященнаго Флавіана о. Павелъ былъ перемѣщенъ къ Покровской церкви слоб. Большой Писаревки Богод. уѣзда. Казалось, переѣздъ въ Писаревку былъ неизбеженъ, по пути Господни неисповѣдны! Получивъ указъ о перемѣщеніи, покойникъ началъ собираться въ дорогу, заболѣлъ и умеръ.

26 авг. соборомъ Богодуховскихъ и ближайшихъ селъ священнослужителей, при необыкновенномъ для города Богодухова стеченіи народа, тѣло покойника было опущено въ могилу въ оградѣ Покровской церкви...

Покойникъ своимъ всегда торжественно-благолѣпнымъ служеніемъ, замѣчательною нестяжательностію, отзывчивостію къ несчастнымъ своимъ прихожанъ, своимъ любовью и умѣнемъ трудиться на пользу прихожанъ, пользовался ихъ любовью, уваженіемъ, что особенно ярко обнаружилось въ послѣдніе дни жизни о. Павла а также и послѣ его смерти. Когда въ Богодуховѣ была получена вѣсть о переводѣ о. Павла, то прихожане всѣ до одного человѣка единодушно рѣшили отправить и отправили депутацію къ Высокопреосвященнѣйшему Флавіану съ просьбой не отнимать у нихъ любимаго Пастыря. Когда же затѣмъ умеръ о. Павелъ, то и по нынѣ постоянно могила его посѣщается цѣлыми толпами прихожанъ. Почитатели покойнаго не только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но и въ будни нарочно ходятъ на могилу помолиться о упокоеніи любимаго батюшки... Миръ праху твоему нашъ добрый Отецъ и Пастырь!

Находитея въ продажѣ брошюра
проф. А. О. БРАНДТА:

„ОТЪ МАТЕРІАЛИЗМА КЪ СПИРИТУАЛИЗМУ“.

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Императорскаго Харьковскаго университета 17 января 1902 года. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 50 коп. съ пересылкою. Складъ изданія у автора: Харьковъ, Ветеринарная улица, 13.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

священника О. К. Титова:

Макарій (Булгаковъ), митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Историко-біографическій очеркъ. Т 11-й. Тамбовскій и Харьковскій періоды жизни и дѣятельности м. Макарія. (1857—1868 г.).

Отъ автора. Кіевъ 1903 г. Ц. 2 руб. съ перес.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются:

1. „Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія“ Вьндельбанда. Переводъ слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 3-е изданіе. Ц. 2 р. С.П.Б. 1902.

2. „Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками“ В. Вьндельбанда. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Е. И. Максимовой, В. М. Невѣжиной и Н. Н. Платоновой подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго Университета А. И. Введенскаго. Томъ первый. Отъ возрожденія до Канта. С.П.Б. 1902 г. Цѣна безъ II тома 3 р., съ билетомъ на полученіе II тома 4 рубля.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочной платжею.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на духовный богословско-апологетическій журналъ

ВѢРА и ЦЕРКОВЬ

на 1903 годъ—пятый годъ изданія.

Журналъ имѣетъ своею задачею отвѣчать на запросы религиозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе рационализму и невѣрію.

Въ первомъ, научно-богословскомъ отдѣлѣ его помѣщаются статьи, служащія къ разъясненію въ строго-православномъ духѣ преимущественно такихъ богословскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, которые подвергаются, несогласнымъ съ ученіемъ православной Церкви толкованіямъ въ современной жизни и мнимо-либеральной печати; здѣсь, между прочимъ, печатаются статьи и по естественно-научной апологетикѣ. Утверждаясь на св. Писаніи и св. преданіи и въ то же время стремясь къ научной обоснованности, статьи этого отдѣла предлагаются въ общедоступномъ изложеніи.

Второй отдѣлъ—церковно-общественный, посвящается обзорнѣю выдающихся явленій церковной жизни современнаго общества. Въ немъ отмѣчаются и, по мѣрѣ нужды, обсуждаются на ряду съ типами и фактами положительнаго характера и встрѣчающіяся въ жизни отклоненія отъ устоевъ церковности, преимущественно засвидѣтельствованныя печатнымъ словомъ; въ число вопросовъ церковной жизни, подлежащихъ обсужденію, мы включаемъ и вопросъ о воспитаніи современнаго юношества въ духѣ православной вѣры.

Духовную библиографію, имѣющую предметомъ своимъ вновь выходящія книги, а съ 1903 года и журнальныя статьи богословско-апологетическаго, нравственно назидательнаго и учебнаго содержанія, съ наступающаго года считаемъ полезнымъ выдѣлить въ особый—библиографическій—отдѣлъ.

Для болѣе нагляднаго представленія о содержаніи и характерѣ журнала позволяемъ себѣ указать на то, что въ немъ печатаются, между прочимъ, публичныя богословскія чтенія для свѣтскаго образованнаго общества изъ круга ведущихся въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и рефераты, читаемые къ „Отдѣленіи Педагогическаго Общества при Московскомъ университетѣ по вопросамъ религиозно-нравственнаго образованія“.

Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ журналъ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій. Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній; многими епархіальными преосвященными онъ рекомендованъ для церковныхъ и благочинническихъ бібліотекъ.

Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ—ПЯТЬ рублей, съ доставкой и пересылкой—ШЕСТЬ рублей.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, протоіерея Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе лицея) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900, 1901 и 1902 годы по пяти рублей за годъ съ пересылкой.

Редакторъ-издатель, прот. І. Соловьевъ.

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1903 ГОДУ

„ПРАВОСЛАВНО-РУССКОЕ СЛОВО“,

духовный и церковно-общественный журналъ, издаваемый „Обществомъ распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви“ (съ 1902 г.), въ количествѣ 20 книжекъ въ годъ, — будетъ издаваться по той же программѣ и преслѣдовать поставленную цѣль служенія духовно-нравственнымъ интересамъ преимущественно образованнаго православно-русскаго общества и защиты православной истины и ея служителей отъ современныхъ враждебныхъ отношеній къ ней со стороны зараженныхъ либеральнымъ суемудріемъ и религиознымъ скептицизмомъ интеллигентовъ.

Программа журнала слѣдующая:

1. Ежемѣсячное обзорѣніе текущихъ замѣчательныхъ событій изъ жизни церковно-общественной съ православно-христіанской точки зрѣнія. 2. Статьи богословскія основоположительнаго характера по религиозно-нравственнымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ, возникающимъ въ современной русской жизни и печати; беллетристическія произведенія и стихотворенія, посвященныя тѣмъ же вопросамъ. 3. Извлеченія изъ твореній св. отцевъ и учителей Церкви, дающія руководителныя начала для правильнаго пониманія и разрѣшенія означенныхъ вопросовъ. 4. Обзорѣнія: а) текущей духовной журналистики, б) свѣтской печати и в) книгоиздательства преимущественно по тѣмъ же указаннымъ вопросамъ, съ критическими замѣчаніями по поводу тѣхъ или другихъ сочиненій и отдѣльныхъ ихъ мыслей. 5. Отвѣты редакціи на недоумѣнные серьезные вопросы, предлагаемые читателями изъ области богословской и церковно-практической. 6. Извѣстія и замѣтки преимущественно о дѣятельности духовно-просвѣтительныхъ обществъ и ихъ членовъ, а также и о лицахъ заявляющихъ себя этого рода дѣятельностію. Цензура журнала предоставлена Предсѣдателю Совѣта Общества, Протоіерю Философу Орнатскому.

Журналъ выходитъ книжками отъ пяти листовъ каждая, in 8^о, по двѣ книжки въ мѣсяцъ около 1 и 15 чиселъ, за исключеніемъ мѣсяцевъ передъ праздниками Св. Пасхи и Рождества Христова, іюня и іюля, въ которые будетъ выходить по одной книжкѣ, съ особыми приложеніями. Въ качествѣ отдѣльнаго бесплатнаго приложенія въ 1903 году будетъ данъ большой томъ избранныхъ статей изъ сочиненій нашихъ выдающихся іерарховъ и богослововъ по вопросамъ, особенно возбуждающимъ интересъ и недоразумѣнія въ современномъ обществѣ, какъ напр. о церкви и ея авторитетѣ, о важности пастырства, о сущности христіанства, о смыслѣ жизни, о духѣ и плоти, о непротивленіи злу, съ вытекающими отсюда ошибочными воззрѣніями на свободу совѣсти, на войну, судъ и наказанія, о значеніи челоѣческой личности, о святости брака, о религиозно-нравственномъ воспитаніи, о христіанскомъ призваніи женщины и проч., подъ заглавіемъ: „Современные церковно-общественные вопросы въ рѣшеніи ихъ архипастырями и выдающимися богословами Русской Церкви“.

Цѣна на журналъ съ приложеніями 5 руб. въ годъ безъ доставки и пересылки, 6 руб. съ доставкой и пересылкой въ Россіи и 7 руб. за границу. Въ розничной продажѣ 30 коп. за №.

Адресъ редакціи и конторы *С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 5.*

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, когорая открыта ежедневно съ 10 час. утра до 1 час. пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, а также въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа—Гостинный дворъ, 18; Тузова—Гостинный дворъ, 45; Полова—Невскій, 66 и въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

Редакторы: Протоіерей *Александръ Дерновъ.*

Священникъ *Павелъ Ляхостскій.*

Александръ Надеждинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДОМАШНЯГО ХОЗЯЙСТВА И ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ

ХОЗЯЙКА

ПО РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММѢ.

Подписавшіеся до 25 декабря 1902 г. получаютъ: 60 номеровъ богато иллюстр. журнала. Больше 2000 стр. текста. Статьи по всемъ вопросамъ домашняго хозяйства. Уходъ за домомъ въ городѣ и деревнѣ.—Порядокъ въ квартирѣ.—Садоводство. Огородничество.—Полеводство.—Домашнія животныя.—Полезныя искусства въ общедоступномъ примѣненіи.—Полезныя свѣдѣнія, необходимыя въ практической жизни. Бесплатныя отвѣты гг. специалистовъ на все вопросы гг. подписчиковъ. Масса иллюстрацій. Отд. номеръ 20 коп. 60 номеровъ „Мать и Дитя“ больше 1000 стр. текста. Физическое и духовное воспитаніе дѣтей.—Гигіена дѣтскаго возраста.—Какъ ухаживать за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ.—Дѣтскія игры и забавы дома и на воздухѣ.—Масса иллюстрацій. Отд. № 20 к. 60 номеровъ „Кулинаръ“ больше 1000 стр. текста. Какъ готовить здоровыя и дешевыя кушанья—Скоромный и постный столъ.—Вегетеріанскій столъ.—Домашніе консервы и заготовки.—Кондит. издѣл.—Напитки.—Меню за недѣлю.—Масса иллюстр. Отд. номеръ 20 к. 28 номеровъ журнала „Моды“ больше 500 стр. текста.—Моды дамскія и дѣтскія.—Прически.—Бѣлье.—Обувь.—Духи и бездѣлушья.—Хроника моды.—Письма изъ Париза, Вѣны, Лондона.—Искусство красиво и дешево одѣваться. Отд. номеръ 30 коп. 28 номеровъ журнала „Выкройки и вышивки“, по новѣйш. парижск. вѣнск. и лондонскимъ образцамъ, а равно и по рисункамъ русск. художникъ.—Цѣль этого журнала дать возможность красиво одѣваться домашними средствами. Отд. номеръ 30 коп. 7 книгъ богато иллюстрированныхъ каждая книжка 150—207 стр. текста обшкп. книжн. формата. 1) Роскошный альбомъ вышивокъ въ краскахъ (отд. стоитъ 2 р. 50 к.). 2) Проф. А. Андреа, домовѣдѣніе (116 рис.). 3) Н. Вортъ, кройка и шитье дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ (съ атласомъ). 4) Проф. К. Фишеръ, цвѣтоводство (93 рис.). 5) Проф. П. Гауггартъ, книга чудесъ (118 рис.). 6) П. Мэкензя, кройка и шитье бѣлья (съ атлас.). 7) А. Фреденборгъ, самоучитель женскихъ рукодѣлій (съ атлас.).

Все подписавшіеся послѣ 25-го декабря 1902 г. получаютъ только 52 №№ журн. „Хозяйка“.—52 №№ журн. „Мать и Дитя“.—52 №№ журн. „Кулинаръ“.—24 №№ журн. „Моды“.—24 №№ журн. Выкр. и Выш. и 6 книгъ (безъ первой).

Цѣна на годъ съ доставкой и перес. 4 руб. Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 руб., къ 1-му марта 1 руб. и къ 1-му мая 1 руб. Или первые 8 мѣсяцевъ по 60 коп. Подписка принимается въ Гл. Конт. „Хозяйка“: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ 69, и во всякъхъ книжныхъ магазинахъ.

Отвѣтств. Редакторъ Д-ръ Г. М. Бубисъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную

на 1903 годъ.

Въ будущемъ 1903 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянныя рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проєкты и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетонъ (бедлетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ. *Редакторъ Ефимовичъ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ Петровскій пер., д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Коронскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеохической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шутаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществоми?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Осовременная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной уютвенной жизни“. А. Влѣяева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ психоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доктора А. Влѣяева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свѣдѣніи Преданій“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. О.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 гг.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ едиковѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли integritatibus, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ВНАМЕНОВІЙ**
{ и Статскій Совѣтникъ, Константинъ **ИСТОМИНЪ**.